

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ГОРОХОВЕЦ
И ЗЕМЛИ ОКСКО-КЛАЗЬМИНСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ В XII - XVII ВВ.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Материалы научной конференции

Москва
2017

УДК 902/904
ББК 63.4
Г70

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Ответственный редактор
академик *Н. А. Макаров*

Составитель
к. и. н. *С. И. Милованов*

Г70 **Гороховец** и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII – XVII вв.: история и археология. Материалы научной конференции. М. : ИА РАН, 2017. 152 с., ил.

ISBN 978-5-94375-225-4

В сборнике публикуются материалы научной конференции, проходившей в 2016 г. в г. Гороховце Владимирской области и приуроченной к 850-летию города. Значительная часть статей посвящена истории и археологии Гороховца, одного из малых городов восточных рубежей Владимирского княжества. Представлены материалы новейших археологических исследований на территории Гороховца, освещены вопросы архитектуры города в XVII в. – времени его наивысшего расцвета. Ряд статей посвящен изучению малых городов Древнерусского государства, процессам урбанизации Северо-Восточной Руси, истории соседних территорий в XVI–XVII вв., что позволяет более полно оценить роль Гороховца как городского центра в эпоху Средневековья – Новое время.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-225-4

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2017
- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт российской истории РАН, 2017
- © Авторы статей, 2017

Содержание

<i>Рыбаков С.Е.</i> Предисловие	5
---------------------------------------	---

ГОРОХОВЕЦ И ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII–XIII ВВ.

<i>Кучкин В.А.</i> Ранняя история Гороховца	7
<i>Макаров Н.А.</i> Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI–XIII вв.: размеры городских территорий	11
<i>Коваль В.Ю.</i> Малые города средневековой Руси: исторические этапы формирования	25
<i>Кузнецов А.А.</i> Гороховец, Городец и Нижний Новгород в городской инфраструктуре Владимирского княжества 1150-х–1230-х гг.	33

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОХОВЦА И ПАМЯТНИКОВ ОКСКО-КЛЯЗЬМИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

<i>Милованов С.И.</i> Город Гороховец по данным археологических исследований на территории городища	45
<i>Бейлекчи Вал.В.</i> Могильник на Пужаловой горе (археологические исследования 2015 года)	56
<i>Грибов Н.Н.</i> Сопредельные земли Гороховецкой волости на правом берегу Оки: основные вехи средневекового освоения	63
<i>Беляев Л.А.</i> Белокаменные надгробия церкви Ильи Пророка в селе Кожино Гороховецкого района	73

ГОРОХОВЕЦ И ЗЕМЛИ ОКСКО-КЛЯЗЬМИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В XVII–XVIII ВВ.: ИСТОРИЯ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

<i>Лисейцев Д.В.</i> На пути из Смуты: гороховецкий посад во втором десятилетии XVII века	81
<i>Мазур Л.Д.</i> Градостроительная эволюция Гороховца в преддверии каменного строительства (1600–1686-й годы)	89

<i>Вдовиченко М. В.</i> Каменная архитектура Гороховца XVII века: типологический анализ и вопросы стиля	124
<i>Давыдов М. И.</i> Из недавних архивных находок: новые и повторно выявленные документы по истории Гороховца и его округа в XVII – начале XVIII в.	136
<i>Беляева В. Н.</i> Ремесла и промыслы села Павлово XVII века	140
<i>Морохин А. В.</i> Из начальной истории нижегородской епархии	147

С. Е. Рыбаков

*член Совета Федерации РФ,
заместитель председателя Комитета
Совета Федерации по науке, образованию и культуре*

Гороховецкие научные конференции и изучение средневековой истории Окско-Клязьминского междуречья

Проведение научных конференций в Гороховце стало традицией. В 2014 году на гороховецкой земле впервые состоялась научная конференция, которая была посвящена теме: «Торговля и купечество Центральной России в XVII веке, актуальные проблемы социальной истории городов России XVII–XVIII веков». В 2016 году Гороховец стал местом обсуждения проблем истории и археологии Окско-Клязьминского междуречья XII–XVII столетий.

Это несколько необычно, когда маленький районный город, пусть даже исторический, становится местом проведения столь серьезных научных мероприятий. Но это вовсе не случайно и вполне символично.

Гороховец – старинный русский город, возникший в середине XII века и обладающий богатой историей и значительным историко-культурным наследием. Он хорошо известен среди историков и искусствоведов – а в последние годы все больше и среди широкой общественности – в первую очередь многочисленными архитектурными памятниками XVII столетия (в том числе практически половиной общего числа всех жилых допетровских домов в России), своей деревянной застройкой, историей знаменитого гороховецкого купечества и, в несколько меньшей степени, – именем «Города Пресвятой Богородицы» и героическим военным прошлым (как пограничная крепость Древней Руси XIII–XVI вв. и как один из центров борьбы против внешних и внутренних врагов Российского государства в начале XVII века).

На все этом основана уникальность Гороховца и его известность. Вместе с тем, несмотря на свою уникальность, это очень типичный малый исторический город Центральной России. И очень важно, что научные конференции высокого уровня вышли за пределы Москвы, Санкт-Петербурга, больших городов и проходят сегодня в русской провинции.

Но дело не только в этом. Место проведения обусловило тематику конференции. А обращение к теме Окско-Клязьминского междуречья в средние века сулит очень интересные научные перспективы.

Земли Владимиро-Суздальского княжества и ранней Московской Руси точнее Владимира сравнительно мало изучены. Если говорить о ранних периодах русского средневековья, то это относится даже к таким известным и большим городам, как Нижний Новгород и Муром. Менее же крупные – Стародуб,

Ярополчь, Гороховец, Городец – традиционно находились на периферии внимания историков. И уж совсем малоизученной оставалась сельская территория вокруг этих городов. До самого последнего времени господствовала точка зрения о данной территории как о практически неосвоенной в домонгольскую эпоху зоне, где отдельные небольшие древнерусские города-форпосты, боясь оторваться от крупных рек, одиноко возвышались среди густых лесов и редких селищ финских племен: мери, мещеры и муромы. Да и в отношении XIII–XV столетий научных знаний об этих местах (за исключением Нижнего Новгорода) очень мало.

Академическая активность в Гороховце привлекла повышенное внимание к этому почти «белому пятну» в отечественной исторической науке. Восточная окраина Северо-Восточной Руси вдруг раскрылась как весьма интересный регион, насыщенный историческими событиями и археологическими памятниками. Говоря об археологии, нельзя, в частности, не сказать о достаточно интересных новых находках, относящихся к XII–XIII вв., на гороховецком городище и посаде (которые позволили в том числе очертить границы и пространственную структуру домонгольского Гороховца), раскопках на гороховецком курганном могильнике XII столетия (самом восточном славянском курганном некрополе), а также о потрясающих находках белокаменных надгробных плит XVI–XVII вв. на давно уничтоженном кладбище села Кожино Гороховецкого района и многих других неожиданных открытиях.

Если говорить о российской исторической науке в целом, то, по всей видимости, проводившиеся в течение последних двух десятилетий исследования российских археологов и историков поставили нас на пороге новых выводов и обобщений. Сделанные открытия и накопленные новые знания ведут к тому, что ставшая привычной хрестоматийная картина древнерусской истории и сам облик Древней Руси как государства, общества и цивилизационного явления могут претерпеть некоторые довольно серьезные изменения.

Во всем этом определенное важное место занимает и та работа, которая ведет к пересмотру наших взглядов на Окско-Клязьминское междуречье в эпоху средневековья и его роль в истории всей нашей страны. И прекрасно, что маленький по величине, но значительный по своему вкладу в отечественную историю русский город Гороховец вносит свою лепту и в развитие российской исторической науки.

ГОРОХОВЕЦ И ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII-XIII ВВ.

В. А. Кучкин

Ранняя история Гороховца

В русских средневековых источниках название города Гороховца впервые встречается в летописных описаниях событий 1239 г. Эти описания читаются во многих русских летописях: Ермолинской (ПСРЛ, 1910. С. 77), Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ, 1949. С. 130), в летописных сводах 1497 г. и 1518 г. (ПСРЛ, 1963. С. 54, 212), Типографской летописи (ПСРЛ, 1921. С. 94), во Владимирском летописце (ПСРЛ, 1965. С. 90), в Никоновской летописи (ПСРЛ, 1885. С. 115), в Воскресенской летописи (ПСРЛ, 1856. С. 144), в Степенной книге (ПСРЛ, 1908. С. 268), в Львовской летописи (ПСРЛ, 1910. С. 158). Однако все перечисленные летописные памятники представляют собой поздние своды, созданные в XV–XVI вв., а потому могут быть заподозрены в том, точно ли они излагают события русской истории времен Батыева завоевания, происшедшие за 250–350 лет до создания указанных выше летописных сводов. Такие опасения вполне оправдываются, если, например, обратиться к Львовской летописи. Там вместо «Гороховець» написано «Городець», и сверхдотошные историки или такие же краеведы могут поупражняться в досужих размышлениях о том, что такое «Городець» и существовал ли вообще Гороховец.

Но сохранилась летопись, которая много древнее перечисленных выше летописных памятников. Это Лаврентьевская летопись, представляющая собой снятую в 1377 г. монахом Лаврентием копию с летописного свода 1305 г. для нижегородского великого князя Дмитрия-Фомы Константиновича. В этой летописи под 1239 г. сообщается, что «того же лѣта на зиму взяша Татарове Мордовскую землю и Муром пожгоша, и по Клязмѣ воеваша, и град святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя» (ПСРЛ, 1926–1928. Стб. 469–470). Это было второе нападение монголов на Владимирское княжество («по Клязмѣ воеваша»). Первое имело место в начале 1238 г. и закончилось взятием таких городов, как Москва, Владимир, Суздаль, Ростов, Тверь. Вторичное нападение монголов в 1239 г. было вызвано тем, что вернувшийся после весны 1238 г. на Северо-Восток из Киева князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) ранним летом 1239 г. сумел организовать дальний поход на Каменец, стоявший на восточных рубежах Владимиро-Волынского княжества. Он взял город, «а княгыню Михайлову со множеством полона приведе в своя си» (ПСРЛ, 1926–1928. Стб. 469). В плен попала Феофания Романовна – жена Михаила Черниговского, который занял Киев сразу после ухода оттуда Ярослава. Пленением Михайловой жены князь Ярослав

намеревался, видимо, воздействовать на ее мужа и вернуть себе Киев. Замысел не удался. Приходилось отбиваться от новых врагов. Осенью 1239 г. Ярослав Всеволодович вынужден был предпринять поход на Смоленск, захваченный литовцами. Смоленск был освобожден, а князь Ярослав «сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си» (ПСРЛ, 1926–1928. Стб. 469). Эта активизация действий нового владимирского князя вызвала беспокойство у монголов. «На зиму», т. е. перед 25 декабря 1239 г., считавшимся в древней Руси первым днем зимы, на Клязьме вновь появились монгольские войска, а в летописи – описания их действий. Из этих описаний следует несколько заключений. Во-первых, делается очевидным, что город Гороховец к 1239 г. уже существовал, т. е. возник до своего первого упоминания в 1239 г. Во-вторых, обозначение его как «град святыя Богородица» свидетельствует о том, что он принадлежал собору Успения богородицы в главном городе Северо-Восточной Руси Владимире, поскольку именно этот собор в летописи назывался «святой Богородицей» (ПСРЛ, 1926–1928. Стб. 348, 351, 353, 355, 370, 379, 389, 392, 407, 411, 435, 441, 448, 450, 454, 460, 463, 468). В-третьих, захват монголами Гороховца после покорения Мордовской земли и опустошения Мурома, которые не входили в состав княжеств Северо-Восточной Руси, свидетельствует о том, что Гороховец относился к пограничным городам Владимирского княжества.

Собор Успения Богородицы во Владимире был заложен Андреем Боголюбским в 1158 г. и окончен постройкой в 1160 г. Летопись сообщает, что после закладки церкви князь дал ей «много имѣнья и свободы купленья и з даньми, и села лѣпшая, и десятины в стадѣх своихъ, и торгъ десятии» (ПСРЛ, 1926–1928. Стб. 348). Здесь говорится о передаче Успенскому собору движимого имущества, а также различных приобретенных Андреем Боголюбским слобод и сел, прав на налоги (дань, десятину со скота и десятину от торговых операций), но ничего не сказано о передаче собору городов или города. Читаемое в той же летописной статье 1158 г. известие о том, что князь Андрей «городъ заложи болии», нельзя, как это делается в некоторых работах гороховецких краеведов, относить к городу Гороховцу. Речь идет о расширении окруженной оборонительными стенами территории города Владимира, что подтверждается археологическим изучением владимирских крепостных сооружений.

Однако в повествовании о событиях 1175 г. летописи указывают, что начавшие править в Ростове и во Владимире князья Мстислав и Ярополк Ростиславичи (племянники Андрея Боголюбского, сыновья его старшего брата Ростислава) отняли у священников владимирского Успенского собора хранившееся в их церкви «золото и серебро», а кроме того отняли «городы ея и дани, что же бяшетъ даль церкви той блаженны князь Андрѣи» (ПСРЛ, 1926–1928. Стб. 375). Очевидно, что Гороховец был в числе городов, которые были даны Успенскому собору Боголюбским. Поскольку этот князь был убит в ночь с 29 на 30 июня 1174 г., передача им Гороховца клиру соборного владимирского храма должна была иметь место между 1158 и 1174 гг.

Судя по пограничному положению Гороховца в 1239 г., в более раннее время, в XII в., значение города как порубежной крепости было основным. В таком случае время основания Гороховца не может быть слишком давним, таким,

например, как время строительства Ростова, Суздаля, Ярославля или Владимира. Косвенным указанием на относительно позднее основание Гороховца служит описание нападения волжских булгар на Суздаль в 1107 г. Летопись не упоминает никаких русских городов, пострадавших от булгар при их движении вверх по Волге, Оке, Клязьме и Нерли Клязьминской к Суздалью летом 1107 г. (ПСРЛ, 1921. С. 73). Очевидно, что таких городов-крепостей к 1107 г. еще не было. Гороховец же, расположенный в сравнительной близости от впадения в Оку р. Клязьмы, на высоком правом берегу последней, нес функцию защиты подходов к стоявшему на Клязьме г. Владимиру со стороны живших по берегам Оки ниже клязьминского устья племен мещеры (расположенный на правом берегу Оки ниже устья Клязьмы Горбатов ранее назывался Мещерском) и мордвы и распространявших свою власть на эти племена волжских булгар. Сам город Владимир расцвел и развился при Андрее Боголюбском, сделавшем его своей столицей. Поэтому строительство крепостей, предохранявших столичный Владимир от неожиданных нападений, надо связывать с деятельностью Андрея Боголюбского. В таком случае Гороховец должен был быть построен после 15 мая 1157 г., когда в Киеве скончался отец Боголюбского князь Юрий Долгорукий и Андрей стал самостоятельным князем в Суздальской земле, но до смерти самого Боголюбского, т. е. до лета 1174 г. Практически это время совпадает с указанным выше периодом передачи Андреем Боголюбским Гороховца клирикам владимирского Успенского собора.

Если строительство Гороховца было связано с защитой Владимира от нападений с востока, со стороны нижней Оки и нижней Клязьмы, то какие же события восточной политики Андрея Боголюбского могли вызвать необходимость такого строительства? В правление Боголюбского имели место два его столкновения с Волжской Булгарией, стремившейся держать под своим контролем население Среднего Поволжья и бассейна нижнего течения Оки. Зимой 1171/1172 г. Боголюбский отправил воевать против булгар своего сына Мстислава и воеводу Бориса Жидиславича. Вместе с ними в поход пошли сын рязанского князя и сын муромского князя. Княжичи соединились на устье Оки, а далее в течение примерно месяца опустошали места, лежавшие близ впадения Оки в Волгу. Ясно, что к устью Оки они пришли разными путями. Если рязанцы и муромцы шли вдоль Оки (Рязань (Старая) и Муром стояли на Оке), то владимирцы, как указывает летопись, двигались вдоль Волги через Городец Радиллов (современный Городец Нижегородской области). Очевидно, что владимирские низовья Клязьмы этим зимним походом не были затронуты, и укреплять их строительством Гороховецкой крепости не было необходимости.

Иное дело более раннее столкновение Андрея Боголюбского с Волжской Булгарией. Оно произошло летом 1164 г. В походе на основную территорию Булгарии приняли участие сам Боголюбский, его сын Изяслав, брат Ярослав и муромский князь Юрий Ярославич. Русская рать была очень большой (она сумела захватить 4 болгарских города, а правитель Булгарии после проигранного сражения бежал «до Великаго города» (ПСРЛ, 1926–1928. Стб. 352–353)) и двигалась в ладьях (один из взятых болгарских городов – Брахимов – стоял в низовьях р. Камы, т. е. на волжском левобережье, которого русским полкам

можно было достигнуть, лишь переправившись через Волгу). Маршрут похода 1164 г. на речных судах может быть указан достаточно определенно. Владимирская рать двигалась от Владимира вниз по Клязьме, муромская – от Мурома вниз по Оке. В устье Клязьмы союзники должны были соединиться и продолжить уже совместный путь по Оке и Волге. Обстоятельства похода 1164 г. на Волжскую Булгарию делают достаточно вероятным строительство Гороховца в названном году как укрепленного лагеря, где могли расположиться, поджидая муромцев, владимирские полки, пункта, который и в дальнейшем мог служить военной базой разного назначения, как наступательного, для накопления военной силы, так и оборонительного.

Произведенные в Гороховце разведочные археологические раскопки подтверждают, что город появился в XII в. К сожалению, малочисленность найденных предметов не позволяет более точно определить время строительства в Гороховце оборонительных сооружений (Седов, 1959. С. 87–88).

Таким образом, имеющиеся к настоящему времени в распоряжении исследователей исторические и археологические свидетельства позволяют считать, что наиболее вероятным временем основания города Гороховца является 1164 год. Названная дата выводится на основании косвенных показателей. Прямые же свидетельства источников указывают на то, что Гороховец существовал по меньшей мере уже в первой половине 70-х годах XII в.

Список литературы и источников

Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). ПСРЛ. Т. I. Л. 1926–1928.

ПСРЛ. Т. VII. СПб. 1856.

ПСРЛ. Т. X. СПб. 1885.

ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. СПб. 1910.

ПСРЛ. Т. XXI. Пг. 1921.

ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. СПб. 1908.

ПСРЛ. Т. XXIII. СПб. 1910.

ПСРЛ. Т. XXIV. 1921.

ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л. 1949.

ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л. 1963.

ПСРЛ. Т. XXX. М. 1965.

. . . Раскопки в Гороховце // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 77. М. 1959. С. 87–88.

Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI–XIII вв.: размеры городских территорий

Образ древнерусского города как особой части средневекового мира со специфической социальной организацией, культурой и повседневностью, отличной от остального пространства – важнейшая составляющая исторической картины Руси, утвердившейся в современной науке. Вопрос о том, как велика была эта часть мира, имеет принципиальное значение для характеристики древнерусского общества и оценки уровня социально-экономического развития домонгольской Руси. Данные о размерах городов, о площадях их укрепленных территорий, рассматриваются археологами и историками как наиболее достоверные материалы для оценки экономического и демографического потенциала городов, как единственная корректная основа для расчетов численности их населения (Кучкин, 2013; Лукин, 2012, С. 45–46). А. В. Куза в 1980-е годы первым в полной мере оценила значимость данных о размерах городских территорий для разработки социальной типологии поселений и реконструкции их иерархии, выделив по этому признаку различные группы укрепленных поселений, в том числе идентифицируемые как столичные и малые города. Основные сведения о размерах древнерусских городов, которые используют сегодня историки и археологи для общей характеристики урбанизации и демографических расчетов, были собраны А. В. Кузой (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985; С. 39–93; Куза, 1989; Куза, 1996) и отражают уровень изученности городов середины – конца 1980-х годов.

Раскопки и разведочные археологические работы в исторических городах и на городищах, выполненные за последние три десятилетия, дали значительный новый материал, корректирующий определения площадей, сделанные ранее, а в ряде случаев радикально меняющий наши представления о размерах поселений. В настоящей статье предпринята попытка систематизировать данные о размерах территорий городов Северо-Восточной Руси с учетом новых материалов. Обращение к городам этой исторической области кажется актуальным не только исходя из ее особого места в истории Руси, но и в силу впечатляющего объема новых раскопок и разведочных шурфовок, проведенных здесь во многих исторических городах, сохраняющих средневековые напластования. Необходимость привлечения этих материалов для прояснения масштабов и динамики средневековой урбанизации остро ощущается в археологии.

На территории Северо-Восточной Руси известно 33 населенных пункта XII–XIII вв., которые прямо названы в письменных источниках городами или рассматриваются историками как города исходя из контекста упоминаний в летописях (рис. 1). Перечень этих городов был составлен В. А. Кучкиным, подробно проанализировавшим летописные известия, указывающие на их

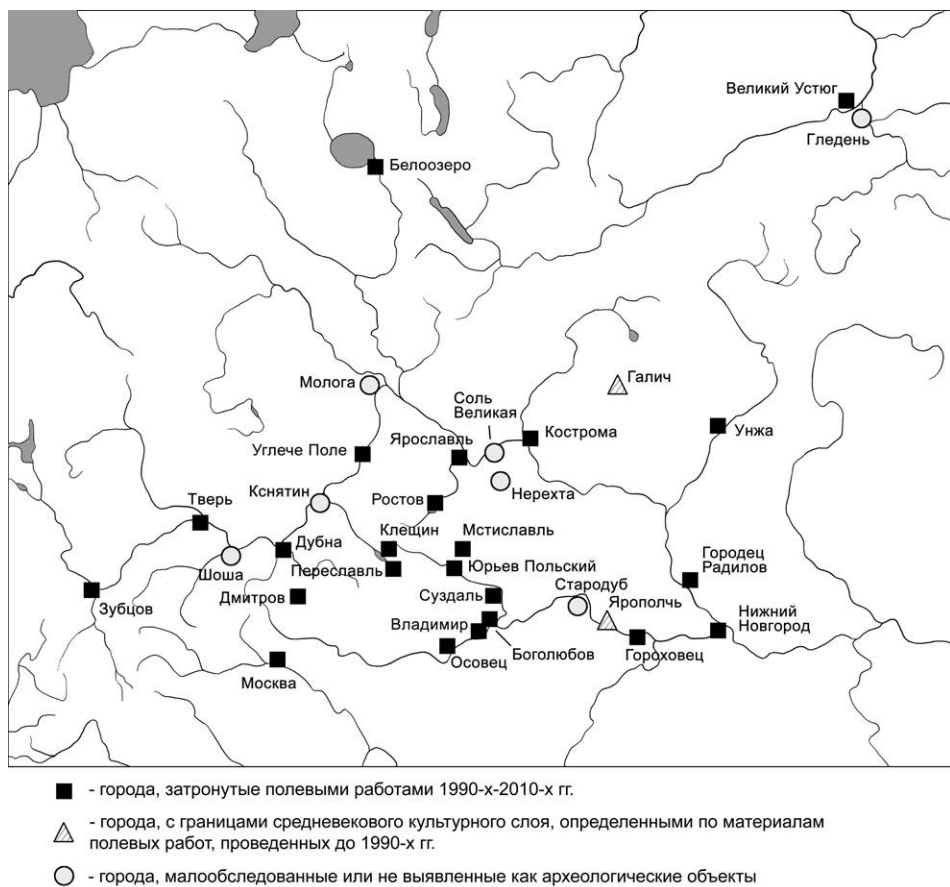

Рис. 1. Города упомянутые в письменных источниках_в одном слое

появление (Кучкин, 1984, С. 55–103). Небольшие дополнения, сделанные на основе пересмотра локализации некоторых летописных топонимов (Шполянский, 2014, С. 164–177), не вносят серьезных изменений в общий объем списка и конфигурацию сети городов на карте. Сегодня хорошо известно, что «города» русских летописей далеко не всегда – поселения с особой социально-экономической природой, этот термин был широко применителен для обозначения поселений разного статуса, защищенных оборонительными сооружениями (Куза, 1989, С. 42; Кучкин, 2015, С. 318–319). С другой стороны, он не использовался для обозначения некоторых крупных поселений с развитым ремеслом и торговлей, и административными функциями, которые не имели укреплений. Среди них, например, поселение Усть-Шексна, обладающее рядом археологических признаков города (Рыкунова, Рыкунов, 2005), но не упомянутое в «Списке городов русских дальних и ближних». Вопрос о правомерности отнесения к городам отдельных поселений Северо-Восточной Руси, рассматриваемых в настоящей

статье, может быть предметом дискуссии, но их присутствие или отсутствие в списке не оказывает существенного влияния на определение общего массива поселений, к которым было применимо название «город».

Археологические раскопки в городах Северо-Восточной Руси, начавшиеся в 1940–1950-х гг., вплоть до 1990-х гг. велись преимущественно как научные изыскания, направленные на поиски и изучение их древнейшего ядра. Академические проекты советского времени дали возможность составить представление о культуре и начальной истории ряда важнейших городских центров Северо-Восточной Руси, и получить данные о размерах городских территорий в границах валов, а в некоторых случаях и об участках за их пределами, с культурным слоем XII–XIII вв. Далеко не во всех городах масштабы раскопок и шурфовки оказались достаточны для определения границ участков с домонгольским культурным слоем, поэтому для разных памятников площади были определены с различной степенью надежности. Необходимость проверки данных, содержащихся в изданиях конца 1980–1990-х гг., стала очевидна уже в 1990-х гг., когда обследование Белоозера показало, что площадь, занятая культурным слоем XII–XIII вв. на этом поселении почти вдвое превышает размеры, установленные по материалам исследований 1940–1960-х гг. (Захаров, 2004, С. 92–95). Два с половиной последних десятилетия стали временем масштабных спасательных раскопок во многих городах (рис. 1). Новые исследования существенно отличаются по своему характеру от раскопок советского времени: выбор места раскопок определяется расположением новостроек, поэтому в поле зрения археолога оказываются не только центр, но и периферия городской территории, которая редко охватывалась раскопками в рамках исследовательских проектов. Принципиальное значение имеет выявление в ряде городов остатков средневековых оборонительных сооружений, сnivelированных в позднейшее время (Ярославль (Энговатова, 2015), Углич (Томсинский, 2004, С. 183–186, 237), Владимир (Очеретин, Очеретина, 2007)), уточнение датировки и истории сооружения оборонительных сооружений в некоторых крупнейших городах (Владимир (Милованов, 2015, Милованов, 2016) и выявление участков домонгольского культурного слоя с внешней стороны городских валов (Суздаль, Владимир, Ярославль, Юрьев-Польской, Городец на Волге, Гороховец, Переславль-Залесский). Хотя масштабы новых раскопок в различных городах заметно варьируют, а документация раскопок не всегда содержит надежные и полноценные данные для понимания динамики и характера освоения исследованных участков, новые материалы дают возможность существенно продвинуться вперед в изучении территорий городов. Они позволяют яснее представить размеры участков, занятых средневековым культурным слоем, мощность и характер отложений в отдельных точках, планировку поселений, а вслед за этим и общие пространственные параметры территорий, которые правомерно рассматривать как территории городов.

23 поселения, атрибутированные по письменным источникам как города, возникшие в домонгольское время, затронуты новыми раскопками, проведенными на больших и малых площадях в 1990–2010-х гг., или шурфовкой (рис. 1). Данные о двух поселениях (Ярополч-Залесский, Галич) основываются

на материалах старых раскопок и шурфовки, проводившихся в советское время (Куза, 1996). Еще 8 населенных пунктов на территории Северо-Восточной Руси, которые рассматриваются историками как города, остаются неизученными или мало обследованными. По некоторым из них (Нерехта, Соль Великая, Шоша) до сих пор не получено хоть сколько-нибудь надежных археологических данных, фиксирующих наличие или отсутствие средневекового культурного слоя в тех точках, где предположительно находились поселения. Один из этих пунктов – Бережич – по-прежнему точно не локализован. Для сравнительного анализа могут быть использованы материалы 24-х поселений, для которых с высокой степенью достоверности определены площади укрепленной части или общие площади городов (табл. 1).

Определение площади средневекового города традиционно рассматривалось как определение площади территории, защищенной земляными укреплениями, что в известной степени облегчало задачу археологов. С учетом результатов исследований последних десятилетий следует признать, что определение размеров городской территории подразумевает скорее определение площади участков, занятых жилой и хозяйственной застройкой, то есть границ культурного слоя. Участки культурного слоя, выявленные с внешней стороны городских укреплений, не стоит выключать из состава городских территорий, как это предлагают некоторые исследователи (Кучкин, 2013). С другой стороны, определение границ распространения средневековых культурных отложений за пределами городских валов остается сложной в методическом отношении и трудоемкой задачей, выполненной в полной мере лишь для нескольких поселений (Суздаль, Клешин). Для многих городов (Владимир, Ярославль, Переславль-Залесский) эта задача осложнена присутствием мощных отложений нового и новейшего времени, затрудняющих разведки средневековых напластований. Тем не менее само присутствие обширных участков домонгольского культурного слоя за пределами валов для этих городов надежно установлено и должно учитываться при оценке городского пространства. При отсутствии точно установленных границ культурных отложений домонгольского времени с внешней стороны укреплений корректно было бы использовать данные о минимальных площадях с культурным слоем, которые могут быть документированы при современном уровне изученности городов. Также следует иметь в виду, что не имевшее земляных укреплений Белоозеро не было единственным в Северо-Восточной Руси городским поселением, развивавшимся следуя подобной модели: к числу открытых поселений должен быть отнесен также Великий Устюг, Унжа, Клешин на первом этапе своего существования, возможно – Ростов. Сказанное не означает, что размеры укрепленных территорий не являются значимым показателем, характеризующими потенциал и статус поселения. Следует лишь признать, что эти характеристики должны основываться как на учете площадей укрепленных территорий, так и на учете общих площадей городских поселений.

Исследования последних лет показали, что культурный слой домонгольского времени в большинстве городов Северо-Восточной Руси имеет мощность не более 1,5 м, за исключением тех участков, на которых залегают влажные

Табл. 1. Города Северо-Восточной Руси XII – первой трети XIII в.: площади укрепленных территорий и общие площади городов (га)

Город	Статус	Наличие укреплений	Укрепленная площадь	Площадь за валами	Площадь общая	Полнота изученности территории для определения границ
Ростов	центр княжества	?	-	-	200	удовлетворительная
Белоозеро	город	нет	-	-	54	высокая
Ярославль	центр княжества	есть	10	не менее 30	не менее 40	удовлетворительная
Суздаль	центр княжества	есть	49	9	58	высокая
Угличе Поле	“-“	“-“	2	есть	?	недостаточная
Клецин	?	“-“	2,5	21,5	24	высокая
Переславль	центр княжества	“-“	35	не менее 40	не менее 75	удовлетворительная
Москва	центр княжества	“-“	14	36	50	удовлетворительная
Тверь	город	“-“	-	-	не менее 22	“-“
Дубна	?	“-“	более 2	не менее 1,5	не менее 3,5	“-“
Юрьев-Польский	центр княжества	“-“	9,5	не менее 15	не менее 24,5	недостаточная
Дмитров	город	“-“	7	не менее 12	не менее 19	удовлетворительная
Владимир	центр княжества	“-“	132	не менее 13	не менее 145	удовлетворительная
Боголюбов	город	“-“	более 3	?	не менее 3	недостаточная
Гороховец	город	“-“	2,2	5,1	7,3	удовлетворительная
Городец Радиллов	“-“	“-“	85	не менее 5	не менее 90	удовлетворительная
Ярополчь	“-“	“-“	2,8	1	3,8	“-“
Зубцов	“-“	“-“	5,3	?	не менее 5,3	недостаточная
Галич	“-“	“-“	5	?	не менее 5	недостаточная
Стародуб	центр княжества	“-“	2,5	нет	2,5	удовлетворительная
Осовой (Осовец)	?	“-“	3,5	8,2	11,7	высокая
Нижний Новгород	город	“-“	7,5	?	7,5	удовлетворительная
Мстиславль	?	“-“	2,7	+	не менее 2,7	недостаточная
Унжа	?	нет	-	-	4	удовлетворительная

напластования, сохраняющие дерево и другие органические материалы. В пределах оборонительных сооружений Суздаля, Владимира, Гороховца, Ярополча, Городца, Клещина зафиксированы участки, где мощность культурных отложений XII–XIII вв. не превышала полуметра, а застройка отсутствовала. Создается впечатление, что оборонительные валы часто возводились с запасом территории, без расчета на быструю застройку всех участков внутри крепости.

Вопросы датирования и хронологического разделения средневековых культурных напластований разработаны для различных городов с различной степенью детализации и с различным уровнем обоснования выделения узких хронологических периодов. Тем не менее, даже на тех памятниках, материалы которых не были предметом глубокого аналитического исследования, на современном уровне изучения средневековых древностей надежно идентифицируются археологические материалы XI – начала XII вв. и середины XII – первой половины XIII вв. Соответственно, для ряда городов мы можем с определенной степенью надежности определить площади, на которых распространен культурный слой этих двух периодов.

Размеры участков с культурным слоем XI – начала XII вв. установлены в шести городах: Ростове, Суздале, Белоозере, Ярославле, Угличе и Клещине (статус которого как города или «большого поселения» для второй половины XI – начала XII вв. неясен). Несмотря на сложность определения наличия или отсутствия культурного слоя этого времени под вышележащими напластованиями, полевые работы последних лет дают достаточно надежные ориентиры для определения границ для всех этих поселений, за исключением Углича. Размеры городских территорий варьируют от 7 га в Белоозере (Захаров, 2004, С. 92–95) до 25 га в Ростове (Леонтьев, 2012, С. 172). В Суздале, где спасательными раскопками в последние десятилетия охвачены значительные участки Окольного города, культурный слой второй половины XI – начала XII вв. за пределами Кремля выявлен лишь на двух участках, что позволяет увеличить ранее определенную площадь застройки этого времени (Седова, 1997, С. 230) лишь на 1 га. Неясными остаются размеры Владимира начала XII вв., поскольку керамика и вещевые находки, которые правомерно рассматривать как хроноиндикаторы этого времени, не выявлены в материалах охранных раскопок последних десятилетий. Это обстоятельство косвенным образом указывает на то, что основанный Владимиром Мономахом город был невелик. Таким образом, города Северо-Восточной Руси второй половины XI – начала XII вв. – сравнительно небольшие поселения, площадь которых не превышала 25 га.

Для 20-ти городов имеются данные о размерах их укрепленных частей (рис. 2, табл. 1), для 19-ти поселений накоплены определенные наблюдения, позволяющие с различной степенью точности оценить их общие размеры во второй половине XII–XIII вв. (рис. 3, табл. 1) Как уже было отмечено, сравнительная оценка размеров городов предполагает как сопоставление площадей, защищенных валами, так и общих площадей.

По площадям укрепленных валами территорий выделяется 4 города: Владимир, Городец Радиллов, Суздаль и Переяславль (рис. 2). Они в несколько раз превосходят по своим размерам остальные укрепленные поселения XII – первой

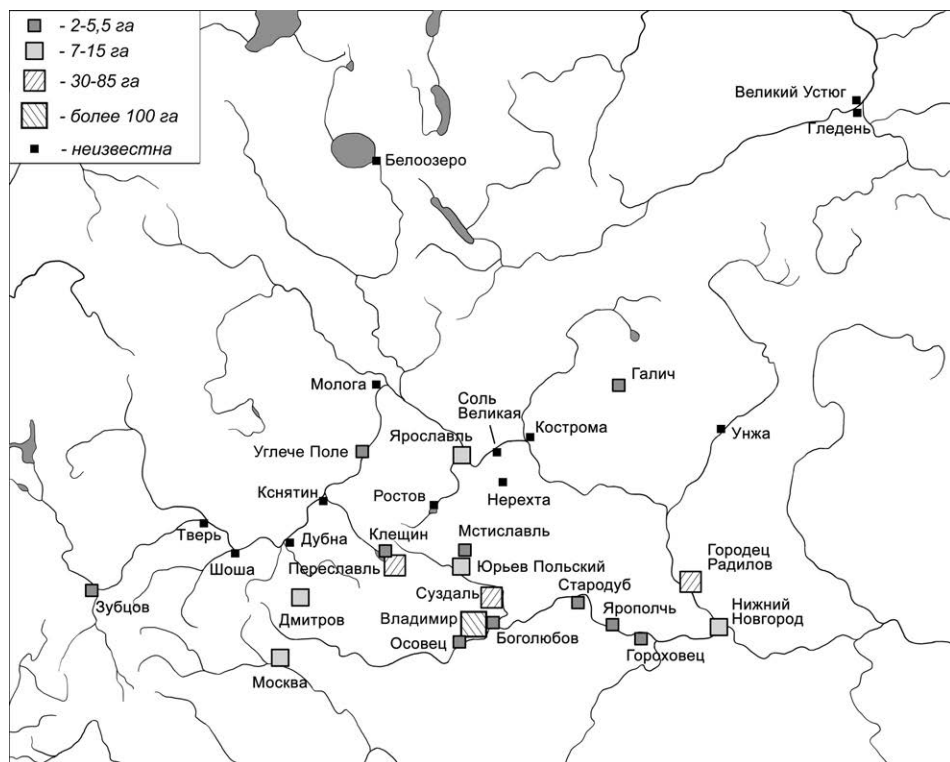

Рис. 2. Площадь укреплений в одном слое

половины XIII вв. При этом Владимир по размерам своей крепости в 2,5–3 раза превосходит Суздаль и Переяславль и в 1,5 раза – Городец. Среди остальных городов намечаются два стандарта размеров укрепленных площадей: 7–15 га (Москва, Ярославль, Юрьев-Польский, Дмитров, Нижний Новгород) и 2–5,5 га (Кляшин, Боголюбов, Угличе Поле, Гороховец, Ярополчь, Стародуб, Зубцов, Галич, Осовец, Мстиславль, Дубна). 11 городов – поселения с укрепленной площадью, не превышающей 5,5 га.

По размерам общих площадей в тройку наиболее крупных центров входят Ростов, Владимир и Городец Радилов (рис. 3). Ростов, в котором культурный слой второй половины XII – первой половины XIII в. зафиксирован на площади около 200 га (Леонтьев, 2003, С. 45), заметно выделяется в этом ряду. Во Владимире культурный слой домонгольского времени за пределами валов достоверно документирован на площади не менее 13 га. Общая площадь, содержащая культурные напластования домонгольского времени во Владимире может быть в будущем скорректирована в сторону увеличения, после уточнения наличия этого слоя на Подоле, но и в этом случае она останется существенно более скромной, чем площадь Ростова. Уточнение данных о площади укрепленной части Городца (Грибов, 2008) и выявление участков домонгольского

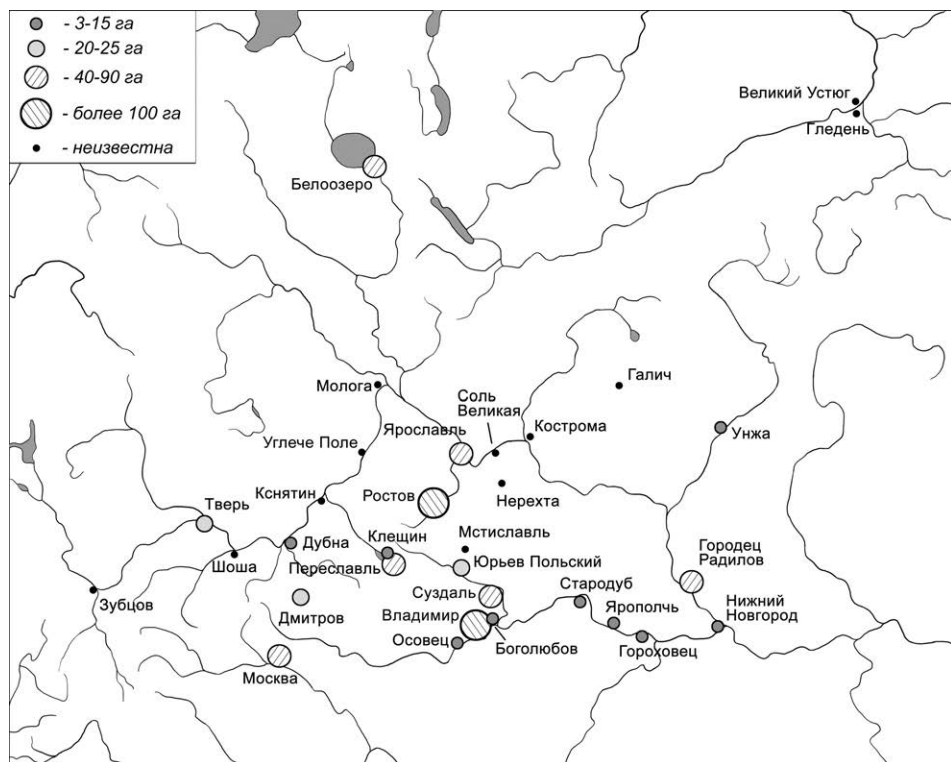

Рис. 3. Общая площадь в одном слое

культурного слоя за пределами укреплений, в том числе у основания высокой коренной террасы, на которой были возведены валы, приближает общую площадь города к площади Владимира.

Площади еще 5-ти городов (Суздаль, Белоозеро, Переяславль, Ярославль, Москва) определяются в пределах 40–75 га. Определение границ распространения средневекового культурного слоя в Суздале и Белоозере основывается на обширных материалах, включающих результаты полевых изысканий на периферии этих городов, поэтому подсчеты площадей этих памятников достаточно точно отражают реальные размеры средневековых городов. Зона распространения домонгольского культурного слоя за пределами средневековых укреплений Переяславля и Ярославля установлена по материалам шурфовки и охранных раскопок последних 15 лет, указаны лишь минимальные площади распространения средневековых отложений, документированные этими работами (Вишневский, 2006; Вишневский, 2010; Энговатова, 2014). Оценка площади Москвы начала XIII в. в пределах 50 га основывается на подсчетах Н. А. Кренке, систематизировавшего данные о распространении культурного слоя этого времени в историческом центре города (Культура средневековой Москвы, 2004; Кренке, 2015, С. 292).

Из восьми городов, выделяющихся своими размерами, пять (Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль, Переяславль) находятся в центре Волго-Окского региона, на территориях, составлявших наиболее плотно заселенное ядро Северо-Восточной Руси (рис. 3). Три других крупных городских центра располагаются далеко за пределами этого ядра (Белоозеро, Москва, Городец Радиллов), в том числе на его крайних рубежах (Городец Радиллов) или на территориях, первоначально не связанных в административном отношении с Ростовом. Пять из этих городов тесно связаны со сложными иерархическими поселенческими структурами X–XI вв., развивавшимися в ближайшей округе. Для трех других – Белоозера, Москвы и Городца Радилова подобная связь не прослеживается. При всем различии характера освоенности территорий, на которых образовались эти города, сеть поселений, сформировавшая условия и среду для кристаллизации городских центров, на этих участках накануне их возникновения отсутствовала.

Два города, применительно к которым летописец при описании событий 1174–1175 гг. использует слово «старый» (старейшие, занимающие наиболее высокое положение в иерархии городских центров) – Ростов и Суздаль (ПСРЛ, т. I, 1997, Стб. 377–378) – значительно различаются по своим размерам. Площадь Ростова конца XII в. в три раза больше площади Суздаля. Размеры городской территории Ростова в большей мере соответствовали его положению «старого» города, имеющего особый статус, чем размеры Суздаля. Суздаль, Белоозеро, Ярославль и Москва оказываются близки по своим размерам. Суздаль, являвшийся в XI – первой половине XII вв., одним из двух важнейших центров княжеской власти в северо-восточных русских землях, с именем которого прочно ассоциируется появление политических амбиций у ее правителей, уступал по своим размерам Переславлю и лишь немного превосходил размеры трех других городов этой группы. При этом лишь в трех городах – Владимире, Суздале и Городце зафиксирована многочастная (двухчастная или трехчастная) система укреплений.

Неожиданными оказываются внушительные размеры Городца Радилова, выявленные в результате более точных подсчетов площади, защищенной валами, и обследования участков с внешней стороны укреплений. В большинстве публикаций территория, защищенная земляными укреплениями в Городце определена как 60 га (Медведев, 1966; Куза, 1996, С. 122). Таким образом, Городец, по размерам своей укрепленной части, превосходил Суздаль и Переяславль и уступал лишь Владимиру. Размеры этого города, основанного на восточных рубежах Ростово-Суздальской земли, на территории, где до рубежа XII–XIII вв. по-видимому не существовало сети древнерусских сельских поселений, резко контрастируют с размерами других крепостей, создававшихся княжеской администрацией в Волго-Окском регионе. Комментируя этот факт, В. А. Кучкин предположил, что Городец использовался для сбора войск и обеспечения безопасности окружающего населения в условиях нестабильной жизни на пограничье, в ситуации военного противостояния между Русью, булгарами и мордвою. В качестве аналогов он рассматривает Торческ и Белгород – крепости на южном пограничье Руси с площадью укрепленной части 90 га и 97,5 га, выполнявшие сходные функции (Кучкин, 2013). Однако возможно и другое объяснение: Городец мог занимать особое место в стратегических планах владимирских князей,

и рассматриваться не как обычный военно- административный центр, а как форпост экспансии на восток, на левобережье Волги. Крепость могла проектироваться с большим запасом земли под будущую застройку, точно так же, как, например, Владимир или Рязань, где в черте укреплений существовали участки, на которые застройка распространилась лишь в начале XIII в.

Достаточно значительные площади занимали во второй половине XII – начале XIII вв. Юрьев и Тверь, с культурным слоем на территориях 20–25 га. Возможно, близкие размеры имел Дмитров. Площади остальных городов варьируются от 4 до 15 га. Для некоторых из них, таких как Ярополч, Осовец, Гороховец, относительно скромные размеры неукрепленных поселений за пределами валов убедительно документированы материалами недавних исследований. В этих случаях трудно ожидать, что общие площади с культурными напластованиями домонгольского времени будут значительно скорректированы в сторону увеличения после новых поисков участков средневековой застройки за границами оборонительных сооружений. Слово «город» использовалось в источниках в этих случаях для обозначения поселений, которые близки по своим размерам к крупным селам Суздальского Ополя. Города с площадью не более 15 га составляют около трети всех поселений, размеры которых установлены по материалам полевых работ последних десятилетий.

А. В. Куза выделил древнерусские поселения с укрепленной площадью от 2,5 до 40 га со специфическим набором археологических признаков, отражающим их торгово-ремесленные, военно-административные и культурно-идеологические функции в особую категорию поселений городского типа – малые города (Куза, 1989, С. 164–167). Не отвергая возможность выделения этой категории поселений, стоит отметить, что города с размерами укрепленных территорий от 2,5 до 40 га в северо-восточных русских землях не образуют гомогенной группы. По формальным признакам в эту группу можно было бы включить абсолютное большинство рассмотренных поселений, от столь значительных центров как Переяславль, Ярославль и Юрьев, до небольших поселений с укрепленной площадью 2,5–3 га, подобных Ярополчу, Стародубу или Мстиславию, для обозначения которых также использовался термин «город». Таким образом, очевидно, что в этой группе оказываются искусственно объединены различные категории поселений, причем поселения с размерами укрепленной площади до 5,5 га занимают в ней обособленное положение.

9 городов Северо-Восточной Руси известны как центры княжеств, выделившихся в XII – начале XIII вв. (Кучкин, 1984, С. 98–103). Обращение к определениям площадей этих поселений показывает, что центрами новых политико-административных образований выступали преимущественно крупные города, с крепостью площадью не менее 9,5–10 га. Но в этом ряду есть исключения, такие как Углич и Стародуб – столицы княжеств с земляными укреплениями, ограничивавшими их площадь всего в 2–2,5 га.

Обследование укрепленной части Гороховца и определение границ его посада, выполненное по результатам полевых работ 2014–2015 гг., позволяет прояснить особенности исторической топографии этого города и его место в иерархии городских поселений XII–XIII вв. Размеры городища на коренной

террасе Клязьмы (2,2 га) немного уступают минимальным размерам крепости малого города, установленным А. В. Кузой. Неукрепленный посад по своей площади более чем вдвое превышает размеры крепости. Структура города с укрепленной частью на краю коренной террасы и неукрепленным поселением у ее подножия, на низких террасах или на участках высокой поймы, обычна для средневековой Руси, в том числе и для северо-восточных русских земель (Владимир, Ярополч, Городец Радилев). Однако соотношение площади крепости и посада, зафиксированное в Гороховце, отличается от известного в других городах Северо-Восточной Руси, где посадки на подоле существенно уступали укрепленному поселению на высокой коренной террасе по своим размерам. В соседнем Ярополче, имеющем близкие размеры крепости, площадь неукрепленного посада составляла всего 1 га. По общим размерам своей территории Гороховец должен быть отнесен к группе городов, находившихся на самой нижней ступени поселенческой иерархии. Тем не менее, общая площадь города вдвое превышала площади соседних Ярополча и Стародуба.

Крупнейшие города Северо-Восточной Руси – «старый» Ростов и выдвинувшийся на главенствующее положение при Андрее Боголюбском Владимир – по своим размерам вписываются в общий ряд стольных городов севера и юга. Они в полтора – два раза уступают по площади крупнейшим городам Южной Руси, Киеву (300–330 га) и Чернигову (350–440 га, (Сытый, 2014), близки Новгороду (180–230 га (Петров, Тарабардина, 2011) и Смоленску (200 га (Ершов, Кренке, Муренцева, Раева, 2017)), в полтора – три раза превосходят по площади Рязань (104 га) и Псков (70 га).

На основании археологических материалов становление первых городов на северо-востоке Руси должно быть отнесено ко второй половине X в. Однако в большинстве городов Северо-Восточной Руси, названия которых присутствуют на страницах летописей, древнейшие постройки и культурные напластования, которые правомерно связывать с существованием поселений городского типа, относятся ко времени не ранее середины XII в. Полнокровная урбанизация с заметным ростом числа городов, значительным расширением городских территорий и формированием специфических культурных традиций, не свойственных сельским поселениям, – явление второй половины XII – начала XIII вв. В этих наблюдениях, хорошо согласующихся с данными письменных источников о времени появления новых городов, в целом, нет ничего неожиданного. Стоит лишь отметить, что новейшие археологические исследования фиксируют отсутствие у большинства городов Северо-Восточной Руси, впервые упомянутых в источниках во второй половине XII – первой трети XIII вв., прямой предыстории.

Динамика развития отдельных городов Северо-Восточной Руси в XIII–XIV вв. требует специального изучения, основанного на детальном анализе соотношения материалов различных хронологических периодов на различных участках. Выявление комплексов и ярких вещевых находок второй половины XIII – начала XIV в. в ряде городов (Шполянский С. В., 2015; Кабаев, Гальчук, 2007; Зоц, 2015) на первый взгляд противоречит известному тезису об упадке городских центров после 1238 г. Не оспаривая присутствия материалов

этого времени во многих городах, и не располагая необходимыми материалами для количественных оценок, следует указать на бедность и незначительную мощность культурных отложений второй половины XIII – начала XIV вв. во многих городах центральных районов Ростово-Суздальской земли, затронутых раскопками и разведками последних десятилетий. Подобная ситуация, отражающая запустение городов, прослежена, в частности, в Суздале, Боголюбове, Юрьеве-Польском, Осовце и особенно убедительно проявилась – во Владимире (Жарнов, 2003, С. 57; Мухина, 2007), где возобновление застройки на многих участках в пределах городских валов относится лишь к XVI–XVII вв. Очевидно, период полноценной городской жизни, начавшийся в середине – второй половине XII в., для многих поселений Северо-Восточной Руси был коротким.

Суммарная площадь участков с культурным слоем XII–XIII вв. документированная полевыми работами, в городах Северо-Восточной Руси, составляет около 840 га. Если принять во внимание неполноту обследованности территорий ряда городов, при которой некоторые участки с застройкой домонгольского времени остаются невыявленными, и полное отсутствие в нашем распоряжении данных о размерах девяти поселений, упомянутых в летописи как города, эта цифра может быть скорректирована в сторону увеличения до 1200–1300 га. Таковы максимально возможные площади «урбанистической» части Северо-Восточной Руси накануне монгольского нашествия.

Автор признателен Д.А. Антонову, Е.Е. Васильевой, Н.Н. Грибову, В.А. Зейферу Н.А. Кренке, С.И. Милованову, О.А. Лопатиной, И.Ю. Стрикалову, А.Н. Хохлову, А.В. Энговатовой за консультации и предоставленные материалы о распространении культурного слоя домонгольского времени в исторических городах.

Список литературы и источников

- Вишневский В. И.* Домонгольский культурный слой Переславля-Залесского (по данным археологических разведок 2002–2003 гг.) // Археология: история и перспективы. вторая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2006. 473 с.
- Вишневский В. И.* Домонгольский культурный слой Переславля-Залесского (открытия 2002–2008 гг.) // Археология: история и перспективы. Четвертая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2010. С. 5–14
- Грибов Н. Н.* Древнерусский Городец-на-Волге в контексте археологических исследований // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Вып. 11. Н. Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2008. С. 26–54.
- Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин // Археология СССР. М.: «Наука», 1985. 431 с.
- Ершов И. Н., Кренке Н. А., Муренцева Т. Ю., Олейников О. М., Раева В. А.* Источниковая база по археологии Смоленска VIII–XIII вв. // РА, 2017. № 1. С. 64–81.
- Жарнов Ю. Э.* Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке. Древности темного времени / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: «Наука», 2003. С. 57.

- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. 392 с.
- Зоц С.А.* Раскопки в квартале № 13 г. Владимира в 2006–2007 гг. Комплексы XIV – начала XV вв. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2015. С. 42–53.
- Кабеев Д.А., Гальчук Л.Л.* Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2007. С. 68–74.
- Кренке Н.А.* Древнерусские памятники в долине р. Неглинной: «ландшафтная» гипотеза землепользования и данные раскопок // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. М.: Наука, 2004. С. 278–294.
- Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта: диссертация доктора исторических наук: 07.00.06. Место защиты: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук. М., 2015. 718 с.
- Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. 167 с.
- Куза А.В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. 256 с.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIII вв. М.: «Наука», 1984. 333 с.
- Кучкин В.А.* Население Руси в канун Батыева нашествия // Образы аграрной России IX–XVIII вв. М.: «Индрик», 2013. С. 67–88.
- Кучкин В.А.* Город Дубна на реке Дубне // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. Сборник к 60-летию Н.А. Макарова. Москва–Вологда: «Древности Севера», 2015. С. 308–319.
- Леонтьев А.Е.* От столицы княжества к уездному городу. Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв. // Русь в XIII веке. Древности темного времени / Отв. ред.: Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: «Наука», 2003. С. 34–47.
- Леонтьев А.Е.* На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М., 2012. С. 162–177.
- Лукин В.П.* Население средневекового Новгорода по данным письменных и археологических источников // Русь в IX–X вв.: общество – государство – культура // Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 6–8 ноября, 2012. М., 2012. С. 45–46.
- Медведев А.Ф.* Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге // Культура древней Руси. Сборник статей, посвященный 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина. М., 1966. С. 158–167.
- Милованов С.И.* Начальный этап освоения восточной части Печерного города Владимира-Клязьме // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2015. С. 16–31.
- Милованов С.И.* История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2016. С. 136–149.
- Мухина Т.Ф.* Археологические работы ВЦАРПИК во Владимире в 2003–2006 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2007. С. 75–84.

- Очеретин И. А., Очеретина С. В.* Оборонительные сооружения «Ветшанного города» г. Владимира по материалам раскопок 2005 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2007. С. 81–84.
- Панова Т. Д.* Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: «Таус», 2013. 406 с.
- Петров М. И., Тарабардина О. А.* Динамика изменений городской территории Новгорода в X–XIV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.). Москва – Псков, 2011. С. 139–147.
- Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 1997. 734 с.
- Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.* Средневековое поселение Усть-Шексна // РА, № 4. 2005. С. 134–149.
- Седова М. В.* Суздаль в X–XV вв. М., 1997. 335 с.
- Сытый Ю. Н.* Укрепления древнерусского Чернигова // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. Москва–Вологда: «Древности Севера», 2014. С. 193–201.
- Томсинский С. В.* Угличе Поле в IX–XIII веках. Спб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. 319 с.
- Шполянский С. В.* Древнерусский Осовец на Клязьме – археологический комментарий к истории крепости // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 11. М., 2014. С. 164–177.
- Шполянский С. В.* Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. Сборник к 60-летию Н. А. Макарова. Москва–Вологда: «Древности Севера», 2015. С. 199–212.
- Щербаков В. Л.* Археологические исследования Костромского музея-заповедника в 2012–2015 гг. // Этнокультурные взаимодействия на территории Верхнего Поволжья и сопредельных территорий в древности, средневековье и в Новое время. Кострома, 2016. С. 85–90.
- Энговатова А. В.* Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа «Рубленный город II – 2008») // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. Сборник к 60-летию Н. А. Макарова. Москва–Вологда: «Древности Севера», 2015. С. 53–68.
- Энговатова А. В.* Исследования Ярославской экспедиции Института археологии РАН 2004–2013 гг. // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция. Сборник статей. Вып. 6. Ярославль, 2014. С. 255–266.

Малые города средневековой Руси: исторические этапы формирования

Малые города – объективная реальность средневековой Руси, однако до сих пор никому не удалось дать четкое определение, чем «малый» город отличается от большого – только ли размерами (и в каких единицах проводить подобные измерения?) или еще по каким-то иным характеристикам. Теоретическими проблемами «малых» городов, занимался известный археолог А. В. Куза, но его исследование осталось незавершенным, причем главные результаты, полученные им, относились не собственно к «малым» городам, но к городам вообще (Куза, 1989).

В ходе проведенных нами ранее исследований была проанализирована степень археологической изученности «малых» городов Руси. Среди них выделена группа эталонных памятников, на базе которой возможно дальнейшее продвижение в изучении данного ряда объектов (Коваль, 2014а; 2014б). Кроме того, среди предлагавшихся А. В. Кузой и Б. А. Рыбаковым признаков города были выделены основные (обязательные) для периода XI–XIII вв., которых оказалось 6:

1. Присутствие в городе властных структур и наличие у него подчиненной территории.
2. Наличие укреплений (стен).
3. Достаточно обширная площадь застройки (не менее 5 га).
4. Уличная усадебно-дворовая планировка.
5. Наличие христианского храма.
6. Присутствие ремесленников и торговая деятельность

При этом совершенно очевидно, что «малые» города Руси – это отнюдь не вневременная категория, в разные периоды времени облик таких поселений сильно изменялся, мог меняться и набор признаков города. Поэтому исследование «малых» городов должно проводиться в рамках отдельных исторических этапов, выделение которых само по себе является сложной проблемой.

В ходе предыдущих исследований было предложено разделить историю формирования городов Руси (включая «малые») на 5 этапов:

- 1) Протогородской этап (IX–X вв.).
- 2) Раннегородской этап (XI – первая половина XII в.).
- 3) Этап бурного роста городов (середина XII – первая треть XIII вв.).
- 4) Этап стагнации и структурной перестройки (середина XIII–XV вв.).
- 5) Этап возобновления роста городов в условиях централизованных государств Восточной Европы (XVI–XVII вв.).

Первый этап назван «протогородским» не потому, что в то время на Русской равнине еще не было настоящих городов – они, конечно, уже существовали: это Киев и Старая Ладога, история возникновения которых восходит к VII–VIII вв., а также появившиеся позже Хольмгард (будущее Рюриково

городище) и сменивший его Новгород, Чернигов, Ростов, Суздаль, Муром, Новгород, Псков, Изборск, Искоростень, Полоцк и многие другие. Однако в этот период возникали и протогородские поселения (Гнездово, Тимерево, Шестовицы и др.), которые так и не развились впоследствии в русские средневековые города. Это был период становления городов как нового типа поселений, сменявших общинные центры, городища-убежища и другие структуры (например, погосты, т.е. центры сбора дани князьями), послужившие основой для формирования средневековых городов. Нижнюю границу первого этапа обозначить довольно трудно, поскольку самые ранние русские города изучены фрагментарно. Зато верхняя хронологическая черта определяется довольно четко – это крещение Руси в 988 г. Превращение Русского княжества в христианскую державу, пусть даже поначалу совершенно формально, привело к быстрому восприятию многих византийских (имперских) представлений, в т.ч. понимания роли городов в консолидации государства, в обеспечении его административной целостности. В немалой степени такие представления привносились в сознание русской элиты православным духовенством, состав которого почти полностью состоял тогда из греков (ромеев). И действительно, только после принятия христианства впервые обнаруживается такое ранее неслыханное на Руси явление, как закладка новых городов князем. Первые такие города были построены Владимиром Святославичем по южной границе княжества – эти «города» представляли собой небольшие крепости, призванные оборонять Киев и жителей пограничных районов от нападений печенегов.

Для протогородского этапа разделение городов на большие и малые еще не имеет смысла. Конечно, по размерам, числу жителей и своему значению первые города Руси заметно различались, однако количество этих городов было еще настолько мало, что их деление на какие бы то ни было группы просто не имеет смысла. Можно лишь выделять ряд городов, которые претендовали на первые роли в строительстве русского государства (Ладога, Киев, Новгород) или были крупными региональными центрами, вокруг которых происходила консолидация будущих земель-княжений (Полоцк, Чернигов, Ростов, Муром). Но и все остальные города этого времени отнюдь не были малозначительными (Изборск, Псков, Вышгород и др.), хотя и явно уступали городам «первого ряда». Называть их «малыми» и рассматривать в отрыве от остальных кажется преждевременным.

Второй этап – раннегородской – начинается, как уже было замечено, с построения первых княжеских городов-крепостей после принятия на Руси христианства. Завершение же этого этапа надо связывать с первой половиной XII в., когда завершился распад единой Киевской державы на несколько достаточно крупных княжеств. Это был период появления все новых и новых городов, причем причины их возникновения в подавляющем большинстве случаев слабо обеспечены письменными и археологическими источниками.

Уже в самом начале этого этапа полностью исчезли все протогородские поселения (дружинные лагеря, открытые торгово-ремесленные поселения), причем ни одно из них не положило начало городу более позднего

времени непосредственно на той территории, которую занимало протогородское поселение. Что касается новых княжеских городков, то большинство из них было невелико по размерам: их укрепленные части (детинцы) имели, как правило, площадь от 1 до 1,5 га. В то же самое время, некоторые новообразованные города изначально имели солидные для своего времени размеры, например, площадь детинца Старой Рязани составляла 7 га (остатками этого детинца является так называемое «Северное городище»). Хотя данные о времени и обстоятельствах появления новых городов имеются далеко не для всех из них, в тех случаях, когда такие упоминания сохранились в летописях, они указывают на то, что инициатива построения городов происходила от князей. Косвенным, но достаточно надежным признаком княжеской инициативы в градостроительстве являются названия многих городов, образованных от имени основавших их князей: Ярославль, Изяславль, Мстиславль, Святополчь, Владимир, Юрьев, Борисов и др. Но даже в тех случаях, когда побудительный мотив градостроительства остался не известен, имеются косвенные, но весьма весомые аргументы в пользу их возведения по воле князей. Новые города строятся в стратегически важных пунктах, осуществлявших контроль за главными транспортными артериями или густонаселенными территориями, на границах государства или первых княжеств, на которые начала распадаться Киевская держава. Поэтому трудно допускать, что в рассматриваемый период города могли появляться без ведома княжеской администрации. Исключение могло составлять лишь градостроительство на территориях, еще не подвергшихся окняжению и некоторое время сохранявших независимость от центральной власти (в качестве примера можно назвать «города вятичей», которые, впрочем, практически не изучены археологически). В ходе пресловутого «окняжения» происходило, судя по всему, целенаправленное уничтожение таких раннегосударственных центров (центров племенных княжений). Яркий пример этого процесса археологически прослежен в Северной земле, где в ходе включения территории северян в Киевскую державу многие укрепленные поселения были разгромлены и сожжены (Енуков, 2005. С. 263–275). К сожалению, гораздо меньше данных археология имеет относительно генезиса новооснованных городов. Можно предполагать, что города учреждались в уже существующих поселениях, обладавших заметным экономическим потенциалом, иногда – на месте ранее возникших погостов, обеспечивавших систему взимания дани с населения. Однако конкретных данных, которые бы могли подтвердить или опровергнуть такой тезис, остается пока слишком мало. Поэтому, как и столетие назад, приходится опираться не на выверенные археологические факты, а на логические построения. Причина тому кроется в слабой изученности древнейших городов, которые в основной своей массе сильно повреждены современной застройкой.

Именно для раннегородского этапа впервые можно говорить о появлении такой категории, как «малый» город. В эту категорию входили небольшие по площади и населению города, обладавшие детинцами площадью до 1,5 га, к которым примыкали посады самых разных размеров. Одни из этих городов впоследствии развились в крупные центры (вплоть до столиц уделов),

другие – долгое время оставались незначительными центрами волостей. Яркими примерами первого типа таких городков являются Ярославль и Новгород-Северский, размеры и статус которых постоянно росли. Альтернативные варианты также многочисленны: в качестве примера можно назвать целый ряд городов в округе Чернигова, население которых сокращалось из-за частых половецких набегов (Сновск, Моровийск, Беловежа и др.). Так что само существование «малых» городов во многом зависело от политической стабильности и экономического развития (или упадка) регионов, центрами которых такие города являлись.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что появление городов (включая «малые») на раннегородском этапе происходило всегда по инициативе княжеской администрации, целью которой было формирование сети укрепленных пунктов, предназначенных для управления обширными территориями. Города становились узлами политического и экономического подчинения населения волостей соответствующему стольному городу, в котором размещался князь. Дальнейшее существование городов определялось таким важнейшим экономическим фактором, как наличие густозаселенной округи.

Третий этап истории русского градостроительства, начавшийся в середине XII в. и закончившийся в 1238–1240 гг., можно было бы назвать «городским бумом» или периодом расцвета градостроительства. Хотя точные подсчеты здесь пока вряд ли возможны, не будет преувеличением сказать, что за это столетие количество городов Руси по меньшей мере удвоилось. При этом подавляющее большинство городов, появившихся в ходе «бума», относилось именно к числу «малых». Причины «бума» кажутся прозрачными – это рост численности населения во всех русских землях, дробление княжеств и волостей, рост экономики и зеркальный ответ на это княжеских администраций в виде основания все новых и новых городов. Именно в это время на Северо-Востоке Руси появляются такие города как Москва, Тверь, Дмитров, Переяславль Рязанский, Городец, Нижний Новгород, Углич, Гороховец и многие другие. В южнорусских землях, где к середине XII в. уже сформировалась разветвленная сеть городов, именно в это время появляется большое число новых, небольших по размеру городов, становившихся волостными центрами. Значительное число этих городов не пережило Батыева нашествия, однако некоторые сохранились вплоть до наших дней. При этом надо специально подчеркнуть, что вплоть до монгольского нашествия, несмотря на частые междоусобицы и половецкие набеги, на Руси за все рассматриваемое столетие не исчезло ни одного города.

Наряду с образованием новых городов, в этот период происходил заметный рост уже существовавших городов. Именно в это время многие «малые» города, появившиеся в предыдущее столетие, существенно повысили свой статус, превратившись в столицы отдельных княжеств или крупных владений внутри земель-княжений (это Минск, Витебск, Пинск, Луцк, Новгород-Северский, Пронск и др.).

В целом можно утверждать, что именно на рассматриваемом этапе на Руси сложилась широкая сеть городов, охватившая все регионы огромной страны

и ставшая основой для административной структуры последующего времени. Эта структура оказалась столь прочной, что выдержала удар 1238–1240 гг. и сохранилась вплоть до Нового времени.

Четвертый этап формирования городов наступил сразу после монгольского нашествия, в середине XIII в. и продолжался до конца XV в., т. е. до избавления Руси от вассальной зависимости от Золотой Орды. Это был период стагнации и структурной перестройки всей городской сети. Главной чертой начального периода этого этапа стало сокращение числа городов, особенно в Южной, Юго-Восточной и Северо-Восточной Руси, т. е. в тех районах страны, по которым пришелся главный удар нашествия. Множество больших и малых городов было уничтожено полностью, и хотя большинство из них постепенно возродилось, некоторые города прекратили свое существование, а другие сильно сократились в размерах и потеряли значительную часть своих жителей (Киев, Переяславль, Чернигов, Владимир-на-Клязьме, Старая Рязань), хотя и сохранили статус «больших», столичных центров. Кроме Батыева нашествия, были и последующие нападения, приведшие к упадку или даже временному исчезновению целого ряда городов (назовем для примера только Нижний Новгород, Елец и Гороховец). В то же время, целый ряд «малых» городов, прежде выполнявших роль волостных центров, получили в этот период серьезный импульс развития, превратившись в столицы удельных княжеств (Москва, Можайск, Переяславль-Залесский, Торопец, Новосиль и др.), а некоторые из них впоследствии выдвинулись на первые роли, став столицами крупных княжеств (Москва, Тверь, Переяславль-Рязанский, Брянск). Таким образом, шла перестройка сложившейся иерархической структуры городов, когда прежние центры зачастую уступали место новым. Этот процесс происходил не только в зоне вассального подчинения Орде, но затронул и Западную Русь, подвергавшуюся мощному военному нажиму со стороны Литвы и Польши. Таким путем на некоторое время резко повысил свой статус белорусский Новгородок, но понизили таковой Смоленск, Полоцк, Чернигов, Галич.

Структурные перестройки городов в этот период носили самый различный характер, и они довольно плохо изучены археологически. Однако археология позволяет получать объективные данные о таких процессах, которые не отражались в письменных источниках. Например, в Ростиславле Рязанском с середины XIII в. территория посада резко сокращается, но зато в несколько раз вырастает плотность застройки детинца, в котором концентрируется основная часть населения. Не исключено, что такая тенденция была характерна и для других городов Руси, однако для проверки этой гипотезы необходимо более полное изучение хотя бы нескольких «малых» городов.

Наряду со старыми городами, в этот период появлялись и новые, хотя число таких городов было очень ограничено и не шло ни в какое сравнение с тем рядом городов, которые возникли в предмонгольское время. Причем большинство таких новых городов появлялось в тех частях Руси, которые не находились в прямом подчинении Орды. Так, в Юго-Западной Руси появились Львов и Житомир. Правда, новые города возникали и в зоне ордынского подчинения (Звенигород, Серпухов, Кашира, Боровск), но это были, скорее, исключения

из правила, и связаны они были в основном с Московским княжеством, занимавшим привилегированное положение на Северо-Востоке Руси. В Рязанской и Суздальской землях новые города в этот период не возникали.

Новой чертой золотоордынского периода стало появление частновладельческих городов, основание и дальнейшее существование которых определялось не княжеской администрацией, а крупными боярскими кланами и высшими церковными иерархами. Таким городом, находившимся в подчинении московского митрополита, был одно время Алексин. Хотя подобные случаи являлись в то время скорее редкими исключениями из правила, сам факт появления частновладельческих городов является в некотором роде симптоматичным, характеризующим процесс развития феодальных отношений на Руси.

Таким образом, на четвертом этапе число городов в целом остается прежним, сократившись главным образом за счет самых мелких городов в зоне, пограничной со степью. Уничтожение ряда городов в ходе Батыева нашествия и последующих набегов, уменьшение размеров многих городов, сопровождалось в то же время появлением новых городов, а главное – «перераспределением ролей», когда место прежних центров постепенно занимали новые. При этом представляется неверным говорить о «деурбанизации» Руси в это время, поскольку количество городов сократилось незначительно и лишь на короткое время, а сокращение численности городского населения также было недолгим. Речь может идти только о резком замедлении урбанизационного процесса.

Последний на протяжении эпохи средневековья и перехода Восточной Европы к Новому времени, пятый, этап формирования городов охватывает XVI и XVII вв. Это период окончательного разделения территории Руси на 2 крупных государственных образования – Московское царство и Польско-Литовское королевство. В каждой из этих двух частей Руси процессы градообразования имели как сходство, так и свои особенности. Общими чертами были постепенный рост размеров уже существующих городов и численности их населения. Возникали в это время и новые города, но именно здесь наблюдаются наибольшие отличия между названными державами. В Московском государстве на коренной территории со славянским населением новых городов почти не возникало: наряду с прежде существовавшими городами (уездными центрами), административными центрами вновь сформированных волостей часто становились крупные села. Строительство новых городов происходило в основном в пограничных районах в зоне засечных черт (Зарайск, Рязск, Скопин и др.) и на новоприсоединенных территориях (Свияжск, Симбирск, Самара и т. п.), в т. ч. в Сибири (Томск, Тара, Тобольск и др.). В то же время, на основной территории в Восточной Европе некоторые «малые города», пережившие Батыево нашествие и последующую стагнацию, именно в этот период вовсе перестали существовать (Вышгород на Яхроме, Ростиславль Рязанский, Новосиль, Перемышль Московский и др.). Непосредственной причиной исчезновения городов этого периода стали их разорения (иногда многократные), произошедшие в «Смутное время», однако глубинной причиной представляется их недостаточная экономическая база

и перемещение администрации в иные центры. Как правило, очень небольшой город или даже село, став административным центром какой-то территории, «подтягивали» к себе податное ремесленное население, аккумулировали торговый капитал, и постепенно превращались в более крупный центр. С другой стороны, город, терявший статус административного центра, мог утратить свой потенциал из-за оттока экономически активного населения в другие города. В Московском государстве с его сильной централизацией и жесткой иерархической системой управления территориальное удаление от центров государственной власти часто приводило к снижению возможностей для ведения торговли и даже для сбыта ремесленной продукции из-за недостатка платежеспособных покупателей. Именно по этой причине «смута» привела к гибели именно тех городов, которые были лишены административного потенциала, в то время как многократно разоренные и обезлюдевшие города, оставшиеся административными центрами, быстро возродились и восстановили численность населения и экономику.

Совершенно иначе развивалась городская жизнь в Польско-Литовском государстве. Его южные районы пострадали от монгольского нашествия и продолжали подвергаться разорениям со стороны Крымской орды на протяжении последующих столетий (в т. ч. и в XVI–XVII вв.), что, конечно, тормозило развитие городов. Однако на значительной части территории государства, куда маршруты набегов крымцев не доходили (или доходили редко), города имели возможность развиваться в благоприятных условиях. При этом особенностью Польско-Литовского государства являлось широкое распространение частновладельческих «малых городов». Отсутствие жесткой централизации и широкие права дворянства, заинтересованного в обогащении за счет доходов, получаемых от городов, способствовали тому, что дворянство стремилось основывать новые владельческие города, несмотря на противодействие королевской администрации (Грицкевич, 1975). Правда, такие города оказывались уязвимы из-за произвола их владельцев и именно они часто деурбанизировались, превращаясь в сельские поселения. Однако в целом условия для роста числа и размеров «малых» городов в Западной Руси были более благоприятными.

Представленный краткий обзор этапов формирования городов средневековой Руси показывает, что, несмотря на разнообразные негативные факторы, на всем протяжении Средневековья в русских землях происходил процесс урбанизации, причем именно «малые» города были главными проводниками этого процесса. Однако само появление городов происходило в основном по инициативе властных структур (князей), а их дальнейшая судьба находилась в прямой зависимости от того, что они служили административными центрами, т. е. обеспечивали структуру государственной власти и управления. Необходимо подчеркнуть, что этот вывод нельзя распространять на раннегосударственный этап, предшествовавший образованию государства Русь около 862 г., поскольку ранний генезис городов имел гораздо более сложные истоки.

Список литературы и источников

- Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. Минск: Наука и техника, 1975. 247 с.
- Енуков В. В.* Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. 350 с.
- Коваль В. Ю.* Малые города средневековой Руси: основные отличительные особенности // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014а. Т. III. С. 76–79.
- Коваль В. Ю.* Ростиславль Рязанский и проблема «малых городов» средневековой Руси // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. Вологда: Древности Севера, 2014б. С. 177–183
- Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 167 с.

Гороховец, Городец и Нижний Новгород в городской инфраструктуре Владимирского княжества 1150-х – 1230-х гг.

Гороховец возник в период 1158–1174 гг. (Насонов, 2010. С. 24). Гипотеза, предложенная А. Н. Насоновым и аргументированная В. А. Кучкиным, покоится на факте прямой связи между тремя летописными известиями. 1158 г. – перечисление владений владимирского Успенского собора, среди которых нет городов (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 348; Ипатьевская летопись, 1998. Стб. 491); 1175 г. – Ростиславичи, утвердившиеся во Владимире, не возражали против конфискации даней, имущества, владений Успенского собора, среди которых указан некий город (Лаврентьевская летопись. Стб. 375; Ипатьевская летопись. Стб. 599)¹; 1239 г. – «На зиму взяша Татарове Мордовскую землю и Муром пожгоша и по Клязьме воеваша и град святыя Богородица Гороховець пожгоша» (Лаврентьевская летопись. Стб. 470). Принимая результат соотнесения этих сведений (Гороховец – град святыя Богородица), надо обратить внимание на то, что Гороховец, как и Городец, были основаны в правление Андрея Боголюбского (Кузнецов, 2011. С. 233–237)².

Этим можно объяснить и «безымянность» Гороховца между 1160-ми гг. и 1239 г. Известно, что полисоном «Городец» – это отсутствие полноценного названия. Это было обусловлено тем, что Андрей Боголюбский не успел его назвать (Пудалов, 2003. С. 71–75), а далее из-за удаленности крепость, вынесенная на левый берег Волги, так и осталась маленьким городом-крепостью. Возможно, и возведенное при Андрее Боголюбском укрепление в низовьях Клязьмы, пребывало некоторое время в безымянном состоянии. Надо обратить внимание и на то, что город, основанный «на устье Оки» в 1221 г., просто назывался *Новгород*, то есть Новый Город

Кроме прочих ракурсов, на основании Гороховца следует посмотреть с точки зрения «запираания» Клязьмы крепостью при ее устье. В действительности с Оки на территорию Залесской земли было два судоходных входа – устья Москвы-реки и Клязьмы. Устье Москвы-реки для Северо-Восточной Руси было заблокировано Коломной, принадлежавшей Рязанскому княжеству (Мазуров, 2001. С. 37–58). Поэтому вход в Залесскую землю был закрыт возведенной Юрием Владимировичем крепостью Москов (Кучково) (на месте уже существовавшего населенного пункта). Причиной тому была потенциальная угроза со стороны Черниговского княжества. Не таким был главный мотив

¹ Кучкин В. А.: «В Лаврентьевской стоит “городы”». Последнее сомнительно, так как иные города, кроме Гороховца, принадлежавшие Владимирскому собору, неизвестны».

² Одна из последних работ о времени основания Городца, учитывающая наработки А. Н. Насонова, В. А. Кучкина и Б. М. Пудалова.

для закладки крепости в низовьях Клязьмы. По сути, это был форпост проникновения на Оку ниже Мурома по течению. У владимирских князей появлялась возможность блокировать Оку для князей Мурома, Рязани, Чернигова. А в купе с Москвой эта задача решалась еще эффективней. В свете тенденции установки контроля над Окой надо рассматривать и основание Нижнего Новгорода. Но эта тенденция не была единственной.

Очевидно, что Гороховец возник не только в целях обеспечения безопасности входа внутрь Ростово (Владими́ро)-Суздальского княжества, т. к. они уже были достигнуты закладкой Ярополча (Пи́рова городища) вблизи нынешних Вязников почти одновременно с Владимиром. Неясно, когда возник Стародуб (Клязьминский городок), упомянутый в 1217 г. (Лаврентьевская летопись. Стб. 442). Он находится на р. Клязьме выше Ярополча и Гороховца. Эта «клязьминская лента» градов: Стародуб–Ярополч–Гороховец – уже надежно блокировала путь с Оки по Клязьме вглубь Залесской земли. Кроме того, оборонительная и наступательная задачи решались основаниями Ярополча и Гороховца соответственно. Конечно, было бы упрощением выгадывать особый историко-географический смысл закладки Стародуба, но, всё же, некоторые соображения надо представить.

Стоит напомнить, что Гороховец и Городец возникли в правление Андрея Боголюбского. Возникновение Городца связывают в историографии с необходимостью перекрыть путь проникновения волжских булгар к верхневолжским городам Северо-Восточной Руси. Этот тезис базируется на единственном факте нападения булгар на Ярославль в 1152 г. Сведение об этом читается только в Типографской летописи. Изучение этого сообщения показывает, что оно построено по лекалам сообщения Повести временных лет об осаде Киева печенегами в 968 г., вплоть до оборота об изнывании осажденных от «глады и жажды» (что естественно для Киева, но удивительно для ярославцев, сидящих на острове среди воды) (Кузнецов, 2006. С. 94–04). Отказ в достоверности этому сведению лишает оборонительного смысла основание Городца.

Более того, Городец появился как результат наступательного похода Андрея Боголюбского на Бряхимов, располагавшийся в нижнем течении Камы (Кучкин, 2011. С. 50). Так с какой целью воздвигался тогда Городец? Ответ подсказывают пути из Владимирского княжества в Городец.

Водная коммуникация «Владимир–Городец» простиралась по рекам Клязьма, Ока, Волга. Важно и то, что на водном пути из Владимира и Гороховца в Городец и обратно имелись участки, на которых надо было идти против течения. Это создавало определенные неудобства в навигационный период.

Сухопутная дорога «Владимир–Городец» восстанавливается по упоминанию в 1220 г. села Омут в Московском летописном своде второй половины XV в. Используя этот историко-географический факт, В. А. Кучкин предложил следующую реконструкцию: Владимир – устье Нерли Клязьминской – Боголюбово – село (урочище) Омут (Омуцкое) у Суздаля – на север и далее на восток (севернее Палеха) – Городец (Кучкин, 1984. С. 204). Такой путь показывает, что короткого восточного выхода от Владимира и Городца на Волге по рекам до 1221 г. не было. Как не было до середины XIX в. и прямоезжей дороги

Москва–Нижний Новгород. До середины XIX в. от Нижнего Новгорода, основанного в 1221 г., до Владимира по суше был один путь – вверх по Оке до переправы у Гороховца (или у Мурома), а далее на Владимир (Кузнецов, 2014. С. 26–27).

Речные и сухопутные маршруты от Владимира до Городца позволяют очертить своеобразный территориальный массив. С юга его граница определялась течением Оки от устья Клязьмы до впадения в Волгу, другой рубеж шел от устья Клязьмы вверх по ее течению до устья Нерли и далее до Владимира, от него – до Суздаля и на север, и в нынешней Ивановской области севернее будущего Палеха поворачивал на восток до переправы через Волгу у Городца; а на востоке границей было течение Волги от Городца до устья Оки (Кузнецов, 2008. С. 119–123). Чья же это была территория?

В Повести временных лет (ПВЛ) читается: «от нихъ на Белеозере седять Весь а на Ростовскомъ озере Меря а на Клещине-озере Меря же, а по Оце реце где потече в Волгу же Мурома языкъ свои и Черемиси свои языкъ Морьдве свои языкъ» (Лаврентьевская летопись. Стб. 10–11; Ипатьевская летопись. Стб. 8). Если три последних этнонима представлены здесь не произвольно, то в обратном порядке от устья Оки вверх по ее течению представлена последовательность проживавших финно-угорских общностей. Регион при впадении Оки в Волгу был занят мордвой, выше по Оке проживала черемись и еще выше по реке – мурома. Чуть ниже в Повести временных лет данный порядок повторяется в перечислении «языще иже дань дают Руси»: «Мурома Черемись Мордва» (Лаврентьевская летопись. Стб. 11. Ипатьевская летопись. Стб. 8).

Такая локализация ПВЛ противоречит распространенному в научной среде представлению о расселении черемиси в средние века. Черемис (ь, ы) однозначно воспринимается предками марийцев: 1) «В древнерусских и других письменных источниках средневековые марийцы известны как черемисы (черемись)» (Голубева, 1987. С. 107); 2) «Русское старое название марийцев – *черемисы* – заимствовано от чувашского термина *šarmis* «мариец» неясной этимологии» (Агеева, 1990. С. 64); 3) «Имя Ц-р-м-с перекликается с *чермис* древнерусского источника: это – черемисы, средневековое название марийцев, финского народа в Среднем Поволжье» (Петрухин, Раевский, 1998. С. 204, 224, 322); 4) «С IX в. вплоть до XX в. марийцы неоднократно появляются в русских и иностранных источниках под этнонимом «черемис», этимология которого не выяснена окончательно до сих пор» (Никитина, Архипов, Сепеев, 2000. С. 187); 5) «ЧЕРЕМИСЬ – поволжско-финский народ в Волго-Вятском междуречье, предки современных марийцев. В ПВЛ Ч. Названа среди народов, плативших дань Руси. С ней же, возможно, связан этноним ц-р-мис, упомянутый в письме хазарского царя Иосифа... В «Слове о погибели Русской земли» Ч [еремись] перечислена среди племен Поволжья, занимавшихся бортничеством» (Рябинин, 2014. С. 873).

Вышеприведенные цитаты из трудов последних 30 лет позволяют утверждать, что этноним *черемисы* в значении «марийцы» безосновательно распространяется на оним *чер (е)мись* в письменных источниках по истории Восточной Европы в домонгольское время. Этих источников всего три – «Ответное

письмо царя Иосифа», ПВЛ и «Слово о погибели Русской земли» (не рассматриваются *имнискары* (*Imniscaris*) «О происхождении и деянии гетов» Иордана (Иордан, 1997. С. 83, 142), чье идентифицирование как черемиси (ов) далеко не бесспорно).

В письме царя Иосифа интересующий отрывок переводится так: «... я живу у реки, по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало (этой) реки обращено к востоку и на протяжении 4 месяцев пути. У (этой) реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн» (Еврейско-хазарская переписка..., С. 352). Если под Ц-р-мис понимать Черемись, то в этом тексте нет ни прямых, ни косвенных данных для четкой (даже на гипотетическом уровне) локализации. В «Слове о погибели Русской земли» («и за Дышпочимъ моремъ; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдвѣ, – то все покорено было Богомъ крестьянскому языку... Буртаси, черемиси, вѣда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера») упоминания черемисы таковы, что ее можно локализовать и там, куда она помещена в ПВЛ, и в административных границах нынешней республики Марий Эл.

Поэтому в распоряжении исследователей в решении вопроса о черемиси остается только Повесть временных лет. При доверии ей оним *Черемись* охватывает регион, очерченный выше коммуникациями от Владимира и Гороховца до Городца. С учетом того, что на этой территории практически не обнаруживаются археологические следы проживания кого-либо, то название *Черемись* является хоронимом, обусловленным этнонимом. Так или иначе, в домонгольское время Черемись – это не только и не столько живущий за пределами Руси этнос – предок мари, а до XII в. близкая (и иноязычная по отношению к славянам) периферия Древнерусского государства. С XII в. этот территориальный анклав всё больше и больше включается в состав Руси и конкретно Владимирского княжества. Стало это происходить после Юрия Долгорукого, при его сыне Андрее Боголюбском, сосредоточившем внимание и усилия на конкретных интересах княжеств. Именно он стал тем князем, при котором были основаны Гороховец и Городец. Продолжена эта линия была при Георгии (Юрии) Всеволодовиче (1218–1238). Своеобразными вехами управляемого процесса освоения Черемиси были основания Гороховца и Городца, а в 1221 г. – Нижнего Новгорода. Да, конечно, среди причин закладки Городца и Нижнего Новгорода было противостояние с Волжской Булгарией, определяемое логикой борьбы за контроль над Волгой до впадения в нее Оки, желание владимирских князей контролировать Оку. Основание Нижнего Новгорода замкнуло городскую цепь вокруг Черемиси, сразу породив и выход на мордовский рубеж и серию столкновений с мордвой владимирских князей.

Дополнительным аргументом в пользу такой локализации черемиси в домонгольское время является соотнесение этого вопроса с вопросом о мещере. Эта проблема, подобно черемисской, имеет устоявшуюся традицию решений: 1) «Мещера – поволжско-финское племя, заселявшее междуречье Клязьмы, Москвы и Средней Оки (Мещерская низменность). Упоминается в Толковой

Палее XIII в. и поздних списках русских летописей, в перечне племен, живших по р. Оке. О Мещерской земле, «идеже есть мордовский язык», упоминал А. М. Курбский в рассказе об одном казанском походе» (Голубева, 1987. С. 92); 2) «В Поволжье жили и другие финно-угры, упоминаемые летописью и затем исчезнувшие как самостоятельные этносы: *мурома и мещера*... Летописи локализуют *мещеру* в Поочье между *муромой* и *мордвой*. Судя по сохранившимся этноним *мещера* географическим именам, более точно местоположение *мещеры* определилось нижним течением Оки. Позже следы этого этнонима фиксируются в названии рязанских, пензенских, симбирских мещеряков или мишарей – этнической группы татар. Этноним *мещера* уже давно пытаются сопоставить с самоназванием венгров *мадьяры*...» (Агеева, 1990. С. 64–65); 3) «Угорское самоназвание венгров – *мадьяры* – родственно... имени исчезнувшего в средние века волжско-финского народа *мещера* на Оке» (Петрухин, Раевский, 1998. С. 207); 4) «Территория М [ещеры]... охватывала междуречья Клязьмы, Москвы и Средней Оки, достигая на востоке окрестностей г. Касимова», однако «По археологическим и топонимическим данным устанавливается близость М [ещеры] с мордвой и муромой при их значительных этнических различиях» (Рябинин, 2014. С. 488). Эти мнения строятся на некритическом, по отношению к письменным источникам, перечислении сведений и распространении топонимических реалий позднего времени (Рязанская Мещора) на археологические данные. Эти данные вторичны по отношению к письменным источникам. Ниже представлен опыт интерпретации письменных источников в отношении Черемиси-Мещеры, имеющей непосредственное отношение к этнокультурной истории Гороховца.

В письменных источниках XIII в. наблюдается замена онима *Черемись* онимом *Мещера*. Свидетельством тому является упоминание *мещеры* на месте *черемиси* в Толковой Палее XIII в.: «сеять первый языкъ варяжскый вторый словенскъ трети чюдъ четвертый ямь пятыи лопь шестый пьрмь семый корела осмый печера девятыи югра десятыи литва ятвязи ... проуси ... недрова ... меря ... мордъва ... мещера ... моурома ... корсь». Этот перечень Толковой Палеи составлен на основе Повести временных лет (Вилкул, 2007. С. 83). Вероятно, в этом списке мещера заменила черемись во второй половине XIII в., т. к. в «Слове о погибели Русской земли» (до 1246 г.) упоминается черемись.

Указанные исследователями упоминания мещеры на Оке представляют собой замену черемиси мещерой в этногеографическом перечне и списке данников в ПВЛ, цитированных выше. В Московском летописном своде народ мещера указан среди финно-угорских народов: «а на Беле озере сеять Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клищине озере Меря же; а по Оце по реце, где потече в Волгу, седить Морома языкъ свои, и Мещера свои, Мордва свои языкъ» (Московский летописный свод конца XV в. С. 339). Подобная картина и в Софийской первой летописи: «а на Белеозере весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же, а по Оце по реце, где потече в Волгу, седить мурома свои языкъ, мещера свои языкъ, мордва свои языкъ» (Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 6). В Новгородской четвертой летописи – то же самое: «А на Белиозере Весь, а на Ростовском озере Меря,

а на Клищине озере меря же. А по Оце по реце, где потечеть въ Волгу, седить мурома, языкъ свои; мещера свои, мордва свои языкъ» (Новгородская четвертая летопись. С. 5). В Первой выборке Новгородской Карамзинской летописи читаем тоже: «А на Белеозере весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере Меря же. А по Оце по реце, где потечеть въ Волгу, седить Моурома, языкъ свои; Мещера свои языкъ, Мордва свои языкъ». Вологодско-Пермская летопись повествует: «на Белеозере Весь; на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же. А Ока, где течет в Волгу же, седит ту Мурома, Мещера, Мордва» (Вологодско-Пермская летопись. С. 12). Подобное явление присуще и ряду других летописей XV–XVI вв.

Этот источниковедческий факт можно было бы объяснить тем, что чтение Толковой Палеи проникло в летописание, если бы не одно обстоятельство. Замена мещерой черемиси в ПВЛ поздних летописных сводов произошла там, где читается известие 1392 г. о получении в Орде московским князем Василием Дмитриевичем права на Нижний Новгород с рядом земель. Например, в Московском летописном своде читается: «Тои же осени месяца октября 24 день прииде из Орды на Москву от царя Тахтамышы великий князь Василии Дмитриевич, многу честь от царя приемъ и дары, еще же предасть ему к великому княженью и Новегородъ Нижнии и Городецъ со всемъ, яко же ни есть в власти их, тако же Мещеру и Торусу» (Московский летописный свод конца XV в. С. 219). Есть и другая версия более жесткого присоединения Нижнего Новгорода к Москве. В Рогожском читается: «Того же лета сложи князь велики Василии Дмитриевич целование крестное князю великому Борису Костянтиновичу и поиде в Орду къ царю къ Тахтамышу и нача просити Новагорода Нижняго, княжения князя великого Борисова на кровопролитие, на погыбель христианскую. Безбожнии же Татарове взяша и сребро многое и дары велики, и взя Нижнии Новъградъ златомъ и сребромъ, а не правдою»; далее описывается полное произвола присоединение Нижнего Новгорода к Москве (Рогожский летописец. Стб. 162–163). Почти также сообщается о присоединении Нижнего Новгорода в Симеоновской летописи (Симеоновская летопись. С. 142). Лейтмотив этих сообщений таков, что Нижний Новгород взят серебром, что вызвало возмущение (в отличие от летописей, где говорится о праве на Нижний Новгород, данном Тохтамышем).

Итак, в распоряжении исследователей имеются две версии присоединения Нижнего Новгорода к Москве в 1392 г. Одну из них, связанную с пожалованием Тохтамышы, можно назвать легитимизирующей, а другую – волонтиаристской. Легитимизирующая версия выражает интересы московских властей. А они были заинтересованы в том, чтобы наиболее полно отразить те владения, которые они получали. Кроме Нижнего Новгорода, Городца и некой Торусы, Москва получила Мещеру, бывшую во власти нижегородских князей. Очевидно, что ею не могла быть Мещера Рязанского княжества.

Подсказку в определении этой Мещеры и дает факт замены Черемиси на Мещеру в ПВЛ тех летописей, в которых и повествуется о передаче Нижнего Новгорода с Мещерой Москве в 1392 г. То есть, замена Черемиси Мещерой была сделана задним числом для узаконения присоединения

Мещеры – территории между Гороховцом и Нижним Новгородом. Сам же Гороховец в XIV в., как доказал В. А. Кучкин, «был нижегородским» владением (Кучкин, 2011. С. 119). То есть, область Мещера 1392 г. – это та территория, которая покрывается хоронимом *Черемись* в домонгольское время.

Свидетельствует в пользу этих выводов и исследование 1970-х гг. И. А. Кирьянова, результаты которого до недавнего времени были неизвестны. Этим горьковским историком была написана докторская диссертация, посвященная неславянскому населению Поочья и Верхнего и Среднего Поволжья (не была защищена). В ней имеется глава о Черемиси-Мещере (она была оформлена в статью 1974 г. «К этнической истории населения нижней Оки в XII–XVI вв. (о проблеме летописной черемисы-мещеры)» (тоже не издана)). Вот выдержка из наблюдений И. А. Кирьянова: 1. «можно выдвинуть предположение о связи с черемисой-мещерой большой группы топонимов типа «Палех, Люлех, Ландех» – локализующихся к востоку от р. Лух до устья Оки и вниз по Волге до района с. Безводного (по левому берегу Волги); 2. обстоятельством, убеждающим в давности жительство здесь не мордовского населения является микротопонимика района устья Клязьмы. Здесь... полностью отсутствует типичный для мордвы топоним «лей», но наличествует совершенно не свойственные мордве топонимы, которые мы заимствуем из близкого по времени документа 1585 г.: «Да ельца Старкова пустоши. Пустошь, что была деревня Пурхма над озером Пурхмом... Рыбные ловли на луговой стороне против Гороховца... озеро Нерфо... озерко заводь Шуренбенское, заводь Шуренба, заводь Куры верхние, заводь Куры нижние. Да на горной стороне ниже Гороховца монастырский луг Тархач, озерко Караш, ... река Суворш, да в реке Клязьме оба берега от реки от Люлеха вниз до устья».

Конечно, *Пурхма* – это финский (формант *-ма*) или дофинский (если формант *-хма* воспринимать как искаженный *-зьма*, – *шма*, *сьма* (древний дофинноугорский формант – III тыс. до н.э.)) гидроним, и его надо исключать из ряда, предложенного И. А. Кирьяновым. Но в остальном «черемисский (мещерский)» субстрат читается: тот же Лух, Пурех, Мертух. К ним можно присоединить озеро Санхр – на северо-восток от Вязников и северо-запад от Гороховца.

Справедливости ради надо отметить, что для И. А. Кирьянова основным локусом проживания черемисы-мещеры являлось правобережье Оки, маркером чего стал Мещерск (Горбатов), возникший в XVI в. почти напротив устья Клязьмы. А черемисская (мещерская) территория на левом берегу Оки для него представлялась вторичной. Но эти выводы И. А. Кирьянов делал, опираясь на материал XIV–XVI вв., и почти не исследовал домонгольскую историю региона. Представленные выше наблюдения не противоречат допущению, что исходным был район, ограниченный Волгой, нижней Окой, Клязьмой и сухопутным путем от Владимира до Городца, а излучина правобережья Оки напротив устья Клязьмы осваивалась позднее.

Это стало основой для прослеживания взаимозаменяемости черемисы и мещеры в XV–XVII вв., в том числе и Мещерск – на другой стороне Оки. И как вывод Кирьянова: В XIV–XV вв. по периферии основной зоны формирования

русской народности еще существовали располагавшиеся в строгой закономерности районы со смешанным по составу полурусским-полуфинно-угорским населением, носившие названия «Мещера» (рязанская, две нижегородские, Мещерский, бывший Мерский, стан в Костромском Заволжье). Население этих районов ныне считает себя коренным и русским. За пределами этих районов русское население считает себя устойчиво пришлым в земли, занимавшие ся мордвой или марийцами...».

Возвращаясь к главной теме нашего исследования, надо отметить следующее. Державное очерчивание территории черемиси Андреем Боголюбским и Георгием Всеволодовичем – от Гороховца и Городца к Нижнем Новгороду – сопрягалось с решением других задач. Городская инфраструктура Ростово-Суздальского (Владимирского) княжества на протяжении XII – первой трети XIII в.: Владимир, Ярополч, Гороховец, Городец, Стародуб, Нижний Новгород – позволила решать задачи освоения территории черемиси (мещеры). Но задача затянулась из-за Батыева нашествия и ордынского ига. Вплоть до того, что в XVII–XVIII вв. здесь помещались старообрядческие скиты Заключьменья, а в XX в. расположились Гороховецкие лагеря.

Данная статья носит дискуссионный характер. Предлагаемая реконструкция является попыткой критического источниковедения совокупности текстов о регионе, для которого Гороховец стал структурообразующим центром и центром освоения.

Список литературы и источников

- Агеева Р. А.* Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990. 256 с.
- Вилкул Татьяна.* Толкова Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении языка» // RUTHENICA. Т. VI. Киев, 2007.
- Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XXVI. М., 2006.
- Голубева Л. А.* Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Голубева Л. А.* Мещера // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Еврейско-хазарская переписка о народах Хазарии. Ответное письмо царя Иосифа (пространная редакция) // *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М.: Знак, 2004. С. 352.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. 512 с.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998.
- Кузнецов А. А.* Границы нижегородской губернии // Родина. 2014. № 2. С. 26–27.
- Кузнецов А. А.* О достоверности сведения о набеge булгар на Ярославль в 1152 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия История. Выпуск 2 (6). 2006. С. 94–04.
- Кузнецов А. А.* О происхождении недостоверной даты основания Городца-на-Волге // RUTHENICA. Т. X. Киев, 2011. С. 233–237.
- Кузнецов А. А.* Политическое освоение Среднего Поволжья Владимирским княжеством в XII–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2008. С. 119–123.

- Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011. 272 с.
- Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997.
- Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. Рязань: Александрия, 2001. 542 с.
- Московский летописный свод конца XV в. (начало летописи по Эрмитажному списку) // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949. С. 339.
- Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949.
- Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002.
- Никитина Т.Б., Архипов Г.А., Сенеев Г.А. Проблема происхождения мари // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000.
- Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 1998. 352 с.
- Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000.
- Рябинин Е.А. МЕЩЕРА // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014. С. 488.
- Рябинин Е.А. ЧЕРЕМИСЬ // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014. С. 873.
- Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 142.
- Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 6.

Приложение

Отрывки из статьи И.А. Кирьянова

«К этнической истории населения Нижней Оки в XII–XVI вв. (о проблеме летописной черемисы-мещеры)» (1974).

Итак, подавляющее число источников XV в... дает новое название «мещера», народу, живущему на Оке между муромой и мордвой. Это изменение, на наш взгляд, несомненно фиксирует ход какого-то процесса на Нижней Оке...;

...О наличии многонационального населения на Нижней Оке свидетельствует также и ряд опубликованных в разное время документов. К числу их прежде всего относятся духовные грамоты Ивана III (1504 г.) и Ивана IV (1572 г.).

В первой из них... мы читаем: «Да ему же (сыну Василию – И.К.) даю город Муром с волостями и с путями и з селы и со всеми пошлинами и с мордвами и с черемисою, что к Мурому потягло...» (*Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. М., 1813, № 144, стр. 392*).

Как видим, наличие черемисы, «тянущей» к Мурому полностью соответствует данным летописания о черемисе, живущей на Оке между муромой и мордвой. Положение и расселение окской черемисы уточняет и духовная грамота Ивана Грозного 1572 г. – документ сам по себе довольно поздний, но писавшийся, очевидно, по более раннему стереотипу: «Да сына же моего Ивана благославляю великим княжеством Нижегородским... и с мордвами и с чермисами... Даю ему же город Муром с волостями и с путями и со всеми пошлинами и с мордвами и с черемисами... Да город Арзамас с мордвами и с черемисою со всем по тому как было при мне» (*Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. – Л., 1950. Стр. 437*).

Духовная грамота Ивана Грозного также вполне согласуется с данными русского летописания об окской черемисе. Она же, в отличие от грамоты 1504 г., дает указание о территории, занимаемой этой черемисой – в треугольнике, образуемом г. Муромом, Нижни Новгородом и Арзамасом.

Именно здесь мы находим окскую черемису по двум сохранившимся документам 1565 г., опубликованным в Действиях Нижегородской учёной архивной комиссии (*Т. XIV, Нижний Новгород, 1913, стр. 39, 41*):

«От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в Нижегородский уезд Павловских сел приказчику Тимофею Харлантьеву. Пожаловал есми свою богомолью Спас Евфимиева монастыря архимандрита Савватея с братею в Нижегородском уезде в Березополе деревнею Мещерскою заводью... да деревнею Худявкою на Мещерской заводи, да починком Поярковым на речке на Мостовке, что были за новокрещены дуговые черемисы».

«... Да на нагорной стороне починок Поярков на Мостовке за новокрещены, что была дуговая черемиса двор Савка Ядииков, двор Левка Хозиков, двор Кирилка Хозиков. Да на нагорной стороне бортную деревню Костино на Мещерской заводи и в ней бортники Езикейко Илин, Васка Иевлев...»

Из приведенных документов следует, что в сер. XVI в. на берегу Оки около современного г. Горбатова и близ устья р. Клязьмы существовала группа селений с явно нерусским населением. Жители этих селений частью имели сами нерусские имена (Езимейка Илин), а частью имели отцов с нерусскими именами (Савка Ядииков, Левка Хозиков, Кирилл Хозиков).

В том, что это не переселенцы убеждают их занятия – бортный промысел, свойственный, как правило, коренному населению («бортная деревня Костино», «бортники Езикейко Илин, Васка Иевлев».

Длительный, охватывающий по крайней мере два поколения процесс ассимиляции жителей этих селений находит отражение во внедрении русских имен – принятии христианства. Этот процесс зашел здесь настолько далеко, что безвестный автор считает жителей практически русскими, что была дуговая черемиса.

***

Теперь нам остается выяснить причину, по которой «черемиса» Лаврентьевской и Ипатьевской летописей в XV столетии называется большинством летописных сводов «мещерой».

Для этого ... следует обратиться к документам начала XV столетия, связанным с районом устья Клязьмы.

Первый из них – жалован грамота нижегородского великого князя Александра Ивановича Спасо-Евфимиеву мон-рю, датируемая ранее 1418 г. и опубликованная в первом томе «Актов исторических» (№ 25, стр. 51: «... се яз князь велики Александр Иванович пожаловал есмь архимандрита Авраамья Еуфимьева монастыря или кто по нем архимандрит иной будет. Что у них в моей вотчине... в Гороховце монастырь Святый Василий на Клязьме и что к тому монастырю тянут деревни Мачково да Старково, Пурхма на Мещерске новоселка Филипповское... и волостели мой Гороховские и Мещерские ни их тивуны к тем людям не въезжают»

Второй документ, опубликованный там же – жалованная грамота в князя Василия Дмитриевича от 8 февраля 1425 г., данная также Спасо-Евфимиевскому мон-рю (№ 28, стр. 57): «се яз князь Василей Дмитриевич пожаловал есмь Спасского арх-та Давыда с братьею... что их деревни Филлиповская в Мещерске и их тивуны в ту десять лет не всылают к тем людем».

Из совокупности приведенных документов следует, что окская черемиса в XV столетии живет на территории Мещерской области, расположенной по обе стороны Оки около впадения в нее р. Клязьмы. Есть все основания полагать, что по имени волости, в которой она живет, она и носит в XV столетии свое новое название «мещера» (с указанием язык свой).

Последнее упоминание Мещерской волости и Мещерска – ее центра мы встречаем в Судебнике Ивана III (1497 г.) в разделе «Указ о езде», где ... пишется: «А езду до Володимера... до Стародубских князеи отчины ... до Мещеры..., до Новгорода Нижнего». ...Мещерская волость прекратила свое существование к середине XVI столетия, когда входившие в нее селения были включены в состав «Павловских сел». Преемником Мещерска стало очевидно село Павлово, где в XVI в. была сооружена крепость – Павлов острог. А отголоски существования Мещерска мы встречаем в Нижегородской платежнице 1720 г.: «... з дву перевозов на Оке... под деревнею Горбатою... да под Мещерскою слободкою». Следует... отметить, что вплоть до конца XVIII столетия в ряде документов г. Горбатов называется Мещерском.

Представляется возможным говорить и о первоначальных границах расселения приокской черемисы-мещеры. На востоке она определяется границей расселения мордвы-терюхан, которая проходит направлением с севера на юг от района современного г. Горького до с. Чернуха на р. Серее, что к северу от Арзамаса. Эта граница является совершенно стабильной, как это удалось проследить по документам, с конца XVI – начала XVII веков и до наших дней. К западу от нее живет население, считающее себя не пришлым, коренным и русским, к востоку – мордва-терюхане, считающие себя мордвой по самознанию. Еще восточнее живет русское население, считающее себя пришлым на земли, ранее заселенные мордвой. Большая древность этой границы подтверждается и топонимическими данными (в частности полно... топонима «лей», широко распространенного на территории терюхан).

Южная граница летописной черемисы-мещеры определяется поныне существующим лесным массивом р. Сережи, который по данным нижегородских платежниц XVII века был совершенно не заселен людьми.

Западную границу черемисы установить не представляется возможным. Можно лишь предположительно указать на ее совпадение со старой границей Муромского уезда, проходившей по реке Кузомле к западу от Ворсмы (Нижегородская платежница 7116 г., стр. 78). Однако это предположение расходится с данными духовной грамоты Ивана Грозного о жительстве черемисы в Муромском уезде.

Северная граница черемисы-мещеры выходила на левый берег Оки и судя по данным о Мещерской волости XV в. включала в себя, как и позднейшая Матюшевская волость д. Мачково, Мулино и Золино – левобережье Клязьмы около современной железнодорожной станции Ильино. Руководствуясь данными топонимики, можно выдвинуть предположение о связи с черемисой-мещерой большой группы топонимов типа «Палех, Люлех, Ландех» – локализующихся к востоку от р. Лух до устья Оки ...

ВЫВОДЫ

– Данные русского летописания и различные по характеру документов сходны в утверждении о наличии многонационального по составу населения Нижней Оки в XII–XV вв. Вопрос о документальном обосновании существования лет муромы пока остается открытым.

– Эти же данные позволяют утверждать, что летописная черемиса-мещера не была вытеснена или изгнана, а пережила процесс ассимиляции, прослеживаемый по документам...

[Государственный общественно-политический архив Нижегородской области.

Ф. 7875. Оп. 2. Д. 76. Л. 26, 28–34]

[Публ. А. А. Кузнецова]

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОХОВЦА И ПАМЯТНИКОВ ОКСКО-КЛЯЗЬМИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

С. И. Милованов

Город Гороховец по данным археологических исследований на территории городища

По своей структуре средневековый Гороховец является классическим и хрестоматийным примером, того образа древнерусского города, который сложился в представлении исследователей. Центральное место в его планиграфической структуре занимает городище, расположенное на площадке высокого мыса правого берега р. Клязьмы. За пределами оборонительных укреплений находятся посад и курганный могильник. В данной работе будут представлены итоги археологических исследований, проводившихся в разные годы на территории городища.

На территории города до сих пор не осуществлялось полномасштабных археологических раскопок, а работы носили эпизодический разведочный характер. Первые археологические исследования на месте городища в г. Гороховце проводились в 1956 г. Владимирским областным краеведческим музеем под руководством В. В. Седова (Седов, 1956, 1959). В последующем археологические разведки проводились там спустя 24 года в 1980 г. М. В. Седовой (Седова, 1980). В 1991 г. велось обследование и шурфовка культурного слоя В. П. Глазовым. Были разведочные работы на месте разрушенной надвратной Покровской церкви (Глазов, 1991). В 2015 г. экспедицией ИА РАН проводились работы по определению границ и комплексному обследованию городища и курганной группы. Всего за все годы работ изученная площадь шурфами составила 112 кв. м., но ими была охвачена вся площадка городища.

Не смотря, на слабую изученность, можно сделать некоторые предварительные итоги по истории и археологии городища.

Как уже отмечалось, памятник археологии Гороховецкое городище расположен на правом коренном берегу р. Клязьмы в северной части современного г. Гороховца. Городище занимает всю площадку высокого мыса, образованного разветвленной системой оврагов. Высота мыса 40–50 м над уровнем реки.

Площадка городища имеет овальную в плане форму. Поверхность площадки плавно понижается в направлении с юго-запада на восток-северо-восток. Перепад высот составляет 15–16 м. Рельеф площадки сложный, зафиксированы многочисленные террасы, подрезки грунта, связанные с выравниванием площадки в XVII–XXI вв. В юго-западной части территории памятника сохранились руинированные оборонительные укрепления, представленные валообразной насыпью (рис. 1). Длина сохранившейся части вала ок. 94 м, ширина в основании

Рис. 1. Сохранившиеся оборонительные укрепления в юго-западной части городища

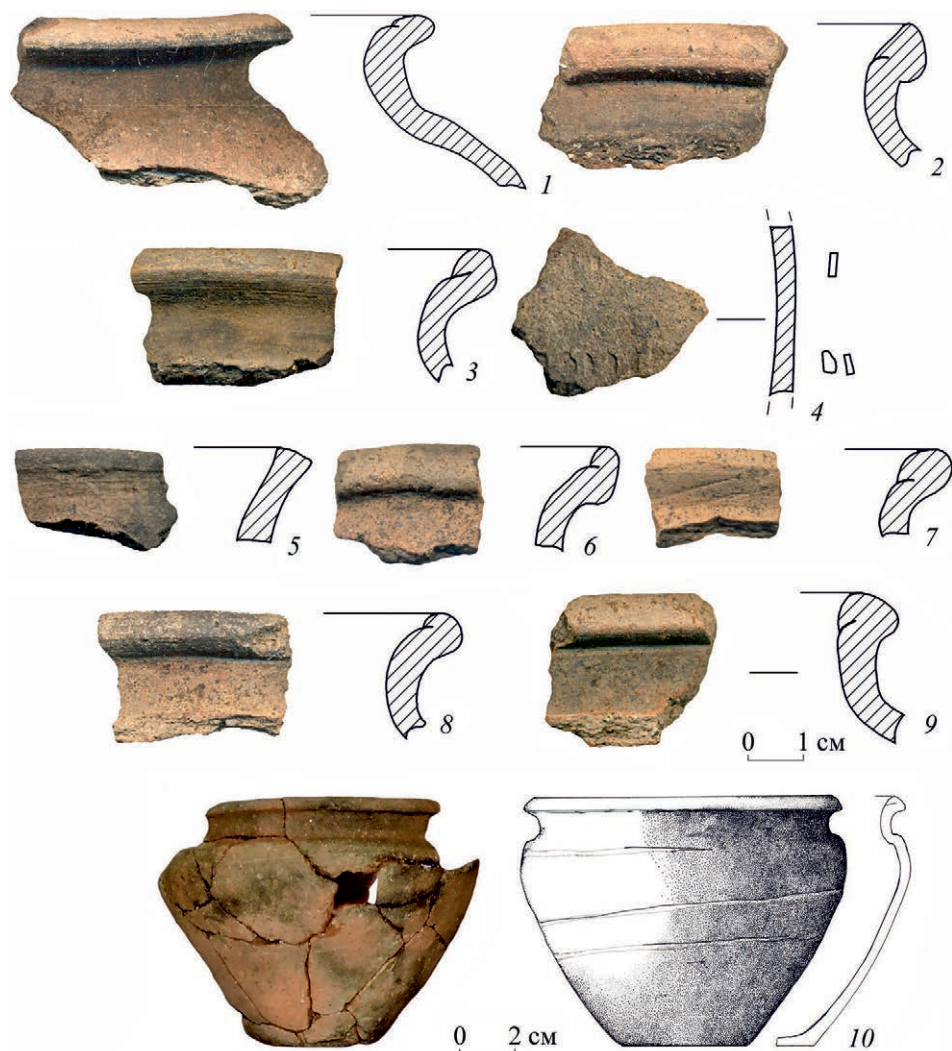
достигает 22 м, высота – 5 м. Частично остатки оборонительных укреплений прослежены вдоль ЮЗ и З границ площадки городища. В рельефе они выражены полукольцевой валообразной насыпью высотой до 1 м, по которой проходит кирпичная монастырская ограда. Следов оборонительных укреплений с северной стороны в настоящее время не сохранилось. Но, согласно материалам приведенным В.В. Седовым в публикации, посвященной раскопкам в Гороховце, остатки валообразной насыпи еще в середине XVIII в. были видны с северной стороны (Седов, 1959. С. 84). Таким образом, наиболее вероятно, что городище по всему периметру имело фортификационные сооружения.

В юго-западной части перед оборонительными укреплениями прослеживаются остатки рва, переходящие в два сходящихся оврага. Между их верховьями находится ровная площадка шириной до 30 м, наиболее вероятно, маркирующая въезд на территорию городища.

Общая площадь городища вместе с сохранившимися оборонительными укреплениями ок. 2,2 га.

В настоящий момент вся площадка городища внутри оборонительных укреплений занята Свято-Троицким Никольским мужским монастырем. Строения монастыря концентрируются в западной и юго-восточной частях городища. Восточная и северо-восточная часть городища свободна от застройки и используется под огороды и сад.

Как показали археологические исследования, материалы эпохи Средневековья встречены на всей площадке городища, что позволяет говорить о том, что была заселена вся территория города. В южной части культурные напластования, отложившиеся в период ранней истории Гороховца, были уничтожены в результате позднейшей хозяйственной деятельности. Находки, относящиеся к средневековью, в этой части городища представлены единичными фрагментами сосудов.

Рис. 2. Массовый керамический материал середины XII – XIII в.
(исследования 2015 г.)

Судя по результатам исследований 1956 и 2015 гг. непо потревоженные культурные напластования эпохи Средневековья сохранились вдоль северной границы городища. Их мощность составляет от 10 до 50 см.

В некоторых разведочных шурфах удалось проследить, что культурный слой покоится на погребенной почве, сформировавшейся до заселения площадки, где в последствии и был расположен город (шурф 6 и раскоп 1 2015 г.).

Из рассматриваемого культурного слоя происходит немногочисленный керамический материал, который технологически и хронологически однороден и датируется 2-й половиной XII–XIII вв. (рис. 2). Немногочисленны

Рис. 3. Индивидуальные находки эпохи Средневековья (исследования 2015 г.): 1 – фрагмент нательного крестика из цветного металла; 2 – привеска из цветного металла; 3 – обломок стеклянного браслета; 4 – нож железный

и индивидуальные находки, они представлены железными ножами, ключом, точильным бруском, глиняным рыболовным грузилом, обломками стеклянных браслетов, стеклянной бусиной и др. (рис. 3).

Среди находок стоит отметить фрагмент крестика из цветного металла (рис. 3; 1). Данный крестик относится к изделиям с маленькими уплощенными шариками на концах и плавно переходящими друг в друга лопастями. Средокрестие лишено изображения. Подобные кресты были широко распространены в XII–XIII вв. и доживают до XIV столетия.

Еще одной интересной находкой является деталь подвески, представленная стилизованным изображением утиной лапки с петлей для подвешивания (рис. 3; 2). Такая привеска могла быть деталью плоской зооморфной подвески. Наибольшее число находок подобных подвесок с аналогичными привесками происходит из Владимиро-Суздальской земли. Датируются они 2-й половиной XII – началом XIII вв. (Рябинин, 1981. С. 18; Зайцева, 2008. С. 134).

Редкой находкой происходящей с территории городища является каменная иконка, обнаруженная во время раскопок 1956 г. Иконка прямоугольной формы. На одной стороне изображен стоящий святой с нимбом. На другой стороне – приклоненное в коленях мужское изображение в профиль. Правая рука фигуры вытянута вперед и чуть приподнята.

Автор находки, отмечая схематизм изображения, технику резьбы, непропорциональность частей тела фигур, считал, что иконка изготовлена местным мастером, видимо, видевшим белокаменную резьбу столичных храмов Владимиро-Суздальской земли и по памяти, пытавшийся изобразить детали фигур (Седов, 1959. С. 86–87). Исследователем древнерусской мелкой пластики Т. В. Николаевой иконка была датирована 1-й четвертью XIII в., а изображенные на ней фигуры атрибутированы как Иоанн Предтеча (с крестом) и молящийся Иоанн Богослов (Николаева, 1983. С. 124–125, Табл. 52, 2. № 290). Довольно интересный взгляд на происхождение иконки предложил

В. Г. Пуцко (Пуцко, 2012). Основываясь на многочисленных аналогиях западноевропейского искусства, он интерпретировал одну из фигур как изображение стоящего Христа с крестом в руках. Наиболее любопытная интерпретация была предложена по второй – молящейся фигуре. Исследователь отметил, что на изображении нет нимба, а, следовательно, это не святой. Подол, украшенный геометрическими мотивами, видный из-под короткой одежды он атрибутировал как альбу – часть облачения католического священнослужителя. Далее исследователь делает вывод, что резчиком в качестве примера была использована композиция, изображающая Христа с предстоящим в молитвенной позе духовным лицом, но при изготовлении иконки изображения были помещены на разные стороны (Пуцко, 2012. С. 260).

Говоря о происхождении, В. Г. Пуцко, отмечает, что в целом иконография западного происхождения и явно связана с искусством крестоносцев. Наиболее вероятно, русским мастером был воспроизведен чужеземный образец, который мог попасть на территорию Руси из Палестины или других земель в начале XIII в. (Пуцко, 2012. С. 261–262).

Конечно, подобная интерпретация находки на наш взгляд требует дополнительной аргументации и дальнейшего исследования.

В целом представленными находками и ограничивается материал древнерусского времени. Стоит отметить, что в виду малой вскрытой площади на городище практически не изучены объекты XII–XIII вв., за исключением одной ямы зафиксированной в шурфе 3 2015 г., из верхнего заполнения которой происходит развал глиняного сосуда (рис. 2; 10).

Одним из самых традиционных вопросов в изучении городов является время установления их возникновения. Дата основания Гороховца точно не известна. Первое упоминание о нем в письменных источниках относится к 1239 г. в связи с сообщениями о монголо-татарском нашествии, когда город был сожжен и разграблен (ПСРЛ. Т. I., 1927. С. 470).

Основываясь на находке стеклянной зонной бусины зеленого цвета и анализе массового керамического материала В. В. Седов датировал культурный слой городища XII–XIII вв. (Седов, 1959. С. 87–88). В тоже время он отмечал, что среди фрагментов керамических сосудов нижнего слоя обнаружены фрагменты сосудов более раннего времени. Учитывая их единичность исследователь пришел к выводу, что первое славянское поселение появилось здесь в конце XI – в самом начале XII в., а в XII в. поселение стало городом (Седов, 1959. С. 87–88).

Анализ керамического материала, выявленного в ходе исследований 2015 г. показал, что он в целом может быть датирован 2-й половиной XII–XIII вв. Присутствие единичных фрагментов более раннего времени, обнаруженных в раскопе 1956 г., могут указывать на середину XII в., как наиболее вероятное время освоения и заселения площадки городища, т. к. в материалах отсутствуют находки и большое количество типов венчиков характерных для XI – 1-й половины XII в. Вопрос произошло это одновременно со строительством оборонительных укреплений или они были возведены позже, остается открытым.

Разгром города монголо-татарскими войсками имел серьезные последствия для Гороховца. Но жизнь в городе не прекращается, он упоминается

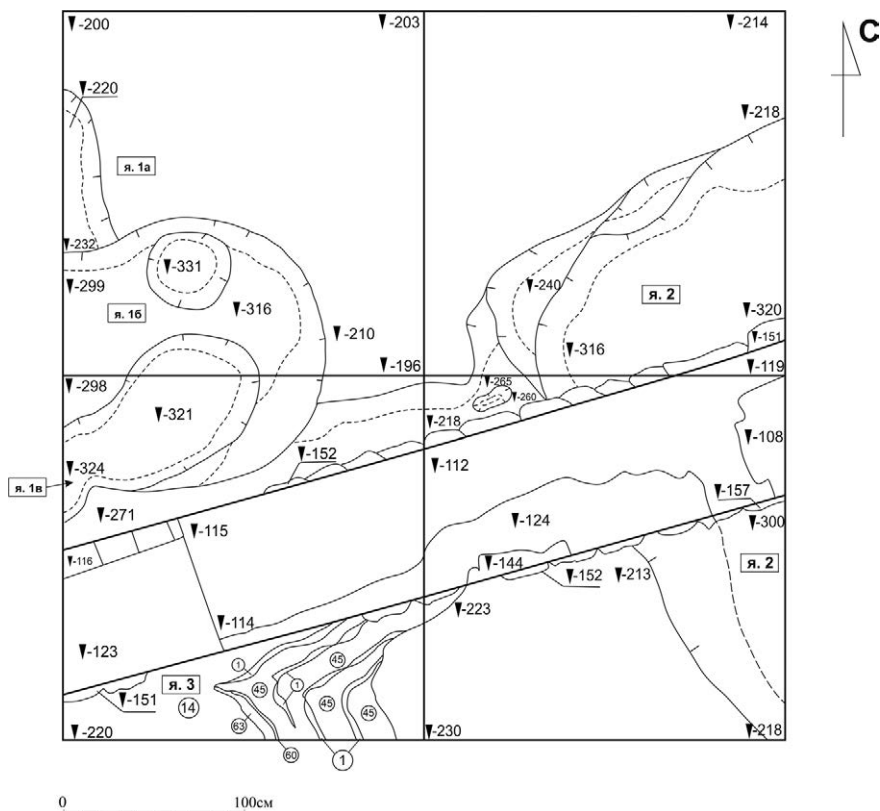

Рис. 4. План раскопа 1 2015 г. на уровне завершения работ

в Списке русских городов дальних и ближних после Ярополча (ПСРЛ. Т. XXIII, 1910. С. 164). Но необходимо отметить, что ярко выраженных материалов 2-й половины XIII–XV вв. на городище не встречено. С одной стороны, это может свидетельствовать, что центр активной жизни перемещается на посад, а с другой, что наиболее вероятно, – это объясняется малой изученной площадью и трудностью вычленения древностей этого времени, среди немногочисленного материала эпохи Средневековья.

Активизация хозяйственной и строительной деятельности возобновляется на территории городища в XVI–XVII вв. Материалы этого времени встречены на всех участках, где проводились исследования. Они в разы превосходят находки эпохи Средневековья. Выявлены многочисленные объекты, заглубленные в материк, являвшиеся подпольями наземных деревянных домов и иных объектов хозяйственного назначения (рис. 4, 5). Их многочисленность, близкое расположение, когда они зачастую прорезают друг друга, свидетельствует о том, что городище было очень плотно застроено. Выявлен разнообразный массовый керамический материал этого времени (рис. 6). Встречены индивидуальные находки: игла, проколка, предмет из цветного металла

Рис. 5. Фотография раскопа 1 2015 г. на уровне завершения работ

цилиндрической формы, фрагменты красноглиняных полностью покрытых белым ангобом зооморфных игрушек (рис. 7). Тулово одной из игрушек могло принадлежать конику или медведю. Подобные красноглиняные игрушки преимущественно бытовали в XV – середине XVII в.

В 1643 г. на месте крепости по грамоте царя Михаила Федоровича был основан Никольский монастырь. Он оставался деревянным до последней четверти XVII в. В 1686–1689 гг. на средства гороховлянина Семена Ершова возводится каменная Троице-Никольская церковь. В последующие годы вплоть до середины XVIII в. территория монастыря активно застраивается.

Свидетельства каменной застройки так же изучены при археологических исследованиях 2015 г. В раскопе в северо-западной части монастыря частично исследованы остатки кирпичного сооружения, представленные сохранившейся внешней стеной на каменном фундаменте и фундаментными рвами от внутренних стен полностью разобранных, заполненных битым кирпичом (рис. 4, 9). Наиболее вероятно, выявленные остатки кирпичного сооружения относятся к каменному одноэтажному корпусу, возведенному в данной части монастыря в 1-й половине – середине XVIII в. (Гороховецкий..., 2008. С. 26), являвшемуся братскими кельями. Согласно письменным источникам, корпус просуществовал до начала XX в. (Гороховецкий..., 2008. С. 77). На плане городища, составленным В. В. Седовым, в данном месте обозначены

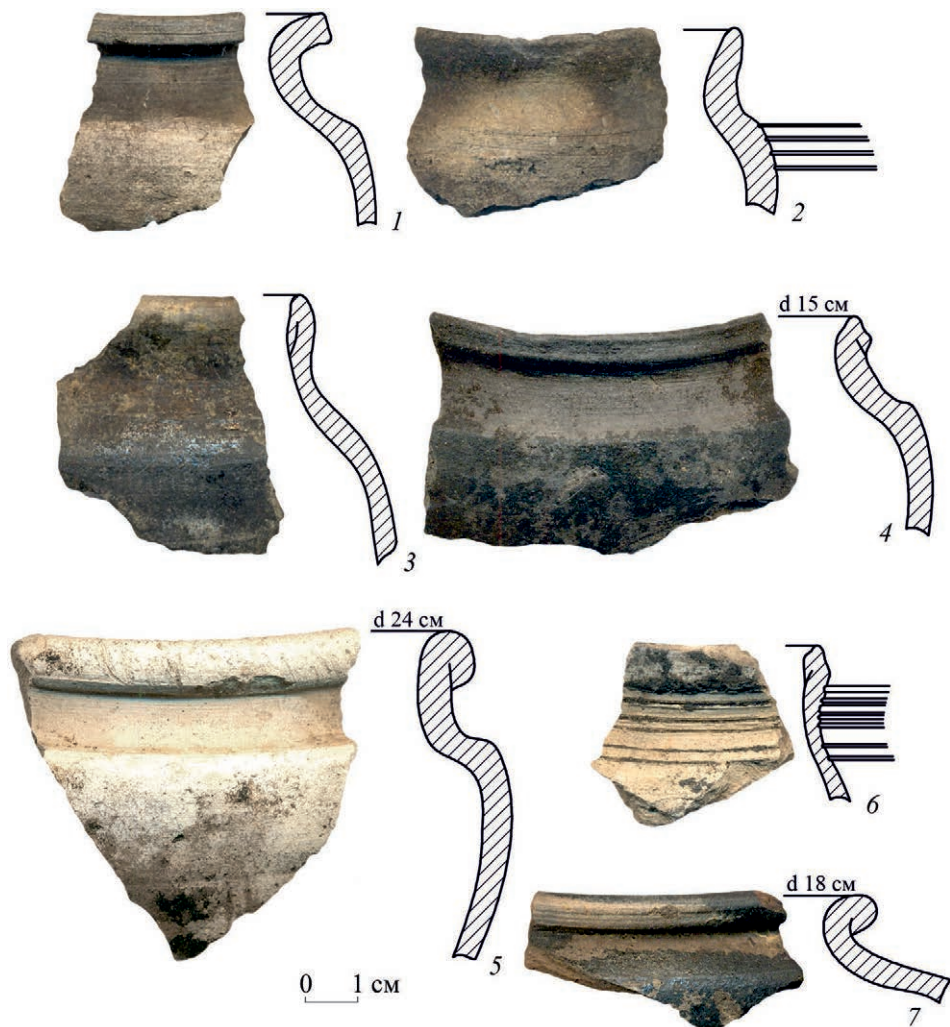

Рис. 6. Массовый керамический материал из заполнения объектов XVI – XVII вв. (исследования 2015 г.)

сарай (Седов, 1959. С. 85, рис. 34). Видимо, сооружение было разобрано в 2-й половине XX в.

В период существования монастыря в северо-западной части городища располагается кладбище, три погребения которого были изучены М. В. Седовой в 1980 г. (Седова, 1980.) В погребениях встречены только нательные крестики. Один крестик из женского погребения выполнен из стекла, два других из цветного металла. Кресты имеют листовидную форму. Ветви крестов заполнены орнаментальными завитками. В центре – крест с тростью и копием над могилой Адама. На обороте молитва.

Рис. 7. Индивидуальные находки XVI – XVIII вв. (исследования 2015 г.):
 1 – игла швейная из цветного металла; 2 – трубочка из цветного металла;
 3 – нож железный; 4 – изделие глиняное; 5, 6 – фрагменты красноглиняных зооморфных
 игрушек; 7 – проколка костяная

В заключении можно отметить, что археологические исследования существенно дополнили представление о раннем периоде существования укрепленной части города Гороховца и позволили выделить основные этапы в ее истории. Заселение и освоение площадки городища относится ко времени не ранее середины XII в. Культурные напластования эпохи средневековья наиболее хорошо сохранились в северной части памятника. Материалы 2-й половины XIII–XV вв. слабо выражены, что может свидетельствовать о слабой застройке города. Полученные материалы демонстрируют, что площадка городища активно застраивалась и использовалась в Новое и Новейшее Время (XVI–XIX вв.).

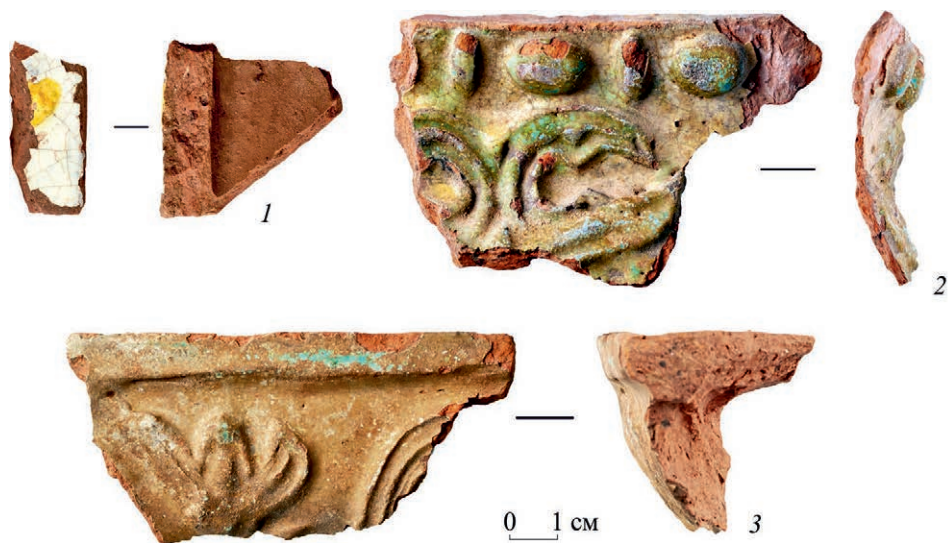

Рис. 8. Фрагменты красноглиняных изразцов

Рис. 9. Фотография расчищенного фундамента в раскопе 1 2015 г.

Литература

- Глазов В.П. Город Гороховец Никольский монастырь. Археологические исследования в 1991 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 16597.
- Гороховецкий Свято-Троицкий Никольский монастырь. М., 2008.
- Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука, 2008.
- Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1–60. М., 1983.
- Полное собрание русских летописей. Т. I., 1927.
- Полное собрание русских летописей. Т. XXIII, 1910.
- Пуцко В.Г. Резная каменная иконка из Гороховца // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М., 2012. Вып. 4.
- Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л. (САИ; Вып. Е1–60).
- Седов В.В. Отчет о полевых работах Владимирского отряда Средне-Русской экспедиции ИИМК АН СССР в 1956 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 1282.
- Седов В.В. Раскопки в Гороховце // КСИИМК. Вып. 77. М., 1959.
- Седова М.В. Отчет о раскопках в Суздале и Гороховце в 1980 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 7757.

Могильник на Пужаловой горе (исследования 2015 года)

Памятник археологии «Курганная группа Гороховец» находится на правом коренном берегу р. Клязьмы, на территории городского парка культуры и отдыха в западной части современного города Гороховца.

Первые археологические исследования курганной группы были проведены в 1956 г. (Седов, 1956). Под руководством В. В. Седова было раскопано два кургана. В могильной яме одного из курганов (глубиной 30 см) открыт мужской скелет, обращенный головой на юго-запад. Никаких предметов при захоронении не оказалось. Под насыпью другого кургана были две могильные ямы, каждая глубиной около 40 см. На дне ям лежало по одному мужскому скелету в вытянутом положении, на спине, головой на запад.

В 1976 г. раскопки курганов в Гороховце были возобновлены Суздальской археологической экспедицией Института археологии РАН и Владимиро-Суздальского музея-заповедника под руководством М. В. Седовой (Седова, 1976). Раскопано два кургана. В первом кургане было обнаружено погребение пожилого мужчины без инвентаря. При зачистке подошвы кургана был открыт ровик, углубленный в материк более чем на 20 см. Во втором кургане находилось погребение, ориентированное головой на запад. Судя по сохранившимся зубам, погребение принадлежало человеку средних лет. У подошвы кургана также обнаружен ровик. Погребения в курганах были отнесены к XII–XIII вв.

Исследования на территории курганной группы возобновились в 2015 г. экспедицией Института археологии РАН. Были проведены работы по определению границ территории, составление инструментального топографического плана территории памятника, фиксация параметров и современного состояния курганных насыпей.

В рамках работ по определению границ территории памятника на мысу, расположенном к северо-северо-западу от курганного могильника, по продольной оси было заложено 3 разведочных шурфа (1×1 м), в которых был обнаружен керамический материал, датированный не ранее XVIII в.

На территории могильника выделяются два скопления курганных групп (условно обозначенных как ЮЮЗ скопление и ССВ скопление), разделенные парковой дорожкой и асфальтированной площадкой, возможно образовывавших единую группу до строительства данных объектов. Первое, ЮЮЗ скопление, насчитывает 25 насыпей. Его площадка имеет размер 70×46 м. Второе, ССВ скопление, вытянутое вдоль края правого коренного берега р. Клязьмы, включает 80 насыпей. Размер площадки в направлении по максимальной вытянутости составляет: 100 м (ССЗ–ЮЮВ), 87 м (ЗЮЗ–ВСВ). Всего на территории памятника зафиксировано 105 насыпей, размерами от 3 до 10 м в диаметре.

На территории расположения курганной группы был проведен комплекс геофизических работ с целью уточнения площади, состава и расположения

не выраженных в рельефе объектов курганной группы. Методом археологических раскопок исследованы две курганные насыпи № 7 и № 80, на которых были заложены раскопы, охватывающие околокурганное пространство. Общая площадь раскопов составила 118 кв. м. В соответствии с методикой, на насыпях оставлялись перпендикулярные стратиграфические бровки, которые после фиксации разбирались по пластам.

Насыпь № 7

Насыпь № 7 слабо выделялась в рельефе, высота от общего уровня дневной поверхности (от полы) в среднем составляла 18 см. Форма насыпи в плане подтрапециевидная с сильно скошенными углами, слегка расплывчата, размеры по основанию составляют 425 см (по оси С–Ю) × 505 см (по оси З–В). При исследовании насыпи № 7 курганные ровики не обнаружены. Вокруг насыпи зафиксированы пятна, содержащие большое количество угольков. Они могут быть связаны с поминальными кострами.

Курган, судя по стратиграфическим разрезам, сооружался в один прием (рис. 1; 1). Под насыпью на поверхности материка были зафиксированы пятна двух совмещенных ям, размер которых составлял 260×260 см. Пятна ориентированы по направлению З–В. Останки захороненных в погребальных ямах не сохранились – в обеих ямах зафиксирован только тлен от деревянных гробов с кованными гвоздями от крышек на одном уровне залегания¹ (рис. 1; 3–4). Заполнение ям состояло из мешаного серо-коричневого суглинка с примесью рыжего суглинка и белесого материкового песка (рис. 1; 2). Глубина ям составляла 60 см.

Насыпь № 80

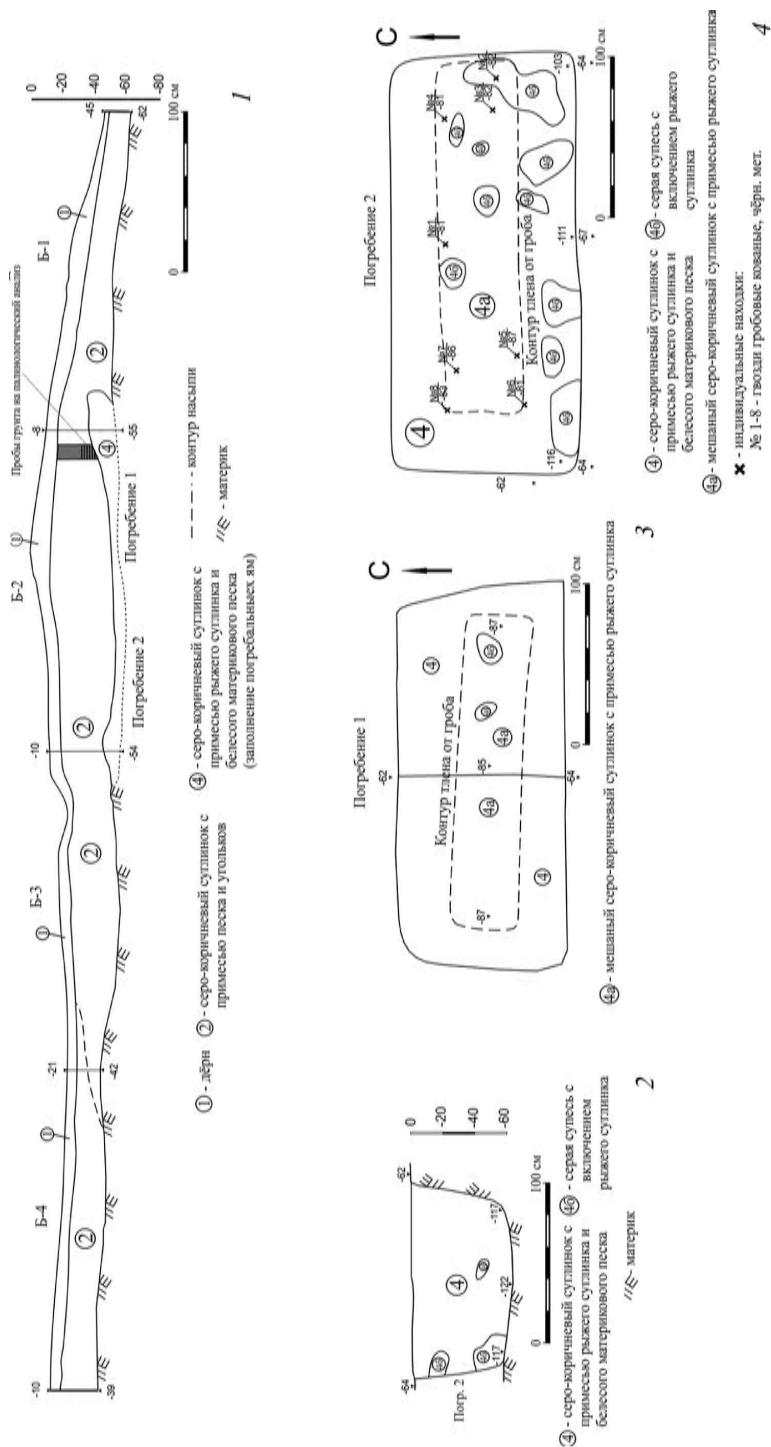
Насыпь № 80 расположена в центральной части ССВ скопления курганной группы. Высота насыпи от общего уровня дневной поверхности (от полы) в среднем составляла 50 см. Форма насыпи в плане овальная, размеры по основанию составляли 540 см (по оси С–Ю) × 450 см (по оси З–В). Насыпь хорошо выделялась в рельефе, и имела хорошо выраженные склоны.

При исследовании насыпи № 80 у СВ подошвы кургана обнаружено заполнение из темно-серого песка с прокаленным песком и угольками. В нижней части заполнения насыпи № 80 зафиксирован слой погребенного дерна². Вокруг насыпи зафиксированы пятна, содержащие большое количество угольков. Они могут быть связаны с поминальными кострами.

Насыпь № 80 сооружалась в два приема. Первоначальная насыпь, сложенная из серо-коричневой супеси с включением белесой супеси и угольков, имела высоту до 43 см, слегка уплощенную вершину. Под первоначальной насыпью располагался погребенный дерн, в котором четко прослежены границы

¹ Размеры контура тлена от гроба в одной из погребальных ям – 198×42 см.

² Пробы, взятые из этого слоя, на данный момент не проанализированы.

Рис. 1. Объект археологического наследия «Курганная группа Гороховец». 2015 г. Насыпь 7:

1 – бровка, направленная по оси С–Ю. План восточного профиля; 2 – погребение 1, план западного профиля;

3 – погребение 1, план контура тлена от гроба; 4 – погребение 2, план контура тлена от гроба

заполнения прорезавшей его погребальной ямы, а также материковые выбросы по краям ямы. Верхнюю часть насыпи составляла серо-коричневая супесь, толщиной до 20 см (рис. 2; 1).

Могильная яма, расположенная под насыпью, была ориентирована строго по направлению запад-восток. В плане контур могильной ямы представлял из себя прямоугольник со слегка округлыми углами. Максимальные размеры – 240×115 см. Заполнение ямы – рыжий суглинок с включением белесого материкового песка (рис. 2; 2). Глубина ямы составляла около 50 см. На дне ямы был обнаружен погребенный, который располагался в вытянутом положении на спине, правая рука согнута в локте, а кисть уложена на груди, левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть расположена слева у черепа, кости ног вытянуты вдоль туловища (рис. 2; 3). Лицевые кости черепа были повернуты к югу, сдвинутые, по-видимому, под тяжестью насыпи. Инвентаря и керамического материала в заполнении ямы обнаружено не было, следы гроба отсутствовали. Материк на дне ямы представлял из себя рыжий суглинок с прослойками белесой и серой супеси. Дно ямы ровное, стенки отвесные.

Антропологический материал из погребения под насыпью № 80 был исследован старшим научным сотрудником ИА РАН Марией Всеволодовной Добровольской³.

Заключение по анализу антропологического материала из погребения под насыпью № 80.

Индивид из погребения являлся мужчиной в возрасте старше 40 лет. Череп индивида, в целом, может быть охарактеризован как долихокранный, высокий, вероятно узколицый, с высокими глазницами и широким носом. Отмеченные особенности однозначно свидетельствуют о том, что внешность индивида соответствует европеоидному облику. Причем, такие признаки как гипердолихокрания, высокое узкое лицо, высокие орбиты, значительное выступание носа, указывают на черты облика, который ассоциируется с южными группами. Если адресоваться к карте краниологического разнообразия средневековой Восточной Европы, то это, в первую очередь – аланский (салтовский) компонент. Реконструированный рост индивида мог быть около 170 см, но не более.

Среди признаков, которые могут характеризовать здоровье индивида, отмечается наличие межпозвонковой грыжи в нижнем позвонке грудного отдела, возможно, даже давний компрессионный перелом, который затем зарос.

Индивид не обладал большой мышечной массой.

Особого внимания заслуживает характер износа коронок зубов верхней челюсти – моляров. Однако, характер износа не связан с жеванием. Коронки имеют сильную залощенность и изношенность, зубы сильно смещены. Реконструируя физические нагрузки, можно отметить движение слева направо (что удобно для правши), объект будто с силой протаскивался слева направо, что хорошо читается по искривлению корней моляров. Также сильно стертые все зубы верхней челюсти. Такая специфика износа может сформироваться,

³ Выражаю благодарность Марии Всеволодовне Добровольской за анализ антропологического материала из погребения под насыпью № 80.

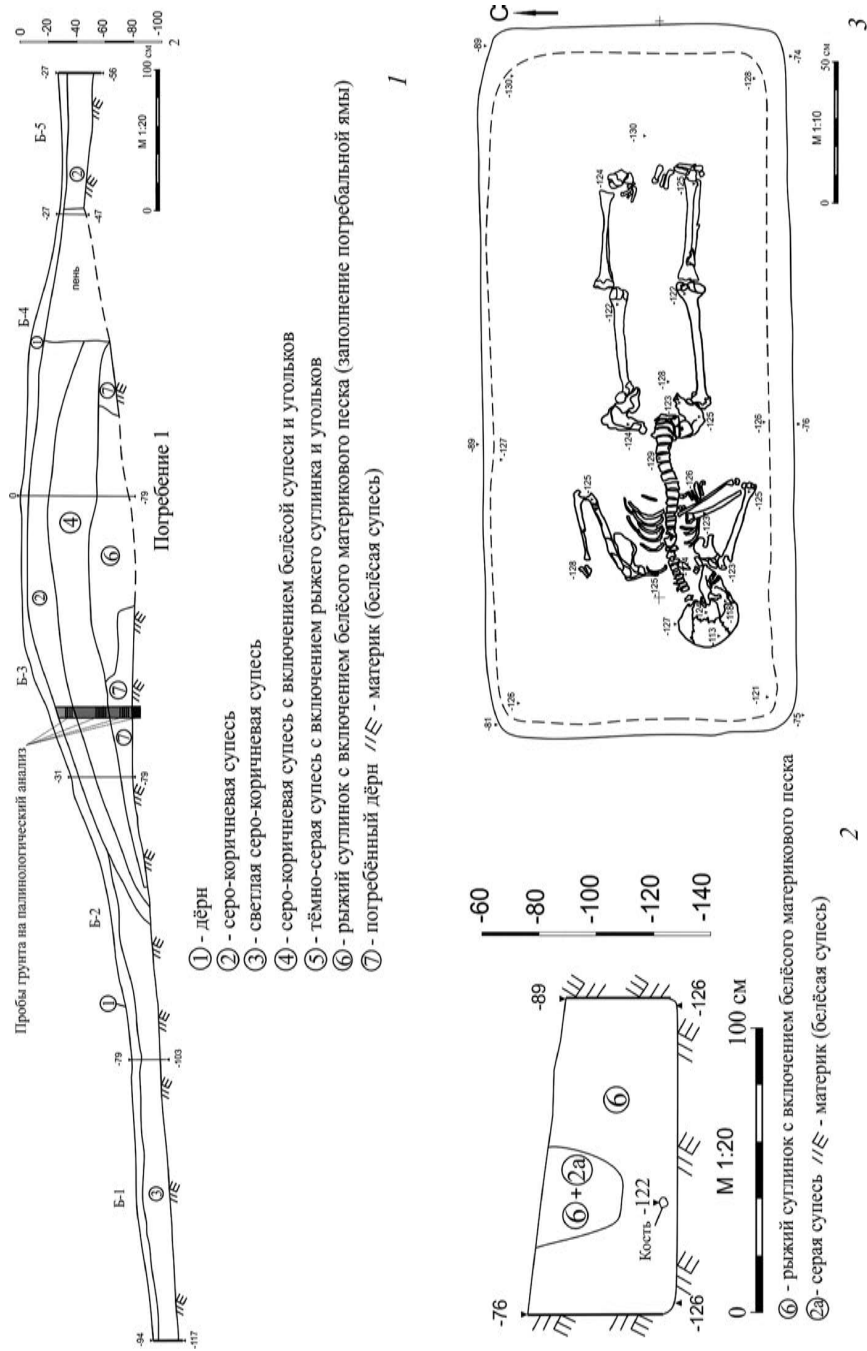

Рис. 2. Объект археологического наследия «Курганная группа Гороховец», 2015 г. Насыпь 80:

1 – бровка, направленная по оси С–Ю. План западного профиля, 2 – погребение 1, план западного профиля, 3 – план погребения 1

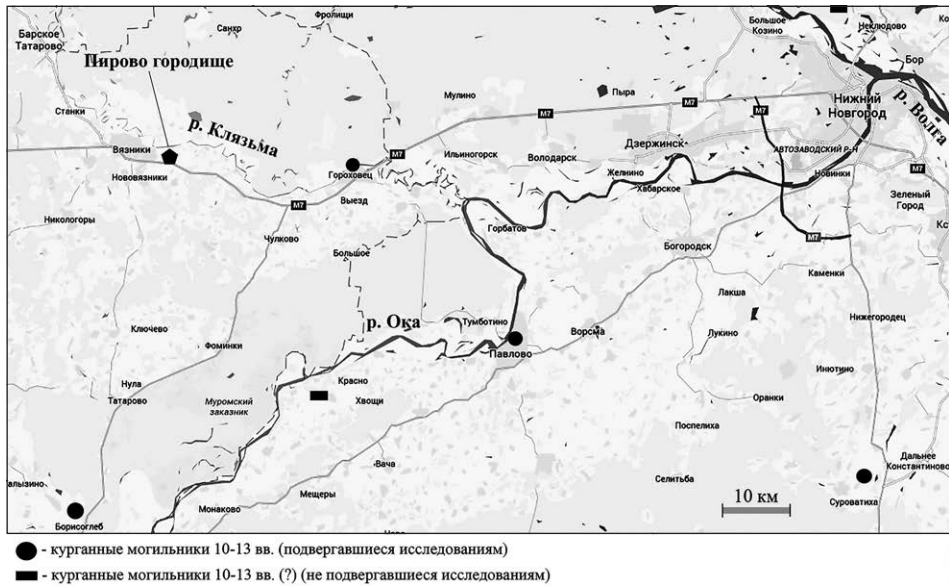

Рис. 3. План расположения средневековых курганных могильников в районе нижнего течения рек Оки и Клязьмы

например, при протягивании жилки или чего-то сходного (например, при кожевенном деле).

Слева на лобной кости след зажившей черепной непроникающей травмы округлой формы. Происхождение такой травмы более походит на боевое, чем на бытовое.

Индивид из погребения – мужчина старше 40 лет, грацильного телосложения, с чертами внешности, ассоциируемые с южноевропеидными группами. Ряд признаков указывают на то, что индивид занимался активными видами деятельности, связанными, возможно, с военным делом.

По итогам раскопок 2015 года исследованные насыпи условно определены как древнерусские домонгольские – хронологию их определить затруднительно, т.к. инвентарь в могильных ямах отсутствовал. Опираясь на общую хронологию древнерусских курганов, можно считать, что исследованные насыпи относятся к периоду XII–XIII вв.

В обеих исследованных насыпях и на прилегающих участках обнаружены фрагменты лепных керамических сосудов эпохи раннего железного века, хронологически чуждые курганному могильнику и вероятно происходившие из переработанного при устройстве курганов культурного слоя находившегося здесь поселения раннего железного века.

Следовало бы отметить значение гороховецкого могильника как одного из крайних восточных древнерусских курганных групп на рр. Клязьме и Оке (рис. 3). В ближайших окрестностях курганы не обнаружены, в том числе и возле Пирова городища (хотя курганы в его окрестностях могли быть некогда

нивелированы). Известны курганные группы X–XIII вв., подвергавшиеся исследованиям, в окрестностях с. Борисоглеб Муромского района (Археологическая карта России, 1995. №№ 392, 393, 399–404, 438; Леонтьев, 2012); около г. Павлово⁴ (АКР, 2008. № 1349). Курганные группы, расположенные восточнее этого региона, связаны с кочевниками, находившимися в мордовской среде (памятники датируются периодом XII–XIV вв.), к примеру, можно привести исследованный курганный могильник Сарлей в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области (АКР, 2004. № 416).

Древнерусские курганные группы, среди которых ярким примером является Гороховецкий могильник, могли нести не только утилитарно-погребальную, но и символическую функцию. Быть знаками, маркирующими присутствие и освоение ландшафта. Это подчеркивает, например, расположение гороховецких курганов на видном месте – на краю коренного берега р. Клязьмы.

Крупные и довольно глубокие могильные ямы, отсутствие инвентаря в ингумациях, малые размеры насыпей обычны для курганов Волго-Окского междуречья, в том числе и для ранних курганов XI в.

Фиксация и сохранение гороховецких курганов является важной задачей, так как они практически полностью сохранили свой первоначальный облик и не подвергались распашке, как большинство других курганных групп.

Список литературы и источников

- Археологическая карта России: Владимирская область / Сост.: М. П. Зими́на, Ю. А. Краснов, А. Е. Леонтьев, Л. А. Михайлова, Н. Г. Самойлович, М. В. Седова. М.: Институт археологии РАН, 1995.
- Археологическая карта России: Нижегородская область. Часть 1 / Сост. Т. Д. Николаенко. Под ред. Н. В. Малиновской. М.: Институт археологии РАН, 2004.
- Археологическая карта России: Нижегородская область. Часть 2 / Сост. Т. Д. Николаенко. Под ред. Г. Г. Короля. М.: Институт археологии РАН, 2008.
- Леонтьев А. Е. «Неопознанные археологические объекты» в Муромском районе Владимирской области 5 // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб: Нестор-История, 2012. С. 116–122.
- Седов В. В. Отчет о полевых работах Владимирского отряда Средне-Русской экспедиции ИИМК АН СССР в 1956 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 1282.
- Седова М. В. Отчет о раскопках курганов в г. Гороховце в 1976 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 7757.

⁴ Раскапывался Ф. Г. Черниковым в 1961 г. Исследовано 17 курганов с ровиками, под которыми обнаружены погребальные ямы с западной ориентировкой и безынвентарными погребениями.

Сопредельные земли Гороховецкой волости на правобережье Оки: основные вехи средневекового освоения

При изучении прошлого г. Гороховца и его округа определенный интерес представляет история освоения сопредельных территорий. Одна из них – участок возвышенного плато Волго-Окского Правобережья, вытянутый приблизительно на 90 км к востоку от устья р. Клязьмы. На его северо-восточной периферии располагается г. Нижний Новгород, имеющий давние исторические связи с Гороховецкой землей: через нее пролегла дорога, соединяющая город на устье р. Оки с г. Владимиром и г. Москвой, а сама Гороховецкая волость в XV – начале XVI вв., входила в состав Нижегородского уезда (Чеченков, 2004. С. 29–36).

Территория, о которой пойдет речь, представляет собой единый ландшафтный район, известный в трудах по физической географии как Приокско-Волжское Правобережье (Харитонычев, 1978. С. 158–163). С севера и запада его замыкают русла р. Волги и р. Оки, с юга и востока – долины их небольших правобережных притоков – рек Кудьмы и Кишмы. Очерченная этими естественными рубежами местность охватывает около 1200 кв. км. Ее поверхность образована северо-западными отрогами Приволжской возвышенности. Малыми реками, оврагами, балками она расчленена на множество платообразных останцев. Густота овражно-балочной сети здесь существенно возросла за последние 200–250 лет, прошедших после начала тотальной распашки водоразделов. Заметно уменьшилась и залесенность, которая, судя по картам рубежа XVIII–XIX вв., составляла тогда 35% от площади всего района (Харитонычев, 1978. С. 159). В почвенном покрове доминируют светло-серые лесные почвы, сформированные на лессовидных четвертичных суглинках. Процесс почвообразования проходил под пологом елово-дубовых смешанных лесов, почти полностью вырубленных и замещенных березняками после начала активного сельскохозяйственного освоения приводораздельных склонов.

Географическая замкнутость этого участка Волго-Окского Правобережья в XVI – первой половине XVII вв. стала предпосылкой его соотнесения с одной административно-территориальной единицей, известной по делопроизводственным документам и актам как Березопольский стан Нижегородского уезда (Чеченков, 2004. С. 23–25). Связанная с ним заселенная местность в разноплановых письменных источниках XVI–XVII вв. и краеведческой литературе называется Березопольем. Первое летописное упоминание Берёзова Поля, как некой заселенной, тяготеющей к Нижнему Новгороду, территории, помещено в статье 1378 г. (6886 г.) Рогожского летописца (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 134).

В настоящее время Березополье можно отнести к наиболее археологически изученным и разведанным участкам Нижегородского Поволжья. Поиски археологических памятников в этом районе Волго-Окского Правобережья

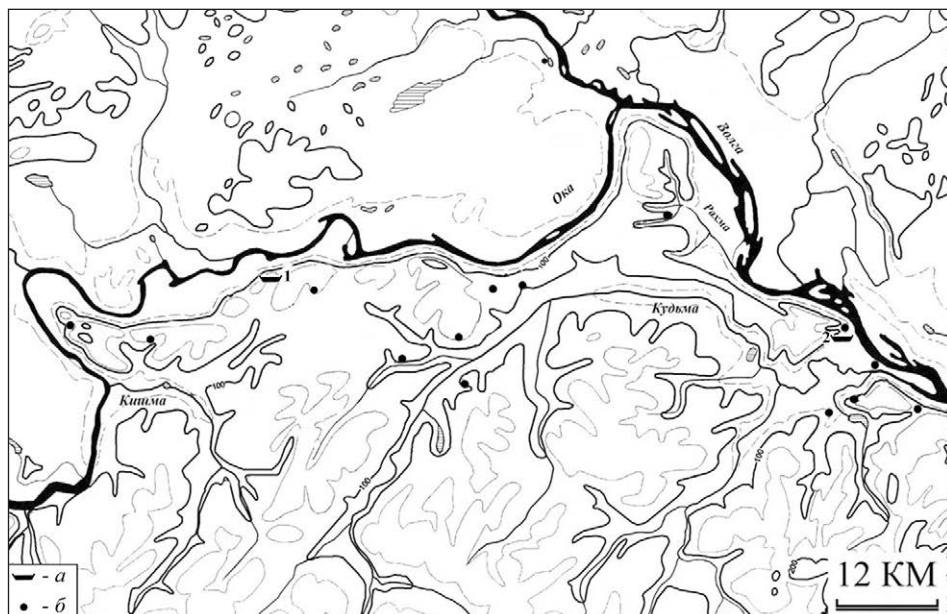
начались еще в конце 30-х годов XX в.: первый археологический памятник здесь, селище Столбищи XVII–XVIII вв., был обнаружен В. А. Тихомировой в 1938 г. (Николаенко, 2008. С. 215). Начало систематическим разведочным изысканиям было положено подвижнической деятельностью основателя краеведческого музея г. Дзержинска Б. А. Сафонова в годы Великой Отечественной войны и сразу после ее завершения, в 1941–1943 и 1946–1951 гг. (Анучин, Черников, 1991). Тогда, при первых обследованиях берегов рек Оки, Кишмы и Кудьмы, помимо поселений эпохи бронзы и раннего железного века, были впервые обнаружены и русские средневековые селища. Число известных средневековых памятников в этом районе заметно выросло в результате исследований В. Ф. Черникова. 1959 г. Обследованная им в 1959 г. территория охватывала протяженный участок правого окского берега от устья р. Кишмы до г. Нижнего Новгорода и впервые – берега р. Кудьмы. В последующие годы большая часть местности, через которую пролегал маршрут этой экспедиции, была повторно обследована под руководством М. В. Блиновой (1979 г.), В. А. Флягина (1992 г.), И. О. Ерёмину (2004, 2005 гг.). Правый коренной берег р. Оки в районе «Горбатовского колена» повторно обследовался А. Ю. Рогачёвым (1979 г.), И. О. Ерёминим (2003 г.) и Н. Н. Грибовым (2005 г.). В пойме р. Кишмы, на участке ее нижнего течения, поисками археологических памятников в 1991 г. активно занимался М. Г. Жилин. В 1984-м и 1999-м гг. этот исследователь зафиксировал скопление стоянок эпохи камня и поселений эпохи бронзы в приустьевой части поймы р. Кудьмы недалеко от с. Безводное. В 1989 г. А. А. Мироносом был изучен участок Волжского Правобережья от г. Нижнего Новгорода до устья р. Кудьмы, а также расширение правобережной волжской поймы в районе устья р. Рахмы (Артёмовские луга). В последние двадцать пять лет большое количество средневековых памятников в Березополье выявлено в результате систематического изучения Окско-Кудьминского водораздела, долин рек Волги, Оки, Кудьмы и Рахмы экспедициями под руководством И. С. Аникина и Н. Н. Грибова.

По состоянию на 2016 г. на участке Волго-Окского Правобережья, ограниченного берегами рек Кудьмы и Кишмы, выявлено около 220 археологических объектов, датируемых средневековой эпохой. Раскопки проводились на восьми поселениях (не считая Нижнего Новгорода) и четырех могильниках. Общая площадь, вскрытая на поселениях – около 3000 кв. м, на могильниках – 3800 кв. м.

Средневековые памятники Березополя отчетливо разделяются на две культурно-хронологические группы. Первая, образованная наиболее ранними памятниками с лепной керамикой, включает в себя двенадцать селищ и два могильника, оставленных поволжско-финским населением. Так как материалы поселений пока малочисленны и представлены почти исключительно фрагментами неорнаментированной керамической посуды, определяющее значение для характеристики первого этапа освоения этого района имеют результаты изучения погребальных памятников.

Один из них, Безводнинский могильник, открытый на устье р. Кудьмы В. Ф. Черниковым в 1970 г., был почти полностью раскопан Ю. А. Красновым

Рис. 1. Раннесредневековые памятники поволжских финнов в районе Приокско-Волжского Правобережья (а – могильники; б – селища; 1 – Подвязьевский могильник; 2 – Безводнинский могильник)

(169 погребений на площади 3500 кв. м). Второй памятник такого вида – Подвязьевский могильник. Он был обнаружен сравнительно недавно (2010 г.) на мысу правого коренного берега р. Оки на территории селища раннего железного века Подвязье-2, открытого В.Ф. Черниковым в 1959 г. В 2010-м, 2012–15-х гг. на памятнике изучены захоронения 61 индивида в 59 погребениях на раскопанной площади 282 кв. м. Его хронологические рамки перекрывают пределы датировки Безводнинского могильника и в настоящее время могильник у с. Подвязье можно рассматривать в качестве ключевого памятника для изучения истории освоения Березополя в раннем средневековье.

Самые ранние исследованные при его раскопках комплексы относятся к первым известным в настоящее время грунтовыми погребениями железного века на Нижней Оке. Они датируются серединой III – началом IV вв. Главная особенность их погребального инвентаря – массовое присутствие вещей, характерных для памятников Прикамья (азелинских, мазунинских могильников) и курганов позднесарматской культуры. Среди наиболее древних находок – хорошо известные по сарматским памятникам Венгерской низменности последней четверти II – первой половины III вв. бронзовые цельнолитые с изогнутыми удлиненными щитками обувные пряжки, продолговатая пластинчатая поясная обойма с тремя полусферическими выпуклинами на продольной оси, цельнолитая пряжка с овальным кольцом и трапециевидным нефасетированным основанием с прорезью для крепления ремня – дериват ажурнопрорезных изделий

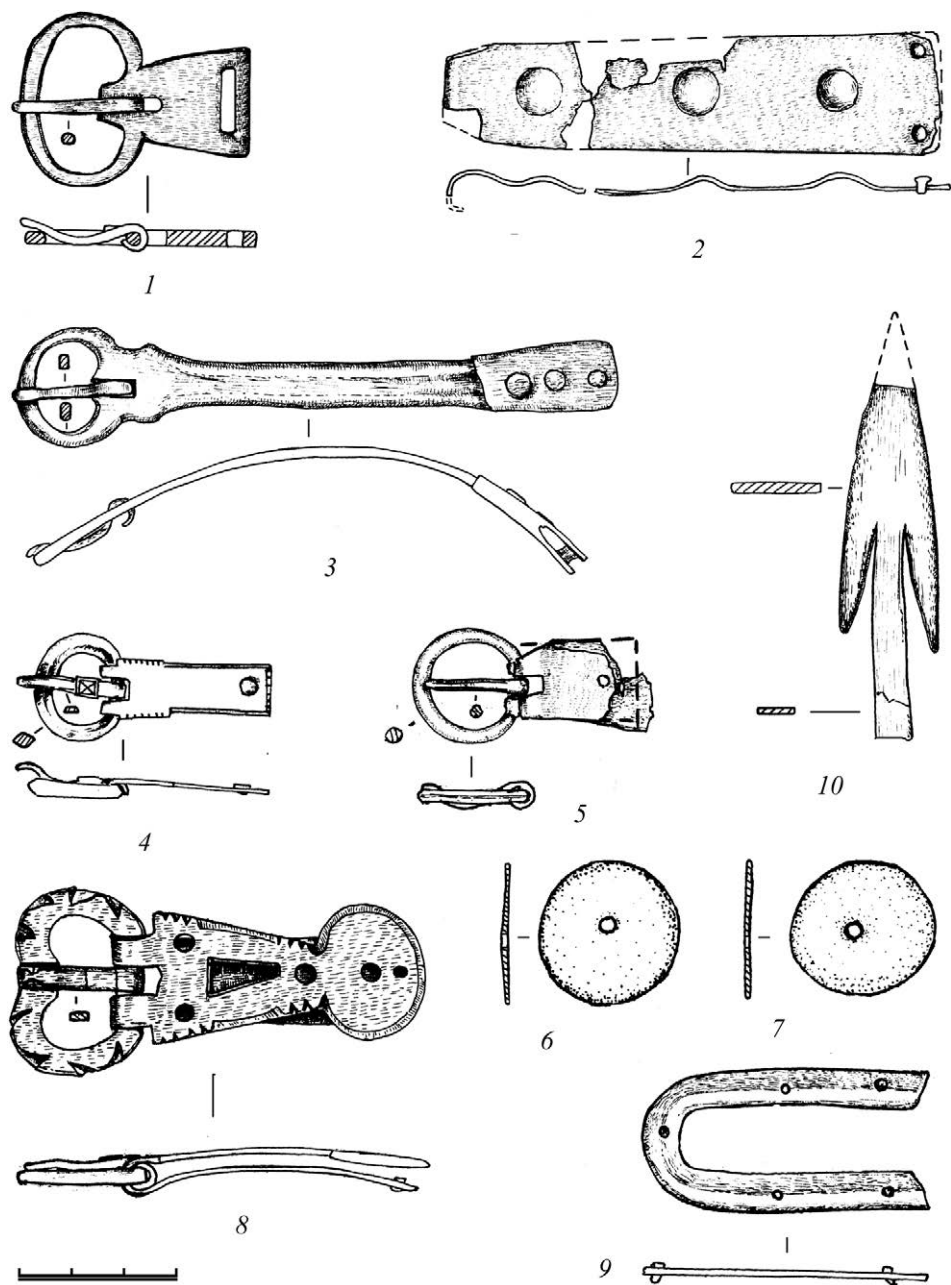

Рис. 2. Находки из ранних комплексов Подвазьеvского могильника: 1, 3, 4, 5, 8 – пряжки; 2 – поясная обйма; 6, 7 – бляхи; 9 – наконечник ремня; 10 – наконечник стрелы. Погребение 54: 1–4, 10. Погребение 24: 5, 8, 9. Погребение 47: 6, 7. Серебро: 6, 7. Бронза: 1–5, 8, 9. Железо: 10)

ранне- и среднеримского времени, трехчленные уздечные пряжки с округлыми гранеными рамками, фасетированными продолговатыми прямоугольными щитками и сильно прогнутым удлинненным язычком с прямоугольной площадкой, диагонально перечеркнутой тонкими линиями, известные по степным курганам второй половины III в., плоские круглые бляхи из серебра с крепежными отверстиями по центру от головных украшений, бронзовая овальная фибула-брошь с остатками красной эмали и некоторые другие предметы позднего римского времени. В целом, по характеру погребального инвентаря ранние комплексы Подвязьевского могильника близки к погребениям кошибеевского этапа рязано-окских могильников. Расположение памятника на коренном окском берегу в районе, тяготеющем к окскому устью, позволяет предположить, что распространение традиции грунтовых погребений в финале раннего железного века происходило не только через водоразделы по долинам малых рек (с Верхней Суры по р. Мокше на Среднюю Оку), но и непосредственно вдоль крупнейших речных магистралей Восточной Европы – Оке и Волге.

Географическое положение, занимаемое Подвязьевским могильником, можно рассматривать как начальную предпосылку соотнесения его с памятниками безводнинско-ахмыловского круга (Никитина, 2002. С. 161–166). Последние синхронны большей части вскрытых на Подвязьевском могильнике погребений датированы V – началом VIII вв. В этот круг входят Безводнинский, Младший Ахмыловский, Желтухинский, Кочкинский могильники, а также отдельные погребения, вскрытые при исследовании Чортова городища на р. Ветлуге. Образуемый ими ареал простирается от рек Теза и Лух в Волжско-Окском междуречье на западе до устья р. Ветлуги – на востоке. Обособление безводнинско-ахмыловских могильников от азелинских и мордовских памятников отчетливо прослеживается по составу женских украшений, присутствию безинвентарных конских погребений, некоторым другим характерным чертам погребальной обрядности. Их культурная специфика проявляется, прежде всего, в широком распространении среди женских украшений: браслетообразных разомкнутоконечных височных колец, головных жгутов, венчиков, накосников, круглых нагрудных ажурных блях-застежек, сьюльгам. Некоторые из этих элементов женского убора впоследствии, претерпев незначительные изменения, закрепились в обиходе ряда поволжско-финских народов и приобрели отчетливую этнокультурную окраску. С населением, оставившим безводнинско-ахмыловские памятники, связывают формирование основы материальной культуры марийцев и муромы (Гришаков, 1990. С. 134; Никитина, 2002. С. 221).

Наиболее поздние погребения Подвязьевского могильника по круглодротовым сьюльгам с длинными «усами» и щитковоконечным височным кольцам «муромского» типа датируются промежутком конца VII – первой половины VIII вв. Эти комплексы синхронны наиболее поздним погребениям Безводнинского могильника и, очевидно, маркируют завершение первого этапа освоения территории Березополья.

Археологические памятники последующих четырех – четырех с половиной столетий (второй половины VIII–XII вв.) в районе Приокско-Волжского Правобережья не обнаружены. Единичные находки, время бытования которых

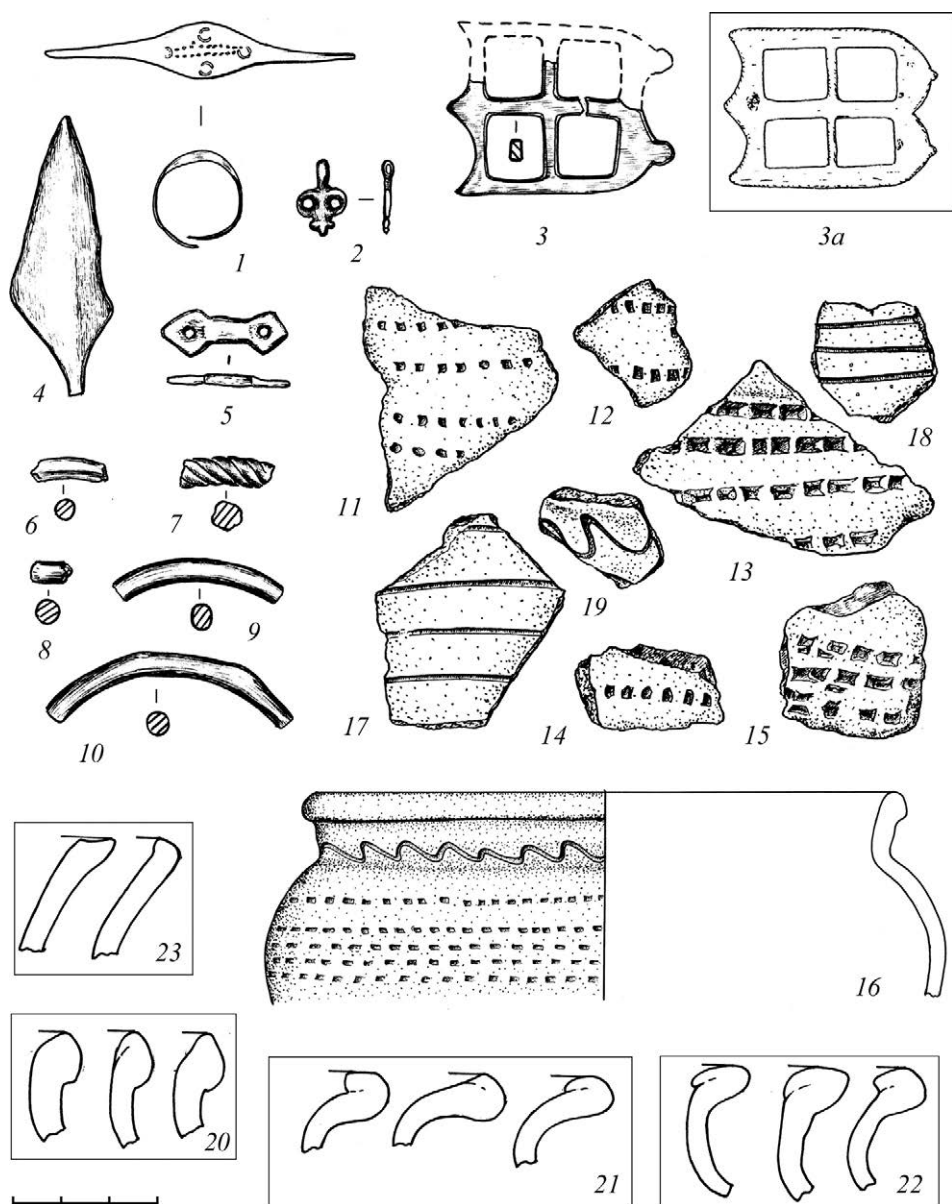

Рис. 3. Памятники XIII – начала XV вв. в районе Приокско-Волжского Правобережья, оставленные русскими поселенцами (1 – селища, 2 – могильники, 3 – город Нижний Новгород)

соотносится с отдельными отрезками указанного временного интервала, были сделаны только на памятниках развитого средневековья. Это несколько экземпляров различно оформленных бронзовых финских шумящих подвесок, происходящих из Нижнего Новгорода и селищ его округа, стеклянная зонная бузина, выполненная в технике «миллефиори», из поселения Бешенцево-3.

Вторая группа средневековых памятников наиболее многочисленна. Она выделяется, прежде всего, по доминированию русской гончарной посуды. Уже в XIII–XIV вв. на территории Березопольского стана складывается разветвленная сеть поселений, охватившая не только побережья крупных и малых рек, но и водораздельные пространства. Сопоставление инвентаря из разновременных построек, полученного при изучении разных памятников, позволило зафиксировать изменения в оформлении горловин местных гончарных сосудов, произошедшие в первой половине – середине XIV в. Наблюдения над составами наборов венчиков из котлованов построек позволяют дифференцировать эти комплексы на три периода. Разделяющие их вехи близки к рубежу XIII–XIV вв. и середине XIV в.

Первые русские поселения в Приокско-Волжском Правобережье появились, вероятно, не ранее начала – середины XIII в. В материалах местных наиболее ранних русских памятников, при явном преобладании, так называемого, «домонгольского» инвентаря, повсеместно исчезающего вблизи рубежа XIII–XIV вв. или в первых десятилетиях XIV в., как правило, присутствуют единичные предметы, проникновение которых в русский быт не могло произойти ранее начала

Рис. 4. Селище Доскино-10. Находки: 1 – перстень; 2 – привеска; 3 – пряжка (3а – пряжка из раскопок г. Азака (Гусач И. Р., 2004)); 4 – наконечник стрелы; 5 – накладка; 6–10 – фрагменты браслетов; 11–19 – фрагменты орнаментированных сосудов; 20–23 – фрагменты венчиков гончарных сосудов (20–22 – наиболее распространенные типы со встречаемостью 36%, 16% и 9% соответственно; 23 – редкий тип со встречаемостью менее 1%). Бронза: 1–3. Железо: 4, 5. Стекло: 6–10. Керамика: 11–23

золотоордынской эпохи. Это наблюдение хорошо иллюстрируют результаты раскопок небольшого селища Доскино-10, площадью 1300 кв.м. Датирующие находки представлены бронзовыми крестоспиральной подвеской и незамкнутым пластинчатым широкосрединным перстнем, многочисленными осколками стеклянных браслетов, керамикой, украшенной прокаткой зубчатого колесика. Среди фрагментов сосудов присутствует заметное количество резко отогнутых наружу венчиков с валикообразным краевым окончанием от горшков «общерусского типа» (ХИВ-2 по Ю.В. Ковалю, см.: Коваль, 1996. С. 107). Этот «домонгольский» набор сопровождается литая пластинчатая фигурная пряжка с четырьмя прорезями, прямым аналогом которой является изделие, обнаруженное при раскопках золотоордынского Азака (Гусач, 2004. С. 93, рис. 1, 1)).

Сложной и одновременно интересной задачей является выяснение вероятного «плацдарма» русской колонизации – той области, откуда вышли первые русские поселенцы Березополя. Географическое положение района указывает, прежде всего, на три ближайшие к нему «староосвоенные» территории, связанные с тремя древнерусскими городскими центрами – Муромом, Ярополчем Залесским и Городцом-на-Волге. Сопоставление специфических черт посудной керамики этих трех городских областей с особенностями керамических комплексов наиболее ранних памятников Березополя позволяет высказать предположение о главенствующей роли г. Городца на начальной стадии освоения Приокско-Волжского Правобережья среди других окрестных городов. Как и на ранних памятниках Березополя, в Городце (в отличие от памятников Муромской земли) посуда изготавливалась почти исключительно из красножгущейся глины, а значительная ее часть орнаментировалась прокаткой зубчатого колесика, которое гончары из Ярополча не использовали для нанесения декора на свою продукцию.

Освоение земель Березополя приобрело массовый характер в XIV в. Вероятно, этому способствовало образование Суздальско-Нижегородского княжества и перенос в Нижний Новгород стола суздальских князей. Инвентарь, происходящий из раскопок крупных нижегородских сел этого времени по своему составу мало чем отличается от находок из богатых городских усадеб (Грибов, 2008). Он включает в себя массовые находки фрагментов привозной парадной поливной посуды восточной работы, бронзовые элементы поясной гарнитуры, детали железных доспехов, серебряные и медные монеты.

Хронология селищ выявляет отчетливый спад в динамике заселенности Приокско-Волжского Правобережья в течение большей части XV столетия. К середине XV в. исчезает практически вся поселенческая структура, сложившаяся здесь в XIII–XIV вв. Только на двух из двухсот четырех березопольских поселений развитого средневековья удалось обнаружить следы функционирования середины – второй половины XV в. Выяснение причин этого запустения требует отдельного исследования. Однако, среди факторов, явно негативно повлиявших на ход освоения нижегородской земли в это время особое значение, очевидно, имели события 1445 г., напрямую затронувшие и Гороховецкую волость. Захват и длительное удержание ордой хана-изгоя Улуг-Мухаммеда Нижнего Новгорода, его зимний поход из Нижнего Новгорода на Муром, предшествующий

Табл. 1. Характерные признаки керамических комплексов Ярополча, Муром (селище у с. Карачарово), Городца-на-Волге, наиболее ранних памятников Березополя (селище Доскино-10). Данные получены: по Ярополчу – Седова, 1978; по селищу у с. Карачарово – Аникин, 2013 (по материалам раскопок Е. В. Майоровой 2010 г.); по Городцу-на-Волге – по неопубликованным результатам авторского изучения коллекции раскопа 1 1960 г. А. Ф. Медведева; по с. Доскино – по авторскому изучению материалов раскопок 2004 г.

	Ярополч	Муром (селище в окрестностях с. Карачарово)	Городец	Березополье (п. Доскино-10)
Доля фрагментов со «штампованным» орнаментом	единичные образцы	3–5%	15%	12%
Доля керамики из беложгущейся глины	< 1%	30%	< 1%	< 1%

Суздальскому бою и пленению Василия II, стали причиной упразднения нижегородской Мещерской волости, территория которой охватывала окское левобережье в районе клязьминского устья (Чеченков, 2004. С. 30–31).

Таким образом, в истории средневекового освоения района Приокско-Волжского Правобережья прослеживается два основных этапа, разделенных «временем запустения» второй половины VIII–XII вв. Первый («финский») этап начался еще в финале раннего железного века с появлением на этой территории первых грунтовых погребений (в середине III – начале IV вв.). В V – первой половине VIII вв. эта территория входила в ареал культурной общности, оставившей могильники безводнинско-ахмыловского типа, с которой, вероятно, связано сложение комплексов материальной культуры марийцев и муромы. Второй период средневекового освоения связан с расселением носителей русской культуры. Он начинается, скорее всего, не ранее основания Нижнего Новгорода в первой половине XIII вв. Наиболее вероятное направление проникновения первых русских колонистов, скорее всего, связано с Городцом-на-Волге. Наиболее активная фаза русского освоения приходится на XIV в., на время существования политически автономного великого Суздальско-Нижегородского княжества. К середине XV в. Березополье вновь превращается в слабо заселенную территорию.

Список литературы и источников

- Анучин С. Б., Черников В. Ф. Археологические памятники открытые Б. А. Сафоновым // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к «Своду памятников истории и культуры РСФСР». Вып. 1. Нижний Новгород, 1991. С. 153–159.
- Аникин И. С. Керамический комплекс из ближайшей округи древнерусского Муром (район села Карачарово) Археология Подмосковья. Вып. 9. М., 2013. С. 152–167.
- Грибов Н. Н. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008. С. 253–264.

- Гришаков В. В.* Конские погребения VIII – первой половины X вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Йошкар-Ола, 1990. С. 127–146.
- Гусач И. Р.* Спасательные археологические раскопки в г. Азове по ул. Суворова, 23 в 2002 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. Азов, 2004. С. 90–95.
- Коваль В. Ю.* Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды музея истории города Москвы. Вып. 9. М., 1996. С. 103–133.
- Никитина Т. Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922.
- Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978.
- Харитоньев А. Т.* Природа Нижегородского Поволжья. Горький, 1987. 175 с.
- Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI вв.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.

Белокаменные надгробия церкви Ильи Пророка в селе Кожино Гороховецкого района

Белокаменные надгробия – одна из самых информативных групп среди археологических материалов эпохи Московского царства. Для кладбищ при монастырях и храмах они представляют массовый материал, особенно если учитывать фрагменты. Плиты удобно использовать для датирования слоя, их типология хорошо разработана. Они часто несут надписи – самостоятельный источник, дающий много нового для генеалогии, просопографии, локальной, а подчас и общей, истории. Она, как мальчика-с-пальчик, разбросала по всей России белые камушки надгробий предков, обозначив ими дорогу в прошлое. Мы уже привыкли встречать их в неожиданных уголках страны.

Одним из таких уголков оказалось село Кожино в окрестностях Гороховца и его храм св. Ильи Пророка. Он принадлежит XVIII столетию, но здесь уже в 2006 г. был отмечен кусок камня с надписью XVII в.¹ В 2010-х гг. при реставрационных работах на участке храма обратили внимание на другой, практически целый, камень с весьма содержательной надписью. Эти находки привели в начале сентября 2015 г. к поездке в Гороховец. Появилась возможность сделать дополнительные фотографии надгробий, сохранившихся при церкви в с. Кожино. Результаты их анализа представляются в статье.

Всего зафиксировано 5 плит (фрагментов и целых камней), из которых 4 несли надписи, причем две из них мы относим к одному камню. Описание представлено в хронологическом порядке.

1. Фрагмент левой части изножия детского надгробия с орнаментом «волчий зуб». Вторая половина (?) XVI в. (рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент надгробной белокаменной плиты XVI в.

¹ Его опубликовал в 2006 г. Олег Олегович Щелоков, см.: <http://sobory.ru/article/?object=04198>.

Рис. 2. Фрагмент надгробной белокаменной плиты первой половины XVII в.

2. Фрагмент верхнего левого края плиты первой половины XVII в. с началом первых строк надписи хорошо нарезанной декоративной вязью вытянутых пропорций, и плетеным орнаментом «трехрядная косичка» (рис. 2).

Чтение:

ЛЕТА 3 (7000) ....
ДЕКАБРЯ... [ПРЕ]
ВИСЬ РАБ Б[ОЖИЙ]...

3. Фрагмент (верхняя половина) надгробия с плетеной рамкой (трехрядная косичка), к которой добавлено верхнее клеймо из одного ряда треугольников вершинами внутрь. На плите хорошо сохранились 7 строк надписи красивой, уверенно нарезанной и хорошо читающейся вязью с умеренно многочисленными выносами и редкими лигатурами. Расстановка букв свободная и разреженная, мачты средней высоты и умеренно широкие (рис. 3).

Чтение:

ЛЕТА 3 (клеймо) РМВ-ГО (7142 – 5508 = 1634)
МАРТА В КӨ (29) ДЕНЬ НА
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ОТЦА НАШЕГО МАРКА
ЕПИСКОПА И КИРИЛА
ДЬЯКОНА ПРЕСТА
ВИСЬ РАБ БОЖИЙ ИВАН [а во иноцех]...

Рис. 3. Фрагмент надгробной белокаменной плиты Ивана Леонтьевича Оболдуева (ум. 1634 г.).

Действительно, на 29 марта приходится день памяти Марка, еп. Арфусийского, с дьяконом Кириллом «и иными многими».

4. Фрагмент надгробия (средняя часть), в оформлении лицевой грани которого использованы одновременно все принятые для декорации поверхности раннемосковских плит орнаменты: рамку образует плетеная косичка, нижнее клеймо – из треугольников вершинами внутрь, с крестиком из них же в центре; нижняя разделительная линия – в виде традиционного «волчьего зуба», а боковые дуги набраны из «птичек».

Тип вязи тот же, что и у фрагмента № 1. На плите сохранилось три строки, читающиеся вполне уверенно (рис. 4).

Чтение:

...ЦѢ[х] СХИМНИК ІГѢНА
 ...[Л]ЕВОНТЬЕВ С[Ы]НѢ
 [О]БОЛДУЕВ

Рис. 4. Белокаменная надгробная плита Андрея Афанасьевича Оболдуева (ум. 1689 г.).

Составление фрагментов № 1 и № 2 показывает, что они, почти наверняка, принадлежали одному надгробию, и в целом надпись читается следующим образом:

ЛЕТА 3 (клеймо) 1634-го // МАРТА В 29 ДЕНЬ НА//ПАМЯТЬ
 ПРЕПОДОБНОГО// ОТЦА НАШЕГО МАРКА// ЕПИСКОПА И КИРИЛА//
 ДЬЯКОНА ПРЕСТА//ВИСЬ РАБ БОЖИЙ ИВАН // [а во ино]ЦѢ[x]
 СХИМНИК ІО҆НА // [Л]ЕВОНТЬЕВ С[Ы]НЬ //
 [О]БОЛДУЕВ

Итак, перед нами Иван Леонтьевич Оболдуев, схимник Иона – один из членов довольно многочисленной семьи Оболдуевых, известной историческим источникам (см. ниже).

5. Целая плита в форме белокаменного параллелепипеда (расширение к изголовью есть, но выражено очень слабо), без орнамента, с надписью на торце изголовья. Такая форма и размещение текста чрезвычайно типичны для последней четверти XVII в., когда высота камней возрастает и надпись переносят в торец² (рис. 4).

² Характерный пример – целая серия таких плит середины и второй половины XVII в., нарезанных в одной и той же мастерской в конце столетия, не ранее 1689 года, принадлежавших роду Воронцовых-Вельяминовых. См.: Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 308–310, фото 35–42.

Не менее типична хорошо сохранившаяся надпись характерной для конца XVII в. несколько вычурной, и при этом суховатой вязи, 4 строки которой выстроены с исключительно строгим соблюдением симметрии, интервалов между строками и всей разметки, не говоря уж о тщательной протеске букв.

Чтение:

ЛЕТА ЗРЧЗ (7197 – 5508=1689) ГОДУ МАЯ В КД (24) ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ
ОТЦА НАШЕГО // НИКИТЫ СТОЛПНИКА ПЕРЕЯСЛАВСКОГО
ЧУДОТВОРЦА В КРЫМСКОМ ПО // ХОДЕ ПРЕСТАВИЛСЯ РАБ БОЖИЙ
СТОЛЬНИК АНДРЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ // ОБОЛДУЕВ

Сразу обращает на себя внимание упоминание о месте и обстоятельствах смерти погребенного: «в крымском походе». Обычай отмечать смерть на государственной службе в эпитафике Москвы известен, но мало распространен³. Наиболее ранний и яркий пример такого текста – недавно найденное на месте кладбища Чудова монастыря в Московском Кремле надгробие Василия Глебовича Салтыкова, павшего (глагол обозначения смерти не сохранился) в 1572 г. во время Ливонской войны «в немецкой земле под Пайдою»⁴. Среди более поздних – плита князя Юрия Юрьевича Мещерского из Георгиевского монастыря (1607 г.; «убиен бысть на государеве службе под Калугою»⁵) и общая эпитафия Василия Ивановича и его отца Ивана Ильича Зубовых (первого «в Астрахани... не стало», второй умер «как шол из Астраханя» в Москву в 1638/39 г.⁶). Возможно, к этой же традиции относятся знаменитые памятные надписи сыновей Никиты Романова, отправленных в ссылку Борисом Годуновым и там погибших⁷.

³ О возможных причинах появления уточняющих сообщений именно на плитах погибших или умерших в необычных обстоятельствах см.: Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие..., 1996. С. 255–256.

⁴ Работы под рук. Н. А. Макарова и В. Ю. Ковалея, 2016 г.; чтение В. С. Курмановского. Через столетие мы встретим похожую формулы на плите еще одного павшего в Ливонии в 1657 году, при обороне Юрьева – хотя в подлиннике она не сохранилась. См.: Беляев Л. А. Спасский на Усть-Угры монастырь в XVI столетии: археология, история, архитектура // Реставрация и архитектурная археология. М., 1995. Вып. 2. С. 72.

⁵ Найдена в 1949 г. См.: Гиришберг В. Б. Надписи из Георгиевского монастыря по материалам наблюдений 1949 года // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 115; Он же, Эпиграфические заметки // КСИИМК. Вып. 52. М., 1953. С. 125–131 (наиболее подробный разбор); Рабинович М. Г. Основные итоги изучения Москвы // КСИИМК. Вып. 42. М., 1953. С. 62, рис. 14б; Он же (под псевдонимом Григорьев Б. М.), Древняя Москва // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 335 и вклейка между с 329 и 330.

⁶ Плита была найдена в 1980-х гг. при раскопках в Богоявленском монастыре, см. Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие..., 1996. С. 306–307.

⁷ См.: Ювеналий (Воейков), Краткое описание о происшествии знаменитого рода Юрьевых-Романовых и жизни патриарха московского Филарета Никитича. М., 1802 и дополнение к ней того же года.

Таким образом, эпитафия А. А. Оболдуева находит себе место среди самых известных надгробных надписей XVI–XVII вв., встреченных на монастырских некрополях Москвы, причем она самая поздняя из них.

Как же такое надгробие оказалось на отдаленном сельском кладбище? Попробуем вписать полученные сведения в контекст истории села Кожина, его церкви, а также рода Оболдуевых.

Село Кожино лежит в 23 км на юго-запад от Гороховца⁸. Его название, видимо, имеет владельческое происхождение, от прозвища некоего Кожина и его потомков Кожиных (обе формы хорошо известны в древнерусском ономастиконе по крайней мере с XV в.). Село явно существовало в середине XVI в., а его владельцы были связаны с очень богатым и широко известным Суздальским Спасо-Евфимиевым монастырем. Туда село передали по частям: в 1573 г. – жена Кожина, Мария Григорьевна Третьякова, и в 1588 г. – его дочь (от Марии Григорьевны?) Софья Никифоровна (таким образом, имя Кожина – Никифор). Монастырь, владевший до XVIII в. и другими селами в Гороховецком уезде, сохранял Кожино до секуляризации 1764 г.

Монастырская принадлежность села объясняет появление на кладбище плиты инока-схимника: в схиму светского человека могли постричь в конце жизни, но для пострижения был необходим монастырь или его подворье, роль которого до известной степени могла выполнить местная церковь.

О существовании храма уже в XVI в. говорит статус Кожина как села. От XVII в. доходит уже первое прямое сообщение о ней: «в селе Кожино церковь пророка Ильи древяна клецки вверх – строение Спасского монастыря и приходских людей»⁹, а книги 1678 года показывают в Кожино уже две церкви – к Ильинской прибавляется храм в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы¹⁰. Наконец, известно о постройке в 1760–1772 гг. вместо двух деревянных церквей одной каменной двухэтажной.

Для нашего сюжета безразлично, что «по преданию» его ктиторм стала «помещица А. А. Оболдуева» – эта фамилия приводит нас к истории рода «кожинских» Оболдуевых, которые, как мы видим, стали местными прихожанами уже в XVII в.

Об этом роде в его ранний период известно немного¹¹. С. Б. Веселовский называет в XVI в. царского конюха Давида Оболдуева (1573 г.)¹² – действительно,

⁸ См. сводку сведений о нем: <http://sobory.ru/article/?object=04198>, а также: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. Вып. 6: Владимирская губерния: ... по сведениям 1859 года/обработ. ст. ред. М. Раевским. 1863.

⁹ Писцовые книги Гороховецкого уезда 1628 года.

¹⁰ Писцовые книги Гороховецкого уезда 1678 года.

¹¹ Этот первичный обзор составлен на основании просмотра имеющихся в интернете сводок и документов, таких как сайт Центра генеалогических исследований (<http://rosgenea.ru>). Он, несомненно, нуждается в проверке.

¹² Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 252.

Давыд в 1571/72 году получал по духовной Гаврилы Иванова сына Гридинкова деревню Олсуфьево в Суражском стане Московского уезда.

В XVI веке известен, впрочем, еще один Оболдуев, по прозвищу Шестак, в 1573 г. – опричник Ивана Грозного. По другим источникам, Федор Леонтьевич, прозвище Шестак, дал вклад в 30 рублей в Московский Чудов монастырь и принял там постриг с именем старца Федосея (1585/1586 г.). Вполне вероятно, что это одно и то же лицо.

Трое или четверо известных нам Леонтьевичей первой половины XVII в возвращают нас в Суздальские земли: в 1619 г. стряпчий Данила Леонтьевич был пожалован царем Михаилом Федоровичем в Суздальском уезде вотчиной, и в том же году Семен Леонтьевич, стремленной конюх, также получил вотчину; известный около 1620 года помещик Даниил Леонтьевич Слепой – вероятно, то же лицо, что получивший пожалование стряпчий. По отношению к Федору Леонтьевичу Шестаку они окажутся младшими братьями, или, учитывая разрыв во времени, внуками, чей отец (Леонтий Федорович?) по документам неизвестен.

Зато известны несколько вероятных сыновей Даниила Леонтьевича: упоминаемые в 1650 году помещики Дмитрий, Иван и Семен Даниловичи, в 1660-м – помещик Лукьян Данилович, и, возможно, московский дворянин Артемий Данилович (1673 или 1677/78 гг.)¹³.

Большая (вероятно, другая) ветвь Оболдуевых гнездится в Шуйском уезде, в селе Большие Дорки. Там известен Федор Дмитриевич О., московский дворянин (1692) и помещик названного села (1710) – он же, возможно, упомянут в 1698 г. как поручик Федор О. Судя по общему отчеству, другой помещик села Большие Дорки, (а также владелец деревень Оронино и Менедиково), Лаврентий Дмитриевич – брат Федора (до этого он упомянут как стряпчий в 1692 г.). По владению тем же селом вероятно, что им приходился родичем Тимофей Иванович О., в том же 1710 г. помещик села Большие Дорки, сельца Жуковка и деревни Офонино.

По отчеству Иванович можно предположить, что Тимофей был братом копейщика, рейтара и гусара Петра Ивановича О., владевшего в 1722 г. одним крестьянским двором в Ярославском уезде, но служившим гораздо ранее, так как воин прожил долгую жизнь (1627–1722). Наконец, допустимо думать, что их отцом был помещик Иван Федорович О., упомянутый около 1620 года.

Все это, однако, мало приближает нас к упомянутым на плитах в Кожино Ивану Леонтьевичу и Андрею Афанасьевичу – ни Андреев, ни Афанасиев в документах XVII века пока не найдено, Иван – слишком распространенное имя, чтобы каким-то образом связывать с ним Ивановичей из Шуйского и Ярославского уездов. Более перспективно отчество Леонтьевич – как мы видели, в 1619 году известен Данила Леонтьевич (Слепой?), которому Иван вполне мог приходиться, скажем, младшим братом – тем паче, что среди Даниловичей есть и Иван. Если это верно, то «наших» Оболдуевых можно считать потомками Федора/Федосея Леонтьевича из грозненской эпохи.

¹³ Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 252.

В XVIII–XIX вв. род Оболдуевых остается разветвленным, многочисленным и довольно известным – не даром среди них оказывается и литературный персонаж (помещик в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»). В начале XVIII в. есть один из них, которого по отчеству можно было бы считать сыном участника Крымского похода Андрея Афанасьевича – это Никита Андреевич, родившийся между 1672 и 1677 годами¹⁴, с 1701 г. находящийся на службе и делающий хорошую карьеру вплоть до 1740-х гг. Но больше нет никаких нитей, которые связывали бы этих людей. Владения Никиты Андреевича лежат в Пензенской области, где он ок. 1700 г. получил землю и основал село Старая Каменка.

В результате, перед историками генеалогии и землевладения встает целый ряд задач. Необходимо проверить родовые связи упомянутых на плитах Оболдуевых, уточнить историю их связи с селом Кожино Гороховецкого уезда, добыть какие-то сведения о службе Андрея Афанасьевича и его участии в Крымском походе.

Археология и эпиграфика также выполнили свою работу только на данный момент. В результате исследования стало ясно, что земля кладбища и фундаменты храма в Кожине должны содержать значительную коллекцию плит с важными для русской истории текстами. Эти памятники необходимо сберечь. При любых работах на участке кладбища и храма необходим целенаправленный поиск плит; возможно и самостоятельное полевое исследование поверхности некрополя, скрытой сейчас поздними наслоениями.

---

¹⁴ Он дослужился до полковника и должности московского генерал-полицеймейстера. Родился в 1688 г., вступил в военную службу, вскоре был назначен в Саранск судьей. 22-го января 1722 г. произведен в майоры, в 1730 г. (список военной коллегии) числится полковником в отставке. В том же году его назначают воеводой Пензенской провинции, в 1732 г. увольняют, и в следующем назначают московским генерал-полицеймейстером. Прослужил в ней 6 лет, он был уволен от должности и вскоре умер. – П. Баранов, Описание Высочайшим указам и повелениям, хранящихся в Сенатском Архиве. т. II, СПб. 1875. С. 295, № 4488; Сенатский Архив. т. IV, СПб. 1891. С. 497, т. V, СПб. 1892. С. 270; т. VII, СПб. 1895. С. 739–740, 640 и 652. Русский биографический словарь А. А. Половцова. Т. 12: Обезьянинов – Очкин. С. 12.

ГОРОХОВЕЦ И ЗЕМЛИ ОКСКО-КЛЯЗЬМИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В XVII–XVIII ВВ.: ИСТОРИЯ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Д. В. Лисейцев

На пути из Смуты: гороховецкий посад во втором десятилетии XVII века

События 1612–1613 гг. в Московском государстве – освобождение Москвы от польско-литовского гарнизона и избрание на престол царя Михаила Федоровича Романова – ознаменовали собой перелом в ходе Смутного времени. Впрочем, до завершения Смуты оставалось еще несколько лет, наполненных происшествиями, по драматизму порой не уступающими процессам 1604–1612 гг. Эти события не обошли стороной и провинциальный Гороховец, который, почти затерявшись между более крупными и заметными в ту грозную эпоху Владимиром и Нижним Новгородом, прокладывал в бурных водах Смутного времени свой особенный курс.

В конце 1611 г. в Нижнем Новгороде началось формирование II Ополчения. Деньги на нужды войска собирали не только в Нижнем – Кузьма Минин обращался за деньгами в соседние Балахну и Гороховец. Известно, что балахнинцы внесли вклад в общее дело отнюдь не добровольно, Минину пришлось угрожать им отсечением рук. К насилию и угрозам ему пришлось прибегнуть и в богатейшем Ярославле (Кузнецов, Морохин, 2016. С. 29; Козляков, 2007. С. 379, 382, 383). С Гороховцом дела обстояли сложнее – этот город лежал далеко в стороне от маршрута продвижения войск II Ополчения, поэтому угрозами добиться положительного результата здесь было сложно. Нижегородской администрации пришлось действовать, используя экономические рычаги: в обмен на финансовую поддержку гороховлянам передали на откуп кабаки в Нижегородском уезде. В частности, Фрол Филатов оформил на 1612/13 г. откуп кабака в селе Павлово (РГАДА, 1619. Л. 124–125).

Гороховляне не присылали представителей на Земский собор 1613 г. и не участвовали в выборе нового царя. Это не помешало им продемонстрировать высокую деловую активность уже в первые месяцы царствования Михаила Федоровича. Одному из них, Кузьме Кошелинскому, уже 17 мая 1613 г., через две недели после прибытия нового государя в Москву, в Печатном приказе оформили грамоту о передаче ему на оброк перевоза (видимо, через Клязьму). 28 июля 1613 г. другой гороховлянин, Иван Яковлев, получил разрешение на строительство в Гороховецком уезде оброчной мельницы. Мельничное

дело интересовало и другого гороховецкого предпринимателя – Ивана Белина. 2 августа 1613 г. печатью удостоверили грамоту о выделении ему под Гороховцом мельничного места (ДПП, 1994. С. 115, 269, 280). Иван Федорович Белин являет любопытный образец предпринимательского долголетия: спустя 55 лет, в 1667/68 г., он был откупщиком Столбичского кабака в Нижегородском уезде (Барсукова, 2016. С. 47).

17 июля 1613 г. гороховецкий посад ссудил еще не утвердившемуся прочно у власти правительству царя Михаила Федоровича 100 рублей (РИБ, 1912. Стб. 261). Сумма, в масштабах опустевшей государственной казны, невеликая. Но и финансовое положение московского правительства было тяжелым до крайности. На организацию посольств за границу деньги приходилось брать непосредственно в городах по маршруту следования посольств (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1 (1613 г.). Л. 116; Ф. 35. Оп. 1. Д. 48. Л. 128). В условиях катастрофического безденежья 100 рублей, взятые с Гороховца, являлись суммой ощутимой. Речь идет о «запросных деньгах», которыми в первые месяцы царствования Михаила Федоровича восполняли пустоту государственного бюджета. Небольшая подборка сведений о сборах запросных денег приведена в исследовании С. Б. Веселовского (займ денег у гороховецкого посада был ученому неизвестен). Данные о сборе запросных денег позволяют оценить финансовое положение населения Гороховца как относительно устойчивое: с Владимира тогда же получили лишь 30 рублей, с Переславля Рязанского – 21 рубль 90 копеек, с Зарайска – 3 рубля (Веселовский, 1908. С. 12). Посад Гороховца оказался способен ссудить правительству царя Михаила сумму впятеро большую, чем Переславль Рязанский, при том, что с фискальной точки зрения последний был более платежеспособен. В 1612/13 г. там собрали чуть более 120-ти рублей ямских денег, татарского корма, наместничьих кормовых и поворотных денег. В то же время аналогичные сборы с Гороховца составляли лишь 9 рублей 20 копеек 1 деньгу (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 54, 234). То есть, Переславль Рязанский, плативший в казну в 13 раз больше налогов, чем Гороховец, смог дать правительству «в запрос» сумму, которая была в 4,5 раза ниже той, что собрали гороховляне.

Впрочем, нет оснований причислять Гороховец к числу самых богатых городов Московского государства начала XVII в., тем более включать его в первую дюжину крупнейших посадов того времени (Андреев, 1995. С. 52). В феврале–марте 1616 г. в Москве работал Земский собор, санкционировавший сбор экстраординарного налога («третьей пятины»). На соборе определили суммы, которые предполагалось собрать с населения русских городов. Размер этой подати для каждого города определяли индивидуально в соответствии с экономическими возможностями жителей. С Гороховца постановили собрать 500 рублей; такие же суммы запрашивались с жителей Романова, Углича, Зарайска и Уфы. Меньше денег рассчитывали получить с жителей Кинешмы (400 рублей), Касимова (300 рублей) и Каширы (200 рублей). Другие города средневожско-окского региона обязывались собрать значительно больше: 1 000 рублей – Переславль Рязанский, по 1 500 рублей – Владимир и Суздаль, по 3 000 рублей – Арзамас и Юрьевец Повольский, по 4 000 рублей – Муром

и Балахна, и, наконец, 12 000 рублей запрашивали с Нижнего Новгорода (Воскобойникова, 1986. С. 159–161).

Причислить гороховецкий посад к наиболее мощным в экономическом отношении городским сообществам начала XVII в. нельзя. Но в Гороховце имелся небольшой слой предприимчивых людей, для которых экономический потенциал родного города (всего 33 лавки и 13 лавочных мест, согласно дозору 1623 г.) был недостаточен. Эти люди, согласно тому же дозору, «торгуют в Гороховце в лавках и, отъезжая по городом и по мелким торжкам, откупают кабаки и тамги и торгуют отъезжими всякими мелкими товары и харчми» (Французова, 2016. С. 36). В первое десятилетие царствования Михаила Федоровича они вступили в борьбу за кабацкие откупа на территории Нижегородского уезда.

Как отмечено, гороховлянин Фрол Филатов взял на 1612/13 г. на откуп кабак в селе Павлове. Когда срок откупа подходил к концу, продлить его попытался другой гороховлянин, Иван Гордеев. 15 июня 1613 г. он получил в Новгородской четверти грамоту, исхитрившись занизить сумму откупа примерно на 15% (до 380 рублей). Его земляк Иван Яковлев в тот же день откупил за 151 рубль кабак в селе Ворсма. Есть основания полагать, что павловский и ворсминский кабаки не были единственными объектами эксплуатации гороховецких предпринимателей (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 162, 291). «Интервенция» гороховлян встретила серьезное сопротивление со стороны нижегородцев. Уже в июле 1613 г. крестьяне села Павлово подали жалобу на откупщика Ивана Гордеева, уличив его в занижении стоимости откупа, и добились передачи кабака в их собственные руки. Кабак в Ворсме гороховляне потеряли с пожалованием села Кузьме Минину (ДПП. С. 268).

Однако вскоре удача вновь оказалась на стороне гороховлян: 4 апреля 1614 г. Гороховец передали «в путь» двоюродному брату царя Михаила Федоровича – кравчему Михаилу Михайловичу Салтыкову (Назаров, 1969. С. 100). Покровительство влиятельного придворного предоставляло верхушке гороховецкого посада новые возможности. Они вновь откупают кабаки в Нижегородском уезде. Павловский кабак на 1614/15 г. передали Фролу Филатову. Благодаря покровительству Салтыкова, жители Гороховца пользовались в столице льготами. Так, 1 апреля 1615 г. гороховляне Иван Белин и Фрол Филатов внесли в казну Нижегородской четверти накопившиеся за предыдущие годы недоимки (11 рублей 41 копейку). Но в тот же день по протекции своего высокопоставленного патрона они получили в Нижегородской четверти 100 рублей «за запросные гороховские деньги», взятые в государеву казну в июле 1613 г. Фролу Филатову простили недоплаченные им 140 рублей откупных денег, похищенные разбойничавшим в Поволжье отрядом запорожских казаков (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 123, 234, 261). На протяжении нескольких лет гороховецкий посад не платил в казну полагающихся податей: за 1615/16–1620/21 гг. сумма недоимки превысила 11 рублей, причем в приходно-расходной книге Новгородской четверти сделали характерную запись: «А для чего те деньги в доимке, и того в приходных книгах не написано, и денег ни в котором году не имывано» (ПРК, 1983. С. 131–132, 316). Вряд ли стоит сомневаться, что «не имывано» было «для Салтыковых».

Итак, в последние годы Смуты верхушка гороховецкого посада не имела оснований жаловаться на судьбу: пользуясь покровительством Салтыкова и эксплуатируя кабаки Нижегородского уезда, она получала неплохие прибыли. Но, по злой иронии, именно прекращение Смуты нанесло Гороховцу серию тяжелейших ударов.

Первый из них последовал в конце сентября 1618 г., когда на город напали запорожские казаки, для которых разорение Гороховца стало последним крупным успехом в той военной кампании. Здесь мы должны сделать важное уточнение хронологического характера. Со времени выхода краеведческой работы Н. И. Андреева в литературе утвердилось мнение о том, что Гороховец подвергся разорению «поздней осенью 1619 года» (Андреев, 1995. С. 47). Однако трагические события у стен города развернулись годом ранее. В 1618 г. войска королевича Владислава и запорожцы гетмана Сагайдачного предприняли последнюю попытку овладеть Москвой. Некоторая часть запорожских отрядов покинула основное войско и отправилась в грабительский рейд по восточным уездам Московского царства, не успев дойти до столицы. Один из таких отрядов отделился от войска Сагайдачного вскоре после прорыва окского рубежа обороны под Коломной. Крупный отряд русских казаков-дезертиров общей численностью до 2 тыс. человек отступил от Коломны к селу Высокому (ныне город Егорьевск Московской области), а оттуда отошел в Туголесскую волость Владимирского уезда (сейчас это территория Шатурского района Московской области). Здесь 18 сентября 1618 г. им пришлось столкнуться с отрядом из 700 запорожских казаков под командованием пана Миневского. По словам русских казаков, «с ними бой был день весь от утра и до вечера, и... черкас побили, знамены и литавры поимол и языков многих побрали» (РГАДА. Ф. 210. Оп. Д. 3. Л. 168).

Видимо, отряд полковника Миневского оказался не единственным подразделением запорожцев, двигавшимся в направлении Владимира и Нижнего Новгорода. Характерно, что боярин кн. Борис Михайлович Лыков, отправленный в Нижний Новгород для сбора ратных людей в тех же числах сентября 1618 г., не решился следовать по Владимирской дороге. Вместо того он двигался, повторяя (в обратном направлении) маршрут II Ополчения – около 18 сентября 1618 г. он находился в Переславле Залесском (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 9. Л. 281–283). Русские беглые казаки после победы над Миневским тоже не остались в Туголесье, а двинулись далее вглубь Владимирского уезда. Тем же маршрутом, опережая мятежных русских казаков, двигались запорожцы. В Ярополческую волость (близ города Вязники) они пришли первыми и «крестьян многих посекли». Несколько позже, «на Сергиеву память» (день преставления святого Сергия Радонежского читается церковью 25 сентября) в Ярополческую волость пришли русские казаки (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 3. Л. 98)¹, проделавшие путь в 160 верст от Туголесья до Вязников за неделю. Запорожцы к тому моменту успели уже уйти из Ярополческой волости и, надо полагать, двинулись по Нижегородской дороге к Гороховцу, лежащему

¹ По другим сведениям, казаки пришли в Ярополческую волость 27 сентября 1618 г.

от Вязников на расстоянии одного дневного перехода. В Нижнем Новгороде к тому времени уже узнали о приближении запорожских отрядов. В частности, в отписке, посланной из Нижнего Новгорода в Москву около 24 сентября 1618 г., воевода сообщал, что «ныне... все уездные люди по литовским и по черкасским вестем в бегах» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2 (1619 г.). Л. 50). Судя по всему, тогда Гороховец и подвергся нападению черкас и был ими сожжен.

Таким образом, датировать разорение Гороховца следует концом сентября 1618 г., а никак не поздней осенью 1619 г. В исследовании Н. И. Андреева указана неверная дата, получившаяся вследствие неверной редукции даты: 7127 год от сотворения мира, соответствует периоду с 1 сентября 1618 г. по 31 августа 1619 г. Отсюда и пошла ошибка с определением года разорения Гороховца, перекочевавшая из книги Н. И. Андреева на официальный сайт администрации Гороховецкого района Владимирской области². Сложнее понять, какими соображениями руководствовался исследователь, утверждая, что Гороховец сожгли «в отрезок времени, начиная с первой половины октября (Покров – 14 октября по новому стилю) и до начала декабря (Память мученика Сергия – 20 октября по новому стилю)». Если праздник Покрова Богородицы, действительно, отмечается Русской православной церковью 1 октября по старому стилю, то празднование памяти преподобного Сергия Радонежского относится к 25 сентября. Цитируемый Н. И. Андреевым фрагмент текста о разорении черкасами и казаками Ярополческой волости четко указывает на то, что события разворачивались «перед Покровом», причем русские казаки пришли в волость «на Сергиеву память» (т. е. 25 сентября), а запорожцы побывали в тех местах до них. Хронологические рамки, в которые Н. И. Андреев предлагает поместить вероятную дату сожжения Гороховца запорожцами (с первой половины октября до начала декабря) совершенно не увязываются с временными указаниями, приведенными в цитируемой челобитной (Андреев, 1995. С. 47, 48).

Вызывает сомнения и предположение Н. И. Андреева о том, что запорожским казакам, которые смогли сжечь городскую цитадель, не удалось овладеть укрепленным посадом Гороховца: гороховляне «не выпустили из рук привычного для них... оружия и сумели в очередной раз дать отпор тем, кто посягнул на их имущество и жилище». Главным аргументом в пользу этого лестного для гороховлян предположения является цитата из писцовой книги 1628 г., составителей которой, к слову, исследователь упрекнул в том, что с их «легкой руки» у более поздних исследователей укоренилось мнение о сожжении Гороховца запорожскими казаками. Андреев указывает на то, что гороховляне «в прошлом в 127 году отдали в Нижнем Новгороде воеводе Борису Нащокину, да дьяку Дементью Образцову в государеву казну гороховского снаряду пушку медную полуторную, да четырнадцать пушек затинных». Ученый считает эти слова доказательством тому, что, «несмотря на то, что крепость, безусловно, была сожжена, вооружение не стало добычей грабителей, а в организованном порядке было сдано жителями города в казну» (Андреев, 1995. С. 48).

² Гороховецкий район. Официальный сайт администрации Гороховецкого района (<http://admgor.avо.ru/850/003.php>). Дата обращения – 10.06.2016 г.

Такая картина событий воссоздается исследователем, исходящим из предположения о том, что черкасам удалось захватить и сжечь городскую крепость, а укрепленному гороховецкому посаду они смогли причинить лишь «частичное повреждение». Соответственно, артиллерия осталась в руках гороховлян, и впоследствии ее передали в Нижний Новгород воеводе Борису Нащокину и дьяку Дементию Образцову. Но имя упомянутого в писцовой книге нижегородского дьяка Дементия Образцова дает основания для иной реконструкции событий. Как раз в сентябре–октябре 1618 г. в Нижнем Новгороде произошла замена одного дьяка другим. В отписке из Нижнего Новгорода от 14 сентября 1618 г. дьяком зовется еще Дементий Образцов, а ответная память из Москвы от 28 октября 1618 г. называет дьяком при воеводе Нащокине уже Василия Юдина (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2 (1619 г.). Л. 53, 63)³. Дементию Образцову, согласно его собственной челобитной, велели вместе с боярином кн. Б. М. Лыковым возвращаться в Москву (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 71. Л. 17). Князь Лыков в Нижнем Новгороде оказался в последних числах сентября 1618 г. (3 октября он уже отправил в Вязники в казачий лагерь парламентаря с призывом возвратиться на царскую службу) (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 3. Л. 98). Следовательно, смена дьяков в Нижнем Новгороде произошла в конце сентября 1618 г., с прибытием в город кн. Лыкова.

Поэтому запись в писцовой книге 1628 г. о передаче гороховецкого «наряда» в Нижний Новгород в 1618/19 г. воеводе Б. Нащокину и дьяку Д. Образцову может быть датирована лишь сентябрем 1618 г. Напомним, что запорожские казаки сожгли Гороховец в 20-х числах сентября 1618 г. Трудно предположить, что только что подвергшийся вражескому нападению город торопился бы с транспортировкой артиллерии в Нижний Новгород. Не стоит забывать, что безопасности населения угрожали и стоявшие в Вязниках русские казаки. Отмечу, что среди предводителей мятежных казачьих отрядов был и житель Гороховецкого уезда – «Ивашко портной мастер», который во главе отряда в 70 казаков 21 октября 1618 г. разбойничал под Стародубом: крестьян «жгли, и ломали, и грабили, и побивали» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 3. Л. 258–262). Разведка из Балахны, доезжавшая 2–3 октября до Гороховца, видела беженцев, перебиравшихся через Клязьму на «балахонскую сторону» (притом убежища в Гороховце эти люди не искали, что также указывает на вероятное разрушение укреплений городского посада неприятелем) (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 3. Л. 97).

Логичной представляется следующая реконструкция событий. Нижегородские власти, получив в начале сентября 1618 г. известия о приближении запорожцев, вывезли из соседнего Гороховца артиллерию, чтобы укрепить оборону ключевого в регионе военного и экономического центра. Поэтому гороховецкий наряд не достался неприятелю. Предположение Н. И. Андреева

³ В справочнике А. П. Барсукова наиболее раннее упоминание о службе Василия Юдина в Нижнем Новгороде датировано 16 ноября 1618 г. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 149).

о том, что гороховецкий посад сумел отбить нападение запорожцев, к сожалению, лишается единственного весомого аргумента в свою пользу.

Безусловно, разорение Гороховца и Гороховецкого уезда запорожцами и русскими казаками нанесло посаду тяжелый удар. Однако пока в силе оставался московский покровитель города, Михаил Салтыков, гороховецкая верхушка могла рассчитывать на быструю компенсацию убытков. В 1619 г. гороховляне Любим Григорьев «с товарищи», записанные в приходе-расходной книге Новгородской четверти как крестьяне Бориса и Михаила Салтыковых, успели оформить откуп на четыре нижегородских кабака – великовражский, юркинский, работкинский, и в селе Афанасьевском (общая стоимость откупа превысила 280 рублей). Другой гороховлянин, Василий Степанов, держал на откупе за 134 рубля кабак и тамгу в селе Сосновском Нижегородского уезда. Однако к тому моменту влияние гороховлян в Нижегородском уезде начинает падать по мере того, как в Москве правительственная группировка Салтыковых уступала позиции окружению возвратившегося из польского плена патриарха Филарета Никитича. В январе 1621 г. гороховлянам пришлось наконец заплатить недоимку за предыдущие годы (ПРК. С. 52, 53, 316), что, однако, оказалось далеко не самой крупной их неприятностью. Кабак в селе Павлово в 1619/20 г. дали на откуп крестьянину нижегородского села Ворсма, пожалованного боярину кн. И. Б. Черкасскому, входившему в число наиболее близких к патриарху Филарету лиц (Лисейцев, 2012. С. 142–151). Другой сподвижник патриарха, боярин М. Б. Шеин, получил в поместье нижегородское село Афанасьевское, вследствие чего местный кабак «свели» уже в январе 1620 г. В феврале 1620 г. ликвидировали и кабак в селе Сосновском. В следующем году гороховлян вытеснили с прибыльного рынка кабацких откупов Нижегородского уезда (ПРК. С. 52, 53, 244). Спустя год им удалось взять реванш в упорной борьбе за нижегородские кабаки: на 1621/22 г. Работкинский, Великовражский и Юркинский кабаки вновь были даны гороховецкому откупщику Любиму Григорьеву, заплатившему за них 365 рублей 19 копеек и 1 деньгу, а кабак в Павлове опять – за 873 рубля 15 копеек – откупил Фрол Филатов (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 418, 498). И лишь опала Салтыковых, последовавшая в 1623 г., надолго выбила почву из-под ног гороховецких предпринимателей.

Гороховецкий посад, воспользовавшись удачно для него сложившимися обстоятельствами последних лет Смутного времени, сумел укрепить свое материальное положение. В обмен на поддержку II Ополчения гороховляне временно получили контроль над заметным сегментом кабацкого дела в Нижегородском уезде. После воцарения Михаила Федоровича Романова они сумели в ходе упорной борьбы с нижегородцами упрочить свои позиции благодаря покровительству нового хозяина Гороховца – кравчего Михаила Салтыкова. Однако финал Смутного времени нанес благополучию города два тяжелых удара: в сентябре 1618 г. Гороховец разорили запорожские казаки, а с 1619 г. с возвращением в Москву из польского плена патриарха Филарета Никитича ослабло влияние клана Салтыковых, что негативно отразилось на прибылях гороховецких откупщиков, потерявших богатый нижегородский рынок.

Список литературы и источников

- Андреев Н. И.* Гороховецкий край: Очерки прошлого. Гороховец, 1995.
- Барсукова А. В.* Из торговой жизни Гороховца XVII века // Гороховец в истории России. М.: ИРИ РАН, 2016.
- Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. 626 с.
- Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. 234 с.
- Воскобойникова Н. П.* К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // История СССР. 1986. № 3. С. 159–161.
- Гороховецкий район. Официальный сайт администрации Гороховецкого района (<http://admgor.avo.ru/850/003.php>). Дата обращения – 10.06.2016 г.
- Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) (далее – ДПП). М., 1994. 479 с.
- Козляков В. Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007. 528 с.
- Кузнецов А. А., Морохин А. В.* Нижегородское купечество и Второе ополчение // Гороховец в истории России: сборник статей. М., 2016.
- Лисейцев Д. В.* Дело по челобитной боярина князя И. Б. Черкасского (к вопросу о темпах работы приказной и воеводской администраций в начале XVII в.) // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 142–151.
- Назаров В. Д.* Из истории государственного аппарата России в конце XVI – начале XVII в. // Советские архивы. 1969. № 2.
- Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. (ПРК). М., 1983.
- Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 53 («Сношения России с Данией»). Оп. 1. Д. 1 (1613 г.). Л. 116; Ф. 35 («Сношения России с Англией»). Оп. 1. Д. 48. Л. 128.
- РГАДА. Ф. 141 («Приказные дела старых лет»). Оп. 1. Д. 2 (1619 г.).
- РГАДА. Ф. 210 («Разрядный приказ»). Оп. 11 («Столбцы Новгородского стола»). Д. 3.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 9 («Столбцы Московского стола»). Д. 9.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 71.
- РГАДА. Ф. 233 («Печатный приказ»). Оп. 1. Кн. 4.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). Т. XXVIII. М., 1912.
- Французова Е. Б.* Гороховец по данным государственных поземельных описаний XVII века // Гороховец в истории России. М., 2016.

Градостроительная эволюция Гороховца в преддверии каменного строительства (1600–1686 гг.)¹

Гороховец уже более ста лет справедливо считается заповедником русского зодчества: законсервированный временем на этапе своего наивысшего архитектурно-планировочного развития – конца XVII – первой половины XVIII столетия – он по праву гордится прекрасными образцами каменных гражданских и церковных построек. Оказавшийся с середины XVIII века в стороне от важнейших транспортных сухопутных путей, Гороховец в меньшей степени претерпел на своем теле «работу скальпеля» комиссии по каменному строению Санкт-Петербурга и Москвы, которая с 1763-го года разрабатывала проекты по регулярной перепланировке всех городов Российской империи, перекраивая их в соответствии с представлениями эпохи классицизма.

Интерес к гороховецкой архитектуре возник более столетия назад: в это время стали появляться путеводители по сохранившимся историческим достопримечательностям Владимирского края, издание которых, после перерыва, продолжилось в середине – второй половине XX века (Ушаков, 1913. С. 423–492; Столетов, 1958; Ларин, Никитин, 1969, С. 149–157; Литвинов, 1974, С. 145–156; Соболев, 1912). Немало способствовал выведению сохранившихся гороховецких каменных купеческих палат из тени провинциальных памятников А. А. Тиц, в 1960-х годах детально изучавший их в контексте общих тенденций каменного жилого зодчества России XVII – первой половины XVIII веков, способствуя включению их в общий ряд первостатейных архитектурных шедевров страны (Тиц, 1969; Он же, 1963. С. 44–55; Он же, 1969. С. 81–140; Он же, 1966).

В 80-х – 90-х годах прошлого столетия Гороховец, наконец, удостоился специального монографического рассмотрения. В это время вышел целый ряд работ историков и краеведов А. И. Скворцова, а затем Н. И. Андреева, посвященных как отдельным его памятникам, так и всему городскому ансамблю в целом (Скворцов, 1975, С. 36–39, Он же, 1982, С. 94–99; Он же, 1985; Андреев, 1991; Он же, 1988).

В последние десятилетия XX века была издана многотомная работа коллектива авторов ВНИИ Теории архитектуры и градостроительства под общей редакцией Н. Ф. Гуляницкого, в которой наравне с остальными городами Российского государства была рассмотрена и история Гороховца – на основании межевых планов второй половины XVIII столетия и уцелевших исторических зданий (Русское градостроительное искусство..., 1993, С. 196–197).

---

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда РГНФ, проект № 16-01-00112 РГНФ. Название проекта: «Гороховец в середине – второй половине XVII столетия (по документам писцового дела)».

И уже на рубеже веков опубликованы два свода памятников архитектуры, подготовленные Государственным институтом искусствознания Министерства культуры РФ, а также Государственным центром по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области, в соответствующих разделах которых суммированы краткие исторические сведения по сохранившимся произведениям Гороховецкого каменного зодчества (Свод памятников архитектуры..., 2009, С. 376–514; Памятники истории и культуры..., 1996, С. 144–146, 156–166).

К сожалению, во всех вышеперечисленных работах, в той или иной степени касавшихся архитектурного пошлого Гороховца, его каменные постройки конца XVII – первой половины XVIII столетий рассматривались вне связи с окружавшей их в то время деревянной застройкой. Между тем, градостроительный ансамбль Гороховца до последнего десятилетия XVII в. оставался сплошь деревянным. Да и после начала каменного строительства и вплоть до конца XVIII в. деревянные сооружения по своей многочисленности и совокупной массе превалировали над единичными каменными зданиями, составляя, собственно, его основную рядовую градостроительную среду.

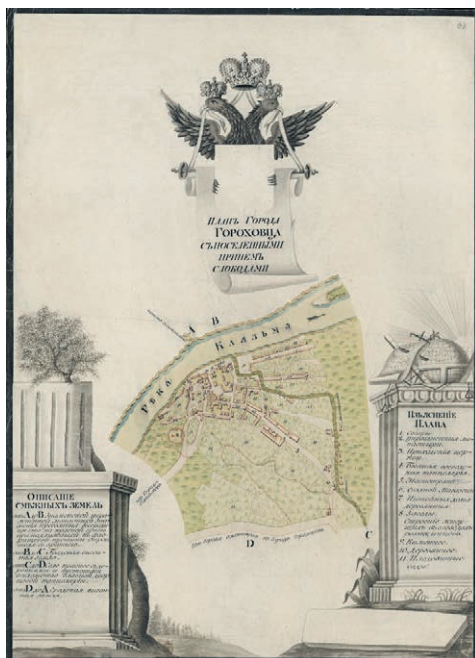
Данная статья посвящена теме, не привлекавшей ранее исследователей: воссозданию общей картины развития «деревянного» ансамбля Гороховца XVII в., а также изучению его эволюции до момента появления первых каменных сооружений.

Деревянная застройка города в целом – наименее долговечная и потому чрезвычайно изменчивая, является вообще слабо изученной составляющей любого городского ансамбля, насчитывающего более трех столетий. Она исчезает бесследно под напором более долговременных каменных сооружений, зачастую даже не успев отразиться в старых панорамных гравюрах, рисунках и фотографиях. И Гороховец не является исключением – из всего его градостроительного комплекса от XVII в. до наших дней не дошло ни одного деревянного сооружения.

Скупые сведения о них (более конкретные – об общественных постройках: фортификационных, церковно-монастырских, государевых, административных; о частных – скорее косвенные, статистические), содержатся в скорописных памятниках – материалах Дозоров и Писцового дела, которые составлялись повсеместно в интересах кадастра правительственными чиновниками несколько раз за XVII столетие и, соответственно, зафиксировали на разных хронологических срезах, с той или иной подробностью, состояние описываемой территории.

По Гороховцу от всего данного корпуса источников сохранились лишь два подлинника – переписные книги города 1646 и 1678 годов, находящиеся в фонде Поместного приказа РГАДА (РГАДА, Ф. 1209. Кн. 953. Л. 1184–1219; Там же, Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 1–19); дозорная книга 1623-го года и писцовые книги 1628-го и 1676-го годов до наших дней не дошли.

По счастью, выписки из этих утраченных писцовых описаний Гороховца 1628 и 1676-го годов, а также другую уточняющую информацию по системе землевладений и рядовой ткани города, сохранили акты фонда Коллегии Экономии РГАДА (РГАДА, Ф. 281. Дело № 3/3608; Там же, Дело № 6/3611; Там же, Дело № 25/3630; Там же, Дело № 9/3614; Там же, Дело № 9/3614); и еще три крупных фрагментарных списка (отсутствующие в наши дни) были опубликованы

Рис. 1. План города Гороховца с поселенными при нем слободами. [РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания городов. Оп. 1/1. Ед. хр. 257]

в Неофициальной части Еженедельного приложения Владимирских Губернских Ведомостей за 1865-й год (ВГВ, 1865).

В «Актах писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве», вышедших под редакцией С. Б. Веселовского в 1913 г., был издан «Наказ из Новгородской чети Захарью Васильевичу Быкову и подьячому Пятому Колобову для описания посада Гороховца. 1627 г.», содержащий именную роспись жителей из несохранившейся дозорной книги Гороховца 1623-го года.

Также восполнению сведений несохранившихся дозорной и писцовых книг (в отношении персонального состава и владения служилых феодалов по списку города Гороховца) сегодня служат два скорописных памятника из фонда Разрядного приказа РГАДА – Десятня Гороховская 1607-го года и Крестоприводная книга Гороховца 1676-го года.

Наиболее наглядно информация об архитектурно-планировочном состоянии города до периода его регулярных преобразований эпохи классицизма представлена **картографическими материалами**, чье создание относится ко второй половине XVIII столетия (Мазур, 2011). Два документа этой эпохи, относящиеся к Гороховцу, сохранились в РГАДА, в фонде «Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания городов» (рис. 1, 2): один из них выполнен в обычном для данных документов масштабе

Рис. 2. Увеличенный план города Гороховца. 1771 г. [РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания городов. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265. Увеличенный план города Гороховца. Части 1–6]

(в английском дюйме – 100 сажений), второй – в более крупном (20 сажений) (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257; Там же, хр. 260–265).

Благодаря этому, сведения, зафиксированные последним, более подробны. На нем показаны контуры каменных (не только церковных – но и гражданских) строений, а изредка – и деревянных (хотя они, в основном, изображены условно – единой линией вдоль уличного фронта); дана экспликация каменных церковных, казенных и частных жилых построек, а также частных заводов. Расположенные по полю изображения подписи, проливают свет на историческую топонимику города, во многом утраченную в связи с последовавшими градостроительными преобразованиями. Что особенно ценно – зафиксированы границы дворовых владений крупнейших торговцев и «разночинцев»: причта и служащих местных административных учреждений, с детальнейшей

экспликацией владельцев, – информация, весьма помогающая в процессе восстановления социальной топографии города предшествующего семнадцатого столетия.

Оба этих плана достаточно хорошо известны – копия последнего, например, до недавнего времени экспонировалась в Гороховецком историко-архитектурном музее, и ее фрагмент, со ссылкой на ГАВО, воспроизведен в своде памятников (Свод памятников архитектуры..., 2009, С. 383).

Кроме них, в том же фонде хранятся планы по регулярной перепланировке города, среди которых – не окончательный, а рабочий проект регулярной перепланировки Гороховца (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 266), отличается от «высочайше одобренного» в 1788-м году (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед.хр. 259). Главная его ценность (в свете стоящей перед нами задачи воссоздания плана на XVII в.) заключается в изображении не только реки Клязьмы и впадающей в нее речки Могиленки, но и системы ручьев, некогда протекавших в Гороховце и отсутствующая на всех прочих графических документах, свидетельствуя об особенностях исторического рельефа центральной части города (рис. 3).

Однако наибольший интерес представляет другой изобразительный источник, раньше не публиковавшийся, который был обнаружен благодаря обзорной статье М. В. Козлова (Козлов, 1998. С. 127–129) в ходе проведения настоящего исследования в фонде Главного военно-технического управления РГВИА, где он зарегистрирован как «Чертеж монастыря. Гороховец»². Время его создания относится к 1722-му году, и он зафиксировал облик Гороховца периода активного каменного строительства (рис. 4).

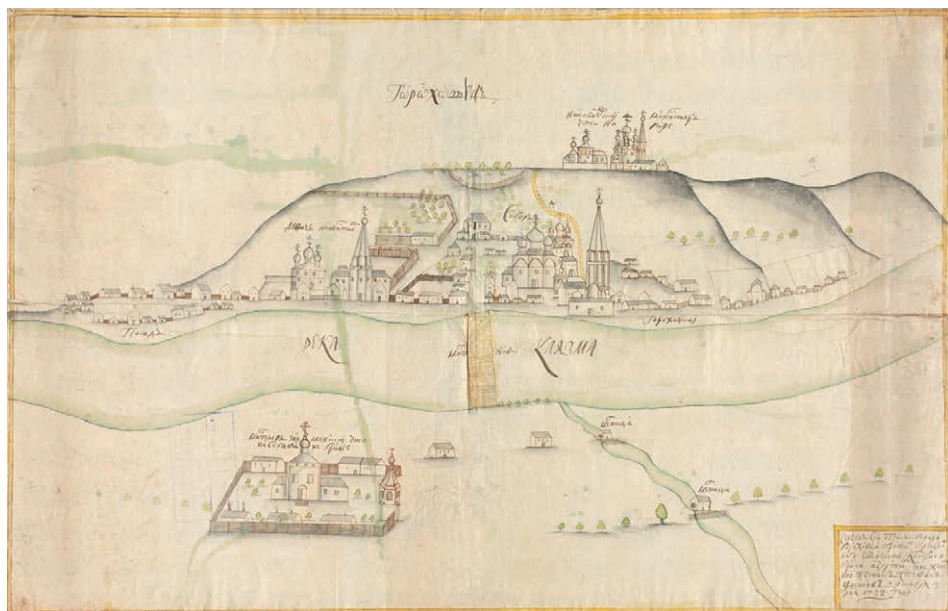
По своему типу этот документ относится к так называемым **«русским рисованным географическим чертежам XVI – начала XVIII в.»**, которые несмотря на свойственную им своеобразную манеру исполнения (отсутствие правильной ориентации, единого масштаба по полю изображения и координатной сетки, румба, четких пространственных привязок, строгих геометрических соотношений, нарушение пропорций показанных объектов), фиксируют качественные характеристики территории³, отражая принципиальную схему объемно-пространственной композиции города и структуры его магистралей.

На данном картографическом памятнике представлены: территория Гороховца (его изображение помещено в верхней части листа), река Клязьма и, расположенные на противоположном берегу, земли (в центральной и нижней частях, соответственно). Основными организующими параметрами данного изображения служат элементы топографии, которые даны в горизонтальной

² Это отличается от названия, приведенного по центру верхнего поля листа самого документа, где он поименован как «Гороховець». В правом нижнем углу документа дана информация, поясняющая обстоятельства его создания: «Черчен сей абрис города Гороховца против присланного из военной коллегий абриса а чертил инженерной ученик Стефан Ушаков декабря 3 дня 1722 году» (причины, а также время создания и авторство оригинала, остаются пока неизвестными) (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. № 1269).

³ Данный вопрос детально освещен В. В. Кусовым, также рассматривался М. Г. Рабиновичем в свете проблемы реконструкции застройки города XVI–XVII вв. (Кусов, 1993. С. 3–6; Он же, 1989. С. 57–72; Рабинович, 1975. С. 176).

Рис. 4. Рисованный «чертеж» Гороховца. 1722 г. [РГВИА. Ф. 349. Главное военно-техническое управление. Оп. 12. № 1269. Чертеж монастыря. Гороховец, 1722 г.]

проекции: река Клязьма и исток Великовский, единственная улица-дорога – Большая Проезжая, а также еще и «живой» мост через Клязьму.

Территории монастырей и центральной площади города показаны полуперспективным способом, а постройки – плоскостно-фасадным (церковные – с одним фасадом, гражданские – с двумя: продольным и торцевым). При этом облик гражданских сооружений обозначен до предела условно, не отражая ни этажности, ни размеров зданий. Напротив, изображения церковных построек в значительной мере индивидуализированы и детальны: в них переданы принципиальные схемы фасадных решений (число закомар, размещение окон), этажность и тип здания, наличие трапезного помещения, число глав, форма кровли, а также соотношение частей – подклета, апсиды, трапезной и основного объема храма.

К сожалению, строительный материал данным изобразительным источником не дифференцируется – каменные и деревянные сооружения показаны одинаково: тушевым контуром, с серыми кровлями (исключение сделано лишь для ограждений – как индивидуальных владений, так и монастырских).

Тем не менее, этот чертеж с одной стороны уточняет имеющиеся в нашем распоряжении данные о каменных постройках Гороховца первой четверти XVIII столетия, с другой – сам может послужить прекрасной основой для схематической реконструкции облика города столетия предшествующего, проведенной на основе сведений всего комплекса изобразительных и письменных источников.

В ходе исследовательской работы по воссозданию общей картины объемно-пространственного развития Гороховца на период семнадцатого столетия, первоочередной является задача восстановления его исторической топографии. Идентификация фигурирующих в документах топонимов, включает сегодня не только соотнесение их с существующими элементами ландшафта, но и прослеживание трассировки всей системы ручьев и мелких водоемов, всех особенностей рельефа измененных или давно исчезнувших в ходе постоянных строительных работ, проведившихся в исторической части Гороховца в последующие столетия⁴.

В свою очередь, ясное представление об историческом рельефе и топонимике города, помогает в дальнейшем реконструировать структуру его внешних дорог, внутреннюю уличную систему, а затем – и городскую планировку.

Топография и топонимика Гороховца XVII столетия

Все письменные документы рассматриваемой эпохи говорят о расположении основного поселения внизу под городовым холмом, на береговом склоне к реке Клязьме, рядом с речкой *Могилenkой* (рис. 5), упоминаемой обеими гороховецкими переписными книгами (РГАДА. Ф. 1209, Л. 1206, 1207 об.; 11, Л. 8)⁵.

Кроме нее, при описании его территории в источниках фигурируют два ручья: Большой и Малый. Рядом с *Большим* стояли: двор городничих, винокурня и поварня (или пивоварня) (РГАДА. Ф. 1209, Л. 1187 об.; 11, Л. 2 об.; Столетов, 1958). От его устья писцы Афанасий Семенович Отяев и подьячий Казарин Немиров в 1646-м году отсчитывали посадские дворы «вниз по реке Клязьме по берегу» (РГАДА. Ф. 1209, Л. 1194). Большой ручей показан на проектировочном плане: он стекал по северному склону городского холма и впадал в Клязьму (РГВИА, Ф.349. Оп. 12. № 1269). На межевом плане его сегодня едва можно различить, но в месте его истока изображены четыре крошечных водоема (иллюминированы голубой акварелью) (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257).

⁴ Подобное выполнение схематической реконструкции плана на XVII столетие предполагает корректировку более позднего документа – Увеличенного плана города Гороховца (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед.хр. 260–265) в соответствии с информацией всего комплекса имеющихся в нашем распоряжении источников не только XVII века, но и более позднего времени, а также с натурным обследованием местности. В этих целях были сопоставлены данные всех письменных источников между собой, а затем – с источниками изобразительными; в ходе данной работы были выявлены те объекты, которые уже существовали на момент создания письменных документов и не изменили своего положения к моменту фиксации их межевым планом 1771-го года. К подобным элементам, являющимся связующими между разного рода источниками, а также опорными при сегодняшнем воссоздании городской планировки XVII века, отнесены: территории монастырей, положение церковных построек, крупные элементы ландшафта – валы, рвы, берега рек. Все они помогли восстановить уже изменившийся к моменту создания «Увеличенного плана» микрорельеф данной территории, а также локализовать упоминаемые в актах рассматриваемого столетия топонимы.

⁵ На двух из трех рассматриваемых планов второй половины XVIII века ее название передано как «Могилевка» (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 266; Там же, Ед. хр. 260–265), а на третьем – Магилинка (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед.хр. 257).

Рис. 5. Система водоемов на территории Гороховца XVII в. Реконструкция схемы Л. Д. Мазур
 а-а – речка Могиленка; б-б – ручей безымянный; с-с – ручей Большой; д-д – Гребни дописать; е-е – Большие Гребни; ф-ф – Большой ключ

Место это, по всей вероятности, соответствует другому топониму – **Большой ключ**, который упоминается при подворье Троице-Сергиева монастыря и осадном дворе служилого по отечеству, имевшего земельные владения на территории Гороховецкого уезда, Федора Дмитриевича Челюсткина, заложенного тому же монастырю (РГАДА, Ф. 281. Дело № 3/3608; Акты писцового дела, 1913; РГАДА, Ф. 281. Дело № 6/3611).

Судя по скорописным документам, рядом с Троицким подворьем (РГАДА, Ф. 281. Дело № 9/3614. Л. 8 об.; Там же, Ф.1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн.953. Л. 1215) и землями приходской церкви Воскресения Господня (ВГВ, 1865) протекал еще и **ручей Малый**, также, вероятно, начинавшийся у Большого ключа (его русло, видимо, совсем небольшое, на планы не нанесено).

Кроме того, был еще и третий ручей, гораздо крупнее предыдущих, показанный на единственном изобразительном источнике (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 266) и чье название в письменных источниках сегодня не встречается. Начинаясь на склонах горы, он протекал почти строго в северном направлении, впадая в речку Могиленку у самого ее устья. От плато с двумя комплексами соборной и приходской церковью он отрезал территорию, на которой впоследствии расположился Сретенский монастырь.

Параллельно руслу этого безымянного ручья, с городского холма стекало еще два потока, существовавших только весной, в период активного таяния снегов: **Гребни** и **Большие Гребни**, вдоль которых осуществлялся спуск к поселению от Московской дороги (см. ниже) (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265).

Рис. 6. Система магистралей на территории Гороховца XVII в. Реконструкция схемы Л.Д. Мазур
 I-I – Большая Московская дорога; II-II – дорога к селу Красному и к Нижегородской дороге; III-III – Перевоз через Клязьму; IV-IV – начало дорог на Лух и Балахну; 1-1 – улица Большая Проезжая; 2-2 – улица «что к реке Клязьме» (Набережная); 3-3 – улица Приемная (точное расположение не известно); 4-4 – улица Оголенки; 5-5 – улица Королевка; 6-6 – улица Верхняя слободка; 7-7 – улица Никольская; 8-8 – улица Пушкарская; 9-9 – улица Жукова; 10-10 – проулок Ратманов

Таким образом, низинная часть Гороховца рассматриваемого столетия располагалась на склоне холма на территории, имевшей в плане *подтреугольные очертания*: с севера ее ограничивала река Клязьма, с юго-востока и востока – русла речки Могиленки и ручья (название которого мы сейчас не знаем), с запада – ручьи Большой и Малый. В рассматриваемое столетие застройка распространилась за эти естественные преграды в южном и восточном направлениях (см. ниже).

Сердце этой части города – торговую площадь, легко локализовать и сейчас, благодаря расположению на небольшом расстоянии друг от друга двух церковных ансамблей – городского собора и приходской церкви, уже стоявших на этом месте в начале XVII века, и визуально фиксировавших северную и южную границы протянувшегося между ними открытого пространства, впоследствии частично застроенного.

Система магистралей расходясь от этого планировочного центра Гороховца, связывала его с остальными районами поселения и расположенными рядом крупными населенными пунктами (рис. 6).

Тут следует отметить, что в письменных источниках XVII века фигурирует только *одна дорога*, подводившая к Гороховцу – Большая или *Большая*

Московская (ВГВ, 1865). Она указана при описании земель и кладбища приходской церкви Воскресения Господа Иисуса Христа: в этом месте она делала сильный излом, огибая здание храма (указана в сотной с двух его сторон, с остальных – Малый ручей и гора) (ВГВ, 1865). Известно, что «по Московской к Большой дороге» осталась стоять единственная уцелевшая в трагедии 1619-го года башня острожных укреплений (ВГВ, 1865. № 29. С. 187).

На рисованном чертеже 1722-го года тоже присутствует только одна дорога: ее трасса, иллюминированная желтой акварелью и ограниченная двумя пунктирными тушевыми линиями, обозначена отходящей от соборной колокольни западнее крупного объема Благовещенского храма и небольшого Предтеченского (РГВИА, Ф. 349. Оп. 12. № 1269). Обойдя стоящую за ними на возвышении приходскую Воскресенскую церковь с запада, дорога немного берет восточнее, а затем устремляется на юг, мимо городища (занятого уже в этот период Троицким Никольским монастырем) – к дороге, обозначенной на одном межевом плане как дорога на Владимир, а в другом – из города Вязников (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265; Там же, Ед. хр. 257). Это явное свидетельство того, что в первой четверти XVIII столетия именно эта трасса продолжала расцениваться главной магистралью Гороховца, прямо выводившей к дороге на Москву; тогда как уже во второй половине этого столетия главной стала дорога через село Красное, обозначенная на плане 1771-го года как Большая улица (РГАДА, Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265 Ф. 1356)⁶, а на рисованном чертеже 1722-го года вообще отсутствующая⁷.

Более разнообразно в письменных источниках XVII столетия упоминание уличной топонимики Гороховца.

Большая Проезжая улица названа сотной грамотой 1687-го года при описании кладбища соборной церкви: она проходила относительно храма с противоположной стороны от улицы «*что к реке Клязьме*». Последняя сегодня идентифицируется

⁶ Старая трасса, выводившая мимо городища к Московской дороге, или как она подписана на межевых планах – «дороге в город Владимир» или «дороге из города Вязников» (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265; Там же, Ед. хр. 257) изображена на этом позднем источнике менее уверенно: ее границы в районе прежней цитадели исчезают; и на склонах городского холма она делится на несколько рукавов – спусков к посаду, показанных лишь складками рельефа. На межевых планах изображено два и три рукава, соответственно (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257; Там же, Ед. хр. 260–265): центральный носил название Гребни, восточный – Большие гребни, западный был безымянным (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265). Ни один из трех этих спусков на увеличенном плане не был выполнен с помощью теодолитного хода, использованного при промерах улиц Большой, Жукова, Королевки, Огаленок, Набережной и Верхней слободы, и даже проулка Ратманова (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265).

⁷ Тут уместно сказать, что село Красное до 1665-го года находилось в частном владении – будучи подаренным в 1622-м году из дворцовых земель в вотчину князю Ивану Петровичу Буйносову-Ростовскому, а затем унаследованное его сыном, Алексеем Ивановичем. Возможно, именно этим фактом объясняется то обстоятельство, что дорогой через село (хотя и кружной, но значительно более удобной и плавной с точки зрения рельефа, где не было такого крутого подъема на городской холм) в XVII столетии пользовались не так активно. Тем не менее, она явно была, хоть и не считалась главной: именно рядом с ней располагались дворы пушкарей «привязанные» к воротам посадской фортификационной линии (см. ниже).

легко, соответствуя улице Набережной, подписанной на плане 1771-го года, а на рисованном чертеже 1722-го года от нее изображен живой мост на другой берег (РГВИА, Ф.349. Оп. 12. № 1269; РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265). Соответственно, Большая Проезжая улица совпадает с описанным выше отрезком Большой дороги, идущим мимо приходской Воскресенской к ручью Малому.

Она же фигурирует в Променной грамоте 1721-го года – спереди посадского двора Василия Матвеева сына Канунникова, который с противоположной стороны граничил с огородом при дворе Ширяевых (РГАДА, Ф. 281. Дело № 25/3630). Местоположение последнего нам прекрасно известно и сегодня, а на плане 1771-го года оно соответствует владению купцов и сибирских железных заводов содержателей Ефима и Сергея Алексеевых детей Ширяевых (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265).

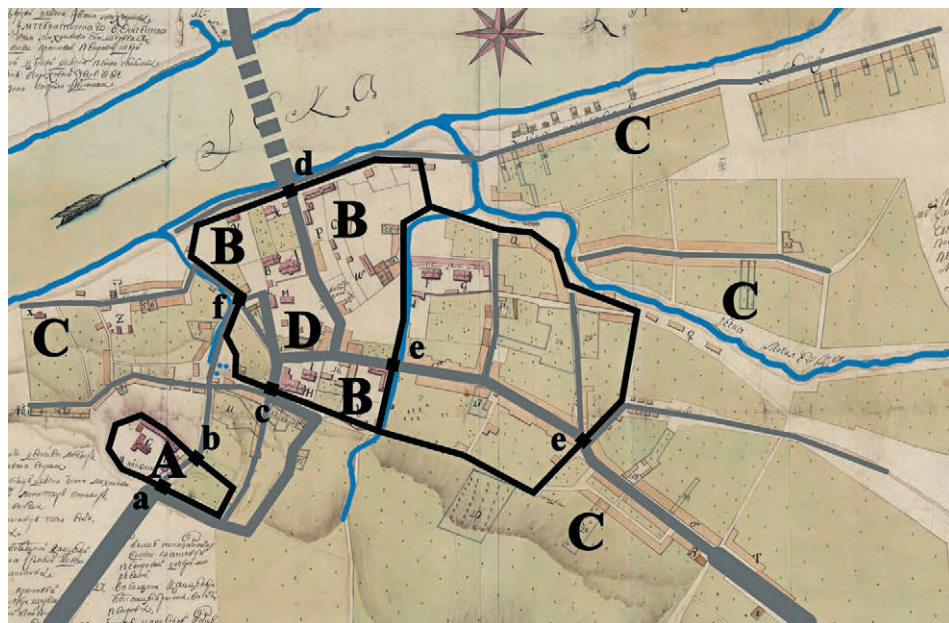
Улица **Приемная** указана в сотной 1687-го года в разделе, касающемся торговых сооружений и лавочных мест; из чего можно заключить, что проходила она в непосредственной близости от Торговой площади (возможно, на ней осуществлялась продажа товаров с возов и саней). Являлась ли она улицей-связкой, проходящей между Большой и Набережной улицами краем площади, или имелась в виду треугольная площадь рядом с торгом, изображенная на плане 1771-го года, – за неимением дополнительных сведений, сегодня сказать сложно (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265).

Кроме них, на межевом плане указаны четыре улицы, расходящиеся от основного ядра вдоль берега Клязьмы: на запад – **Верхняя слобода** и чуть выше и ближе к городищу – **Никольская** (неупомянутые в письменных документах, хотя вполне возможно, что они существовали и в рассматриваемую эпоху (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265))⁸, и на восток, начинаясь от речки Могиленки, – **Оголенки** и **Королева** (в переписных документах названные «Большие Иголенки» или «Уголенки», а также Королева слободка (РГАДА, Ф. 1209. Кн.953. Л. 1206, 1207 об.; Там же, Кн. 15410. Л. 8)).

Традиционный город

Переходя к рассмотрению самого градостроительного ансамбля Гороховца XVII столетия, следует отметить, что в начале этого периода он являлся прямым наследником города столетия предшествующего – и в объемно-пространственном, социально-экономическом, землевладельческом и административном аспектах, по-видимому, от него мало отличался (рис. 7, 8, 9). В это время в градостроительном плане он был вполне традиционен для ареала Замосковных городов: в нем также была укрепленная часть – цитадель, или собственно «город», как она называлась в документах той эпохи, и посад, часть которого также имела собственные укрепления (как и в расположенных поблизости, Владимире, Суз-

⁸ В переписной книге 1646-го года фигурирует малочисленная слободка нищих, расположенная «подле городовой осыпи» (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 953. Л. 1213 об.), какому из этих двух топонимов она соответствует, или имеется в виду какое-то другое место – сейчас не ясно.

Рис. 7. План укреплений города и посада до 1619 г. Реконструкция схемы Л. Д. Мазур

А – город; **В** – острог; **С** – посадские слободы; **Д** – Торговая площадь;
а – ворота к Московской дороге; **б** – ворота к посаду и Клязьме; **с** – ворота к городу и Московской дороге; **д** – ворота к переправе через Клязьму; **е** – ворота к селу Красному и Нижегородской дороге (предположительно); **ф** – ворота к Большому ключу (предположительно)

дале и прочих более крупных городах) (Мазур, 2011. С. 80–87; Она же, 2012. С. 44–49; Она же, 2011. С. 94–101; Она же, 2006. С. 11–12). Необычным была лишь полная планировочная разобщенность этих двух частей, находящихся на значительном расстоянии и сформировавшихся совершенно независимо друг от друга в композиционном и планировочном отношениях.

Цитадель занимала вершину высокой горы правого берега Клязьмы, находясь на 150 м выше уровня реки (Тиц, 1969. С. 88): необычайно крутые обрывы служили крепости прекрасной естественной защитой, дополнительно усиленной с юга искусственным рвом (рис. 7). Ее окружал высокий (до 5 м) земляной вал (ВГВ, 1865) с идущими по нему деревянными стенами⁹, устроенными, скорее всего, городнями¹⁰.

⁹ Непосредственно о существовании «древянного города», шедшего по валу, говорит сотная 1687-го года; писцовая книга 1628-го года и переписная 1646-го косвенно свидетельствуют о том же, утверждая, что город был сожжен, иными словами укрепления несомненно должны были включать наземную деревянную часть (ВГВ, 1865; РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1186 об.).

¹⁰ Поскольку после сожжения деревянных конструкций крепости, содержащаяся в них земля высыпалась наружу, образовав вал – «осыпь», упомянутую переписной книгой 1678 года (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2).

Согласно промерам, сделанным в ходе составления писцовой книги 1628-го, и приведенным в дошедшим до нас документах – сотных грамотах 1628 и 1631-го годов (выписки из последней приведены в переписных книгах 1646 и 1678-го годов (ВГВ, 1865. № 29. С. 187; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1186 об.; Там же, Кн. 15410. Л. 2)) внешний периметр крепостных стен составлял двести сорок две сажени – то есть чуть более полукилометра (523 м).

Какие-либо письменные данные о воротах на территорию цитадели отсутствуют. Натурное обследование сохранившихся крепостных валов показывает, что проездные ворота располагались в их западном разрыве-проеме (Седова, 1972. С. 23–25): они смотрели на дорогу к Владимиру и Москве. Исходя из комплексного анализа сведений более поздних изобразительных источников – «чертежа» 1722-го года и межевых планов второй половины XVIII века (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257; Там же, Ед. хр. 260–265; РГВИА, Ф. 349. Оп. 12. № 1269), можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в XVI – начале XVII столетия определенно существовали и вторые ворота: располагаясь с восточной стороны и выводя крутому спуску к посаду и Клязьме, они могли быть и проходными.

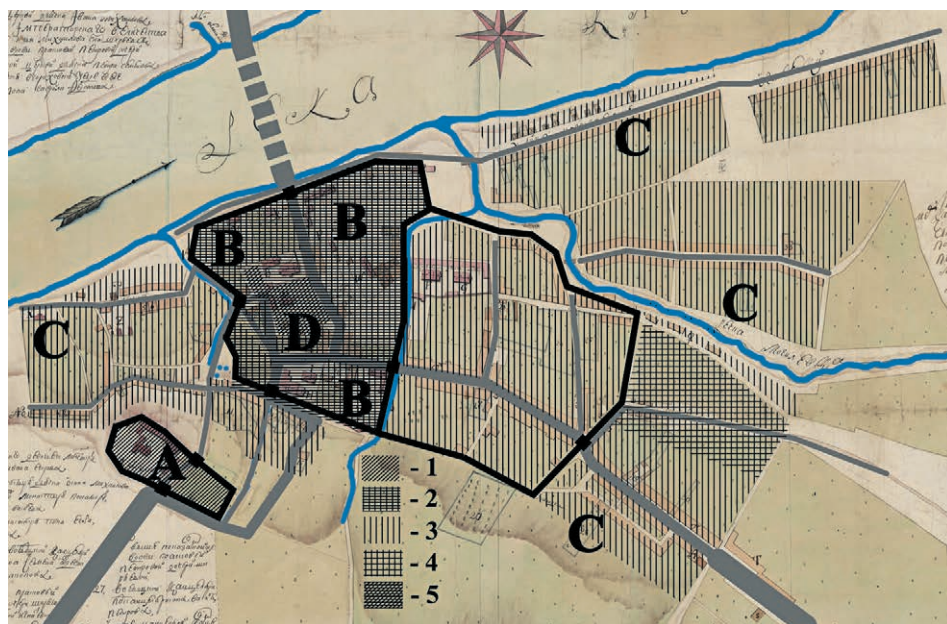
В плане цитадель имела овальную форму, с размерами в осях внутренней территории 200 на 100 метров (Седова, 1972. С. 23–25). Застроена она была клетниками (ВГВ. 1865. № 29. С. 187) – осадными клетями посадских людей Гороховца (рис. 8), в которых хранилось наиболее их ценное движимое имущество, а иногда и товары, предназначенные для продажи на городской торговой площади¹¹. По-видимому, единственной объемно-пространственной доминантой, господствовавшей среди низкой рядовой застройки крепости, была церковь Николая Чудотворца (ВГВ, 1865. № 29. С. 187–188; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1186 об.).

Все эти постройки, как внутри крепости, так и те, что входили в ее фортификационную систему, были деревянными – обычное явление для городов рассматриваемого периода.

Тем не менее, информация сохранившихся письменных источников, свидетельствует, что застройка Гороховецкой цитадели все-таки имела одну

---

¹¹ Предположение А. А. Тица о том, что «клетники» представляли собой осадные дворы, куда перебирались зажиточные гороховляне во время нападения врага, не соответствует действительности. Здесь смешаны два понятия: собственно клетник – осадная клеть (неотапливаемая постройка, предназначавшаяся для хранения или складирования товаров) и осадный двор – огороженная территория с комплексом построек, позволявших как хранение имущества, так и проживание владельца и дворника. Судя по данным документов писцового дела по соседним городам – Владимиру, Суздалью, Шуе и Переяславлю Залесскому, осадные дворы принадлежали за небольшим исключением служилым по отечеству людям и детям боярским, а собственно клетки (клетники) – крупным торговцам из посадской среды. Осадные клетки – стоящие отдельно постройки, не могли служить местом проживания владельцев, пусть даже временным – они не отапливались. К тому же, для проживания были необходимы и другие дворовые постройки, присутствовавшие на территории осадных дворов (Тиц, 1969. С. 89–92; Мазур, 2015. С. 67–86; Она же, 2016. С. 92–125).

Рис. 8. План застройки Гороховца до 1619 г. Реконструкция схемы Л. Д. Мазур
 А – город; В – территория острога; С – посадские слободы; D – Торговая площадь
 1 – осадные клетки посадских людей; 2 – осадные дворы служилых по отечеству людей и подворья монастырей; 3 – жилые дворы посадских людей; 4 – жилые дворы пушкарей; 5 – частные торговые сооружения

особенность: а именно – **полное отсутствие осадных дворов**, которыми были застроены крепости других городов и принадлежавших служилым по отечеству людям – обладателям уездных поместий и вотчин, составлявших в неспокойное время осадный гарнизон (Мазур, 2007; Она же, 2015; Она же, 2016). Между тем, сохранившиеся описания XVII столетия свидетельствуют о наличии этих осадных дворов служилых по отечеству людей и монастырских подворий на **посаде** Гороховца – на территории, огороженной острогом, построенным (по сообщению писцовой книги 1628 года), собственно, как раз «для осадного времени» (ВГВ, 1865. № 29. С. 187).

На посаде же оказались дворы городничего – ведавшего укреплениями, и дворы пушкарей, которые должны были размещаться недалеко от артиллерийский орудий (об этом подробнее см. ниже) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187 об.). Все эти факты, взятые вместе, дают весомые основания для вывода, что уже к бурным событиям 1619-го года цитадель была заброшена теми, кто должен был ее защищать в период осады. Большая часть ее площади, по-видимому, еще до смутного периода начала столетия пустовала – факт, также необычный для крепостей того времени.

Из-за такого неприступного расположения крепости, Гороховецкий **посад** с самого своего момента возникновения вынужден был формироваться

на удалении и вне всякой связи с ней – на более удобном для роста пологом берегу Клязьмы. Это обстоятельство обусловило с одной стороны относительную независимость его планировочной системы, а с другой – вызвало необходимость появления собственных укреплений.

Время сооружения посадской *фортификационной линии* в источниках не указано, но к началу рассматриваемого столетия она уже была. Можно лишь предположить, что ее возведение явилось ответом на события 1521 и 1539-го годов (Андреев, 1988. С. 6), со всей очевидностью обозначивших проблему существования абсолютно незащищенного поселения в условиях постоянных татарских набегов.

Появление этих посадских укреплений на берегу Клязьмы обеспечивало определенную независимость жителей равнинной части города от расположенной на вершине горы крепости, и сделало разобщение двух частей Гороховца – цитадели и посада, еще более зримым.

Конструктивно стены фортификационной линии посадских укреплений представляли собой острог: они были устроены «тычинами» (ВГВ, 1865. № 29. С. 187) – вертикально врытыми и заостренными сверху бревнами. Никаких сведений, об усилении острожной линии рвами и валами нет.

Стены дополняли рубленые башни (ВГВ, 1865. № 29. С. 187; РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187), о числе которых данных не сохранилось. Внешний периметр посадских укреплений, промеренный в 1628-м году писцами Захарием Васильевичем Быковым и подьячим Пятым Колобовым в ответ на наказ 1627-го года, составлял 980 сажен (Акты писцового дела, 1913; ВГВ. 1865. № 29. С. 187; РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187) – более двух километров (2117 м).

К сожалению, каких-либо изобразительных источников, зафиксировавших в плане фортификационные линии посада, а также места их размещения не существует, что вызвало различные гипотезы, выдвигавшиеся историком архитектуры А. А. Тицем (Тиц, 1969. С. 83) и краеведом Н. И. Андреевым (Андреев, 1991). Критический разбор их лежит за рамками настоящей статьи; тем не менее, следует отметить, что именно работа последнего представляется сегодня наиболее убедительной, хотя и нуждается в некоторой корректировке.

Комплексный анализ косвенных сведений письменных источников XVII в., изобразительных XVIII в., вместе с натурным обследованием местности, позволяет предположить, что северная линия острожных укреплений шла по самому берегу реки Клязьмы (рис. 7). Напротив места, где происходила переправа через Клязьму, в ней был сделан разрыв, в котором, в створе улицы Набережной (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265; Там же, Ед. хр. 257), стояла башня с *северными воротами* – сообщение внутренней укрепленной территории с рекой было во всех крепостях, имевших прибрежное расположение. Кроме доступа к источнику воды, ворота выводили к перевозу и пристани, обеспечивая связь города с важнейшей артерией – судоходной Клязьмой, соединявшей через Волгу со всеми районами страны.

Трассировка остальных линий острога на сегодняшний день более гипотетична. Скорее всего, что при их строительстве использовали естественные условия рельефа – русла ручьев и речки Могиленки.

Исходя из этих соображений, можно предположить, что западная сторона укреплений, начинаясь от берега Клязьмы, поднималась вдоль Большого и Малого ручьев¹² к их истоку – Большому ключу¹³. Само русло Большого ручья, несомненно, имело соответствующее выражение в рельефе, что делало устройство вдоль него острожной линии дополнительно защищенной.

Здесь, у Большого ключа и приходской церкви Воскресения Христова, по всей видимости, располагались **главные ворота** острога: они смотрели на юго-запад – на дорогу, поднимавшуюся на вершину холма, к цитадели, и далее выводили к дороге на Москву. По свидетельству сотной, проездные ворота «по Московской к Большой дороге» располагались в основании башни (ВГВ. 1865. № 29. С. 187)¹⁴.

Восточная оборонительная линия, скорее всего, проходила вдоль берега реки Могиленки. С юга, возможно, было устроено две острожных линии – внутренняя вдоль русла безымянного крупного ручья и внешняя: эта напольная сторона со стороны Нижегородской дороги с точки зрения артиллерийской обороны была наиболее уязвимой и устройство здесь не одной, а двух линий острога, вовсе не представляется избыточным¹⁵. И именно при подобной, двойной линии, общая длина острожных укреплений получается равной зафиксированному писцовой книгой 1628-го года размеру – 980 сажений, где внешний периметр – порядка 820, а внутренняя южная линия – 160 сажений. Однако, за неимением дополнительных сведений, это умозаключение остается все лишь предположением...

На пересечении острога с дорогой, безусловно, должны были быть устроены еще одни **ворота** – **Нижегородские**, которые из соображений обороны, скорее всего, также были заключены в основание башни. Здесь же от Большой улицы, начинались три устремленные в разные стороны магистрали (РГАДА,

¹² Переписная книга 1646-го года упоминает рядом с Большим ручьем двор городничего (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187 об.): данное должностное лицо отвечало за укрепления и подготовку города к осаде, поэтому двор этот не мог находиться вне территории острога.

¹³ У Большого ключа письменные источники локализуют осадные дворы Троице-Сергиева монастыря (РГАДА, Ф. 281. Дело № 3/3608; Там же, Дело № 9/3614. Л. 8 об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1215) и служилого по отчеству Федора Дмитриевича Челюсткина (РГАДА. Ф. 281. Дело № 6/3611): что однозначно свидетельствует в пользу того, что прежде эта территория находилась внутри острожных укреплений. Это подтверждается также и наказом писцам 1627-го года: «... *которые будет боярские и дворянские и детей боярских Гороховских помещиков, и приказных людей, и розсыльчиков, и монастырские, и церковные дворы: в остроге осадные, а на посаде приездные дворы...*» (Акты писцового дела, 1913).

¹⁴ На доперепланировочных планах от этой точки изображены расходящиеся улицы – Гребни и Большие Гребни, показанные в складках рельефа (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257; Там же, Ед. хр. 260–265).

¹⁵ Косвенно подтверждает версию **о двойной фортификационной линии** с напольной стороны и сам характер очертаний кварталов этой местности (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257; Там же, Ед. хр. 260–265): здесь совершенно отсутствуют сквозные продольные магистрали, дублирующие трассу Большой улицы.

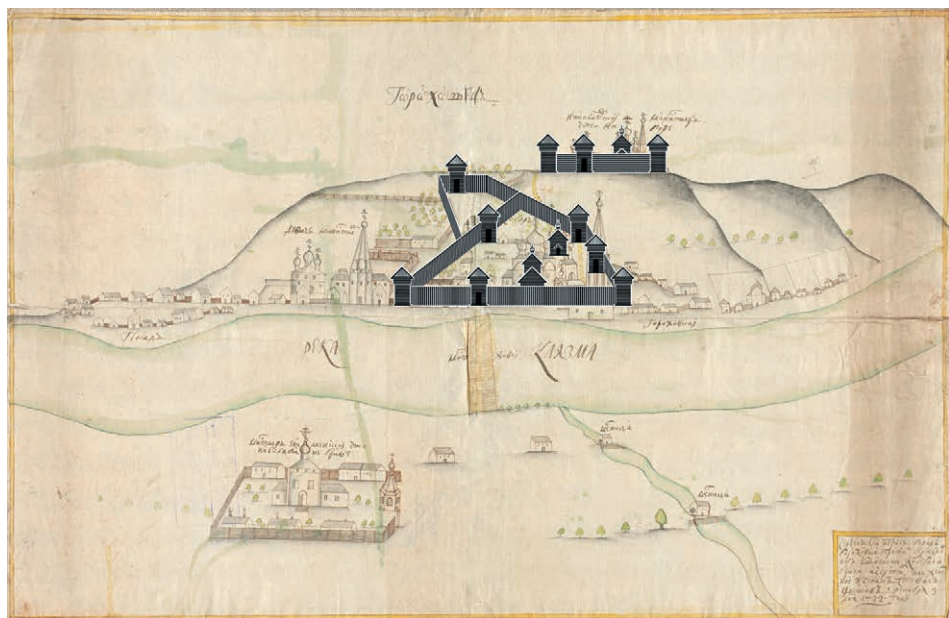

Рис. 9. Вид Гороховца до 1619 г. Реконструкция схемы Л. Д. Мазур

Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257; Там же, Ед. хр. 260–265): подобное «веерное» расхождение улиц, как раз очень характерно для территорий, расположенных вблизи городских ворот¹⁶.

В рассматриваемое столетие **застройка** распространилась за эти преграды в южном и восточном направлениях: территория снаружи получила название **посадских слобод**, а внутри – **«острога»**¹⁷. Лишь внутренняя была отмечена **церквями**, по-видимому, отсутствовавшими где-либо в иных неукрепленных частях поселения.

¹⁶ В пользу версии о расположении здесь ворот свидетельствует и тот факт, что вблизи на обоих планах второй половины XVIII столетия изображены кузницы: а согласно сообщению сотной грамоты 1687-го года с писцовой книги 1676-го года поставлены они были на пушкарских местах, указанных в писцовой книге 1628-го года (ВГВ, 1865). Тут следует вспомнить, что в Гороховце в начале столетия был артиллерийский запас, насчитывающий кроме ядер и пороха, 15 пушек (медной полторной и затинных), и переданный после уничтожении укреплений города и острога Нижегородскому воеводе Борису Нащокину да дьяку Дементью Образцову (ВГВ, 1865. № 29. С. 187). Затинные пищали, как раз, предназначались для защиты крепостей, и, несомненно, были установлены если не на самой башне напольных ворот, то, по крайней мере, в непосредственной близости от них. Рядом должны были располагаться и жилые дворы пушкарей – для обеспечения быстрого реагирования в случае опасности.

¹⁷ Оба эти района дифференцированы в тексте наказа писцам 1627-го года в нескольких разделах, касающихся промеров дворов, описания торговых и промысловых заведений, а также дворов беломестцев и тяглых посадских людей (Акты писцового дела, 1913).

Более поздний документ – писцовая книга 1628-го года свидетельствует о существовании в остроге собора во имя Благовещение Пресвятой Богородицы, и приходской церкви – во имя Воскресение Господа Иисуса Христа (ВГВ, 1865. № 29. С. 187). Обе располагались в ключевых узлах объемно-пространственной структуры посадской крепости: собор – на главной торговой площади посада, недалеко от Клязьменских ворот, а приходская – у юго-западных ворот, обращенных к цитадели и дороге на Москву. Обе были окружены церковными землями с кладбищами (ВГВ, 1865. № 29. С. 187–188) и, скорее всего, жилыми дворами причта (Мазур, 2005. С. 87–95).

Эти единственные два храма посада, судя по сообщению более позднего источника, были клетскими (ВГВ, 1865. № 29. С. 187). Прекрасно просматриваясь от ворот острога из-за значительных перепадов рельефа и, благодаря крупным объемам и развитым архитектурным формам, господствуя среди всей внутренней преимущественно скромной, рядовой гражданской застройки укрепленной территории, они являлись ее архитектурными доминантами, визуально маркируя северную и южную границы центральной площади Гороховецкого посада.

Именно здесь, на торговой площади, размещался и административный центр города, с дворами наместника, воеводы и городничих, избами – съезжей приказной и земских старост¹⁸. Тут же стояли комплексы таможенной избы с померной клетью¹⁹ и торговых бань, своим обликом и крупными формами контрастируя с обступившими их крохотными объемами торговых заведений горожан (РГАДА, Ф.1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187 об.; Акты писцового дела, 1913; ВГВ, 1865).

Рядовая застройка территории Гороховецкого посада начала XVII столетия не была равнозначной (рис. 8).

В северной ближайшей к реке части острога от двух церквей с дворами их причта и кладбищами, администрации с их жилыми и присутственными дворами, таможни и, наконец, соборной и торговой площади, оставалась очень небольшая территория. Судя по отрывочным указаниям источников, она была плотно застроена **осадными дворами и подворьями** светских и церковных владельцев (Мазур, 2011. С. 247–275).

В юго-западном углу острога, рядом с воротами и приходской церковью Воскресения Христова, еще с предыдущего столетия находилось подворье Троице-Сергиева монастыря (РГАДА, Ф. 281. Дело № 3/3608; Там же, Дело № 9/3614). Дворовые земли рядом принадлежали служилым владельцам (позднее, часть из них была

¹⁸ В период дозора 1623-го года им был Михаил Ершов; во время приведения к присяге 1676-го года – Иван Плотников (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дело № 291, Л. 388); а при составлении согной грамоты 1687-го года – Григорий Авдеев сын Ширяев (ВГВ, 1865). Заметим здесь, что и Ершovy и Ширяевы относились к самым зажиточным Гороховецким родам – были очень крупные торговцы, преобразившими своими стараниями облик родного города. Можно предположить, что в периоды возглавления ими мирской общины, она была очень влиятельна и действительно отстаивала интересы своих членов.

¹⁹ Таможенный сбор был в Гороховце и в предшествующее столетие, однако точных данных о расположении таможни в период существования острога: скорее ее стоит локализовать внутри укрепленной территории, на торгу (как это было во Владимире, Суздале, Шуе и Юрьеве Польском) (Мазур, 2011. С. 247–275).

роздана дворянам по списку города Дорогобужа, а затем, также перешла Троицкой обители) (РГАДА, Ф. 281. Дело № 6/3611). О существовании подворья Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря у нас появляются данные от более позднего периода, однако оно, несомненно, присутствовало в остроге и ранее²⁰ – у северной линии укреплений (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1214 об.).

Эти осадные дворы или подворья имели совершенно другое, нежели жилые, предназначение и, соответственно, совершенно другую объемно-пространственную организацию (Мазур, 2009. С. 18–20; Она же, 2009, С. 141–142; Она же, 2011; Она же, 2013, С. 31–40; Она же, 2007, С. 88–95; Она же, 2010, С. 184–185).

Жилые дворы посадских людей, если и присутствовали на территории острога, то концентрировались, по-видимому, в его южной части. Но основная их масса распространившись за его пределы: на юг – вдоль дороги на село Красное, на восток – через речку Могиленку, образовав крупные слободы Большие Оголенки и Королевку; а также на запад – Верхнюю слободку и Никольскую (чей рост был затруднен крутыми склонами горы).

Дворы светских беломестцев – служилых по прибору (зелейщика и пушкарей, связанных с крепостной артиллерией) располагались компактной группой, восточнее дороги на село Красное, у соответствующих ворот острожной линии (см. выше) (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257; Там же, Ед. хр. 260–265; ВГВ, 1865). Судя по аналогичным слободам служилых по прибору других городов, в которых размеры дворов нам известны, Гороховецкую пушкарскую слободку от слобод посадских людей должна была отличать регулярная парцелляция одинаковых по своим параметрам, небольших участков (Мазур, 1999. С. 68; Она же, 2002. С. 85–86; Она же, 2016; Она же, 2013. С. 35).

В начале XVII столетия гороховляне принимали активное участие в событиях Смутного времени (в том числе – в составе сборного нижегородского ополчения освобождали Москву в 1612-м году). Сам город, успешно пережив эпоху гражданской войны, был уже в 1619-м году атакован шайкой казаков из войска польского королевича Владислава, выходцев из Черкасс («черкасов»), которые разграбили окрестные земли, совершили набег на Гороховец и сожгли его цитадель, а также частично – острожные укрепления посада (Добронравов, Березин, 1898. С. 416; Тиц, 1969. С. 82).

Это печальное событие положило **конец традиционной градостроительной структуре** Гороховца, ознаменовав начало нового этапа его объемно-пространственного развития.

Начало купеческого города

После разорения 1619-го года наступил длительный период медленно-го восстановления города. Жизнь постепенно входила в свою колею, чему

²⁰ В уезде у монастыря были вотчины, а в непосредственной близости от Гороховца, в устье речки Левахи, суздальский монастырь владел мельницей, за которую все столетие выплачивал оброк (судя по дозорной книге 1623-го года писцовой, 1676-го) (Акты писцового дела, 1913; ВГВ, 1865).

Рис. 10. План Гороховца 1619–1666 гг. Реконструкция схемы Л. Д. Мазур

A – посад; **B** – Торговая площадь; **C** – слобода Оголенки; **D** – слобода Королевка;

E – слободка Верхняя; **F** – Троицкий Никольский монастырь; **G** – Сретенский монастырь

a – ворота к Московской дороге и остатки укреплений острога

- 1** – соборная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, с приделами великомученицы Параскевы Пятницы и преподобного Макария Унженского и Желтоводского чудотворца; **2** – приходская церковь во имя Воскресения Господа Иисуса Христа, с приделом великомученика Георгия Стратотерпца; **3** – двор наместника (точное расположение не известно); **4** – двор воеводы; **5** – приказная изба; **6** – место двора городничих; **7** – винокурня и поварня; **8** – таможня и двор кабацкий; **9** – место торговых бань; **10** – два подворья Троице-Сергиева монастыря; **11** – подворье Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря; **12** – церковь во имя Живоначальной Троицы, с приделом Николая чудотворца; **13** – церковь во имя Сретения Владимирской иконы Божьей Матери

способствовало его удачное географическое расположение – между двух магистралей: водной, судоходной Клязьмой (связывавшей город с Макарьевской ярмаркой) и сухопутной Московско-Нижегородской дорогой. Началась активная торговля гороховлян юфтью, льном, пенькой, полотном, маслом, вином, москотельными товарами, кирпичом на Нижегородской и Макарьевской ярмарках.

Весь архитектурный облик Гороховца после событий 1619-го года разительно изменился, и уже мало напоминал город предшествующего столетия. Его цитадель полностью выжженная, больше в своем качестве не возобновлялась (рис. 10, 11). Посадский острог также не был восстановлен: оставшиеся участки постепенно выгнивали, уцелевшие колья частично были пущены на ограждение двора городского наместника. Фрагмент острожных стен – длиной в 86,5 м (в пересчете) вместе с воротной Московской башней еще некоторое время стоял

с восточной, нагорной стороны (ВГВ. 1865. № 29. С. 187). С исчезновением обоих укреплений – и верхнего и нижнего, город стал абсолютно открытым.

Вся его территория, прежде разделенная не только географически, но и фортификационными линиями, сконцентрировалась на нижней приречной террасе и объединилась, получив единственный центр на старой торговой площади на берегу Клязьмы. С этого времени Гороховец, имея номинально статус города, **состоял только из посадского поселения** – явление достаточно редкое для городов XVII в.

В отличие от Гороховецкой цитадели, большую часть застройки внутри острога огонь пощадил. На прежних местах и, по-видимому, без каких-либо изменений, сохранились ее объемно-пространственные доминанты – Благовещенский и Воскресенский храмы, которые, с исчезновением острожных укреплений, виднелись от реки Клязьмы уже на полную высоту (рис. 11).

У собора писцовою книгой 1628-го года указано три престола: главный, во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, и великомученицы Параскевы Пятницы, а также преподобного Макария Унженского и Желтоводского чудотворца (ВГВ. 1865. № 29. С. 187). Макарьевский придел, судя по самому построению его описания, приведенного Сотной грамотой 1628-го года, находился в отдельном объеме (ВГВ. 1865. № 29. С. 187)²¹. Соответственно, и весь объем клетской соборной церкви выделялся более сложной объемно-пространственной композицией, с большим числом глав и колоколов (четыре против трех, у церкви приходской). Устроены обе были радением посадских людей Гороховца, а соборная – еще и на средства государя Михаила Феодоровича и кравчего с путем Михаила Салтыкова (фактического наместника города).

Между 1628-м и 1646-м годами видимо обветшавшие храмы были перестроены, превратившись из клетских в шатровые. Благовещенский собор по-прежнему вмещал все те же три престола (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187); а вот приходская Воскресенская церковь получила новый придел во имя великомученика Георгия Стратотерпца (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187 об.).

Место старой цитадели долгое время оставалось в запустении: к 1628-м году не была возобновлена даже ее единственная Никольская церковь. Накопление внутренних ресурсов жителями города, сказавшееся в перестройке и расширении соборной и приходской церквей, вызвало появление в Гороховце двух монашеских обителей.

---

²¹ Перечисление содержащихся в нем икон, церковной утвари и книг выделено писцами Захарием Васильевичем Быковым и подьячим Пятым Колобовым в самостоятельный раздел, тогда как описание основного объема храма – с Благовещенским и Пятницким престолом, приведено ими сплошным текстом. Косвенно о подобном выделении престола, равно как и о его более позднем появлении в соборной церкви, свидетельствуют и записи о принадлежности церковных земель, доходы с которых шли на содержание только Благовещенского собора с престолом Параскевы Пятницы (ВГВ, 1865. № 29. С. 187; РГАДА, Ф. 281. Дело № 9/3614); придел же Макария Желтоводского и Унженского чудотворца при этом не упомянут.

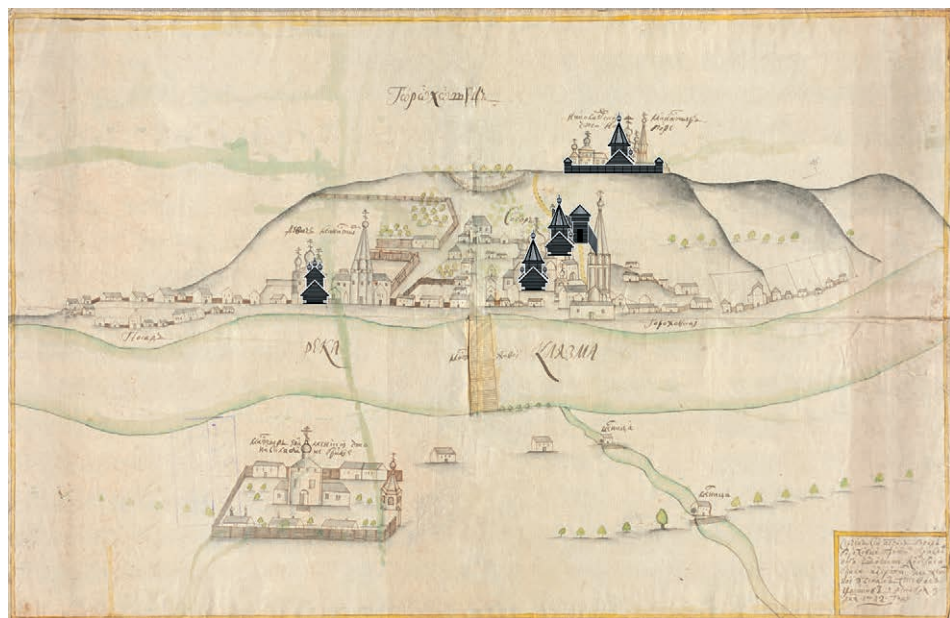

Рис. 11. Вид Гороховца 1619–1666 гг. Реконструкция схемы Л. Д. Мазур

В 1643-м году по указу Михаила Феодоровича (ВГВ, 1865) на городском холме, внутри крепостных валов был основан мужской **Троицкий Никольский монастырь** (Полное собрание исторических сведений..., 2000. С. 35; Косаткин, 1906. С. 115). Строился он силами и средствами посадских людей Гороховца.

Уже через три года после основания в нем стоял шатровый храм во имя Живоначальной Троицы, который внутри имел придел во имя Николая чудотворца – в память сгоревшего храма, некогда стоявшего на территории уничтоженной цитадели (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1186 об.). Ограда его, по сообщению того же документа, окружила территорию, почти вдвое уступающую прежней крепости; вмещающая лишь храм со старым Никольским кладбищем и пять келий, в которых жили двое черных священников и трое старцев (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187). Общая протяженность монастырских стен составляла сто сорок две сажени, а огражденная ими территория в осях равнялась 84 на 62,6 м (в пересчете) (ВГВ, 1865).

В 1658-м году, внизу, на берегу крупного ручья, рядом с Большой улицей был основан женский **Сретенский монастырь** (ВГВ, 1865), который также пользовался покровительством государей (известно, что Алексей Михайлович пожаловал ему церковные книги); но большей частью он существовал за счет пожертвований горожан и уездных жителей, а также ремесленной деятельности самих монахинь. Его главный храм – во имя Сретение Владимирской иконы Божьей Матери, первоначально был деревянным клетским и имел несколько глав (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2 об.; ВГВ, 1865).

С разрушением посадских укреплений изменилось и расположение некоторых общественных **административных сооружений**, а также **государевых заведений** (рис. 10). Двор наместника исчез: в 1646-м и 1678-м годах его тиуны помещались в воеводском дворе, сохранившемся на прежнем месте (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187 об.; Там же, Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2 об.).

Таможня была перемещена в конец идущей от торга улицы Набережной – на самый берег, к месту, где и прежде осуществлялся перевоз через Клязьму (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187 об.; Там же, Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2 об.). Здесь же, составляя с ней единый архитектурный комплекс, сооружен и кабацкий двор, названный в 1678-м году государевым кружечным двором (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187 об.; Там же, Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2 об.; ВГВ, 1865). Сами напитки производились винокурне с поварней (или пивоварней), устроенных к 1646-му году на расстоянии от них, на Большом ручье (скорее всего – у его впадения в Клязьму) (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187 об.; Там же, Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2 об.).

Но самые ощутимые перемены произошли с **рядовой застройкой**, особенно в районе, прежде окруженном острогом. С исчезновением укреплений исчезли и осадные дворы светских феодалов, прежде заполнявшие эту территорию.

Комплексный анализ сведений письменных источников (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дело № 14. Л. 1–6.; Там же, Дело № 291. Л. 384–401; Там же, Ф. 281. Дело № 9/3614; Акты писцового дела, 1913; ВГВ, 1865) позволил, несмотря на утрату дозорной книги 1623-го года и писцовых 1628-го и 1676-го годов, отчасти восстановить лакуну данных о светских феодалов, имевших осадные дворы на территории Гороховца: очертить именной состав и служилый статус их владельцев, а также выяснить причины кратковременного существования их владений в городе. Удалось установить, что в рассматриваемый период все они были из числа младшего и беднейшего звена сословия служилых по отечеству – дворян и детей боярских, служивших по списку Гороховца и составлявших в случае осады города его гарнизон: с уничтожением укреплений исчезала и их обязанность садиться в осаду, а значит – и возобновлять свои городские дворы (а держать их на гороховецком посаде для торговли своих крестьян они также не были заинтересованы в силу своей экономической несостоятельности).

Закладная кабала соборного благовещенского попа Алексея Иванова архимандриту Троице-Сергиева монастыря Дионисию с братьею на купленный им у Федора Дмитриевича Челюсткина зафиксировала переход одного из подобных владений светских феодалов в руки духовенства (РГАДА. Ф. 281. Дело № 6/3611).

Совсем иначе обстояло дело с осадными дворами **духовных феодалов** (рис. 10). Монастыри, заинтересованные в упрочении связей с торговым посадом, не только сохранили свои подворья, но и несколько раз за столетие обновляли их на новых землях, более удобных для их торгово-представительских надобностей, а общее их число к концу столетия только выросло.

Подворье Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря располагалось на прежнем месте и после уничтожения острожных укреплений «... у реки Кляз[ь]мы на берегу...» (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1214 об.). Скорее всего, его стоит локализовать в самом оживленном месте, где была городская

пристань и осуществлялась переправа, а также стоял уже рассмотренный выше комплекс сооружений таможенного и кабацкого дворов.

Более сложная судьба была у Троицкого подворья. Сразу после разорения 1619-го года его запустевшую селитебную землю заняли под свои жилые дворы посадские люди – Федка (Милюнка) Алексеев сын Опарин и Сидорка Андреев сын Воронов. За это Троицкие власти подали на них челобитную патриарху Московскому Филарету Никитичу; и в 1627-м году, после дознания, была составлена сделочная запись, по которой за право проживания на монастырской земле посадские люди и их потомки обязались выплачивать в обитель ежегодный оброк (РГАДА. Ф. 281. Дело № 3/3608; Там же, Дело № 9/3614).

Но при составлении переписных книг 1646-го года писцы Аф. С. Отяев с подьячим К. Немировым (на основании сотной грамоты 1631-го года с писцовой книги 1628-м года, в которой земля была написана «в споре» – до специального распоряжения патриарха Московского Филарета), сделали примечание, что подворье заняло землю, находившуюся «исстари» во владении двух членов тяглой посадской общины, Ф. А. Опарина и С. А. Воронова (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953., Л. 1215). В 1632-м год Троицкие земли в этом месте посада еще расширились, благодаря закладу священника соборной церкви, как это было рассмотрено выше (РГАДА. Ф. 281. Дело № 6/3611).

Весьма стабильными оказались владения и **городских церквей** – Благовещенского собора и приходской Воскресенской. По данным писцовой книги 1628-го года их селитебные земли площадью – 858 кв.саж. и 2046 кв.саж. (соответственно), располагались компактно, рядом с храмами. Их занимали дворы и огороды священника, пономаря и просвирни, а также четыре кельи нищих – у собора, и три – у приходской церкви (ВГВ, 1865. № 29. С. 187–188). К 1646-му году число дворов священников возросло до двух, а зависимых групп населения – до трех, у каждого храма (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1188).

Напротив, земельные владения **светских беломестцев** стремительно сокращались. После уничтожения фортификационной линии города и посада и последовавшей передачи в Нижний Новгород артиллерийского вооружения (см. выше), надобность в присутствии на Гороховецком посаде пушкарей и зелейщика отпала. В 1627-м году они еще проживали в своих дворах, но к 1646-му году их земли оказались заняты жилыми дворами лиц, служивших в приказных учреждениях города (Акты писцового дела, 1913; РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1189–1189 об.).

О состоянии рядовой градостроительной ткани на **тяглых** землях Гороховецкого посада этого времени сегодня свидетельствуют: именная роспись посадских людей и их дворов, составленная в период дозора 1623-го года и продублированная в писцовом наказе 1627-го года и переписная книга 1646-го года. Соотнесение их данных между собой, а также с межевыми планами второй половины XVIII столетия (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 257; Там же, Ед. хр. 260–265) позволяет, отчасти установить численность и место размещения посадских дворов на этих двух хронологических срезах (даже тогда, когда в письменном источнике топонимы опущены).

В 1623-м году дозорщиками у гороховецких посадских людей было насчитано 234 двора. Исходя из соотнесения данных дозора и переписи 1646-го года, можно с уверенностью заключить, что концентрировались они в основном в пределах территории, ограниченной с востока руслом реки Могиленки. Приклязьменская полоса, прежде находящаяся внутри острога, была наиболее густо застроена, выше по склону – вдоль Большой улицы и дорог на Москву и село Красное число их дворов было в 3,5 раза меньше, а за Могилenkой – и вовсе минимальным, и лишь на самом берегу Клязьмы.

К 1646-му году общее число жилых дворов посадских людей увеличилось, составив 266. Наибольшая их часть, как и в 1623-м году, была сосредоточена на территории прежнего острога, вблизи реки: однако число дворов на берегу Клязьмы сократилось (133 двора), а в нагорной части (вдоль основных сухопутных артерий) не изменилось (40). Основные изменения произошли с застройкой территории, расположенной за рекой Могилenkой: здесь число дворов, наоборот, значительно выросло, составив в целом 25 дворов; которые распространились от берега Клязьмы выше по склону – в Королеву слободку.

Эти данные свидетельствуют, что с уничтожением посадских укреплений произошла экспансия тягловцев на прежде обеленные земли на территории прежнего острога, сопровождаемая **сменой распространенного там типа гражданской застройки** – с осадных дворов служилых по отечеству на дворы жилые посадских людей. Во дворах самых зажиточных людей 1646-м году были указаны зависимые лица (в двух – работные люди, в одном – купленный, у И. Н. Ершова): все они располагались на береговой линии Клязьмы. (РГАДА, Ф.1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1195 об.). Эти же дворы, в соответствии с состоятельностью своих владельцев, должны были отличаться своей застройкой – развитыми хоромными комплексами, многочисленными и разнообразными хозяйственными сооружениями.

Принятие в 1667-м году Новоторгового устава открыло жителям Гороховца доступ к рынкам не только ближайшего региона, но и всего государства, и способствовало накоплению капитала посадскими торговцами, что в свою очередь вызвало активизацию строительной деятельности на территории Гороховца, способствуя новому витку его градостроительной эволюции (рис. 13, 14).

О городе этого периода свидетельствуют несколько источников: переписная книга 1678-го года, которая зафиксировала количественные изменения дворов разных социальных групп на гороховецком посаде (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 1–19), в отношении демографического состава населения ее дополняет крестопроводная книга 1676-го года (РГАДА, Ф.210. Оп. 4. Дело № 291. Л. 384–401), а писцовая книга 1676-го, точнее – сотная с нее, сообщает и параметры ряда отдельных дворовладений, которые сегодня можно нанести на более поздний картографический источник – межевой план 1771-го года (РГАДА, Ф. 1356. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265), получив и относительное визуальное представление о произошедших переменах (рис. 12).

Первое, что показывает сравнительный анализ данных обеих переписных книг 1646-го и 1678-го годов (РГАДА, Ф.1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1184–1219. Там же, Кн. 15410. Л. 1–19) – резкое увеличение дворов зажиточного слоя

тяглецов (тех, кто держал на своих дворах зависимых лиц: захребетников, рабочих и купленных людей), что, в свою очередь является косвенным показателем качественного изменения рядовой застройки **на тяглых землях**, а также количественного роста числа жилищ во дворах. При анализе их расположения выясняется, что все 36 дворов данной группы стояли на береговой линии Клязьмы, в основном – в центральной части Гороховца.

Всего на Гороховецком посаде в 1676-м году было насчитано лишь 242 жилых посадских двора, 5 пустых и 8 дворовых мест. Наряду с сокращением общего числа дворов, в их размещении произошли значительные перемены. На территории, соответствующей старому острогу и посаду (в пределах Могиленки) застройка сильно поредела: число посадских дворов сократилось в 2,5 раза (с 173-х до 69-и). Наоборот, общее число дворов за Могиленкой выросло вчетверо (вместо 25-ти – 97 дворов) – очевидно, сюда по каким-то причинам произошла миграция посадского населения из старого посадского центра.

Причины такого «выдавливания» дворов посадских людей из района старого центра сейчас установить сложно. Возможно, здесь действовали сразу две силы – крупные церковные вотчинники, желавшие возобновить свои подворья на прежних местах на торговом посаде (см. ниже), и крупное купечество, стоявшее во главе посадского мира и желавшее селиться в его центре, у собора, торговой площади, переправы и пристани.

Рост торговой активности населения Гороховца и его округи сопровождался увеличением владений **Церкви** на посаде города (рис. 12, 13).

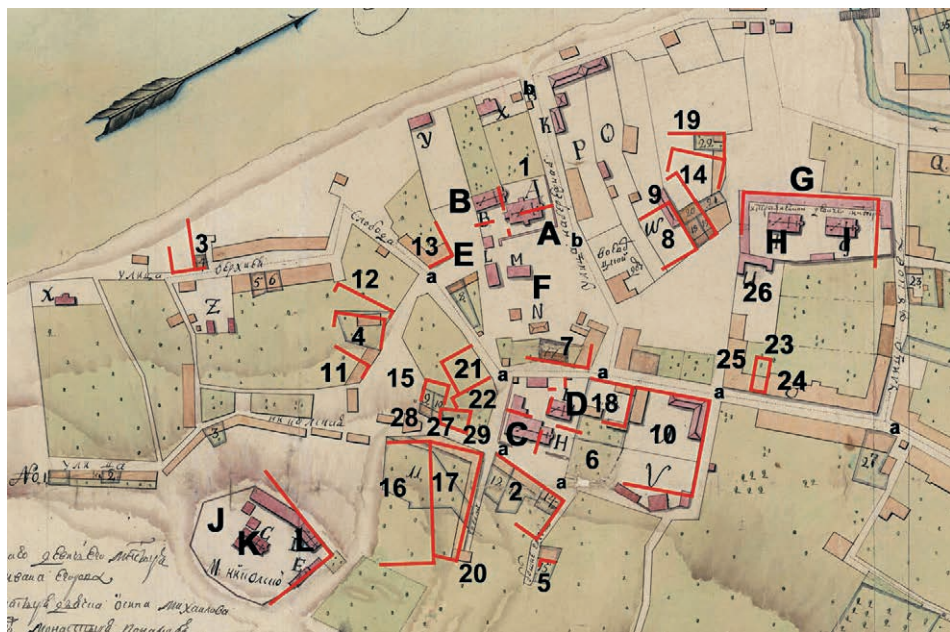
У Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря к 1676-му году подворье переместилось на новое место, прежде принадлежавшее тяглу посадскому человеку (ВГВ, 1865; РГАДА, Ф.1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 17–18 об.); а кроме него, у монастыря появилось три двора, в которых проживало в общей сложности десять человек, указанных «в споре» с посадом.

Владения Троице-Сергиева монастыря, наоборот, сократились. К 1678-м году Троицкие власти окончательно потеряли землю под старым подворьем, сосредоточившись на новом (РГАДА, Ф.1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 17; ВГВ, 1865). Но уже вскоре недалеко появилось подворье их приписного монастыря Георгиевского²² (РГАДА, Ф. 281. Дело № 9/3614), расположенного в Гороховецком уезде и нуждавшегося в собственном представительстве в уездном центре. Это новое подворье граничило со старым Троицким, занятым теперь двором посадского человека Федора Харитонова сына Опарина (РГАДА, Ф. 281. Дело № 25/3630; Там же, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 15 об.).

Между 1678-м и 1687-м годами на посаде возникло и подворье, расположенной на берегу Клязьмы на дороге от Гороховца в Суздаль, Флоришевой

---

²² Георгиевский монастырь был основан Сергием Радонежским в 1365-м году, в пойменной местности при озере Саке, в шестнадцати километрах от Гороховца. С самого своего основания он был приписным к Троице-Сергиевой обители (РГАДА, Ф. 281. Дело № 25/3630; Добронравов, Березин, 1898. С. 433–435).

Рис. 12. Данные писцовой книги 1676-го года на плане 1771-го года. Реконструкция Л.Д. Мазур

А – соборная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы; **В** – теплая церковь во имя Усекновения Честных Главы Иоанна Предтечи; **С** – приходская церковь во имя Воскресения Господа нашего Иисуса Христа; **Д** – теплая церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы; **Е** – земская избы; **Ф** – лавки; **Г** – Пречистой Богородицы Владимирской девичья монастырь; **Н** – церковь во имя Пречистой Богородицы; **И** – теплая церковь во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца; **Ж** – монастырь; **К** – церковь во имя Живоначальной Троицы; **Л** – церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы

а-а – улица проезжая Большая; **б-б** – улица что к реке Клязьме

1 – огород посадского человека Васьки Голухина и амбар Ивашки Авдеева сына Ширияева; **2** – двор протопопа Федора Никитина; **3** – двор дьякона Андрея Петрова; **4** – двор вдовой протопопицы Парасковьи Константиновы дочери, соборного протопопа Семионовской жены Иванова; **5** – двор просвирницы Федосьицы Абросимовы дочери; **6** – двор Гришки Белина; **7** – двор попа Федора Федорова; **8** – двор Семена Ершова; **9** – двор дьякона Андрея Митрофанова; **10** – двор первой статьи Семена Никифорова сына Ершова; **11** – двор соборного попа Федора Яковлева; **12** – двор вдовы Улитки Корниловой дочери Федоровской жены Барашова, у нее сын Оска в пономарях; **13** – подворье Спасо-Евфимиева монастыря, что прежде сего бывал двор гороховлянина посадского человека Фочки Лухноусова; на том подворье живет того ж монастыря крестьянин Бориско Иванов; **14** – подворье монастыря Успения Пресвятыя Богородицы Флорищевы горы; на том подворье живут старцы того монастыря переменячусь; **15** – подворье Троицы Сергиева монастыря; том подворье живет того монастыря крестьянин Ивашка Китаев; **16** – двор пуст Алешки Михайлова сына Попова, что бывал Ивашки Белина; **17** – пустое место Семена Ершова, что бывало Ивашки Белина; **18** – дворовое пустое место возле церкви Введения Богородицы против алтарей; живали на том месте нищие, и теми пустыми местами владеют соборной Благовещенской поп Федор Яковлев да дьякон Андрей Петров; **19** – огородное место девичья монастыря дьякона Андрея Митрофанова; **20** – двор Прошки кузнеца; **21** – во дворе Сидорко Андреев сын Воронов с детьми Мишкою

да Любимком; **22** – во дворе Федка Алексеев сын Опарин прозвище Милюнка, с детьми Федькою, Спиркою да Сенькою; **23** – двор Троице-Сергиева монастыря приписного Егорьевского монастыря (прежде принадлежал гороховлянину посадскому человеку Василию Матвееву сыну Канунникову); **24** – двор гороховлянина Осипа Семенова сына Грошева; **25** – огород гороховлянина Афанасия Лготина; **26** – огород гороховской вдовы ... лины Ивановой дочери Ширяевой; **27** – старый двор соборного священника Василия с ветхим строением; **28** – двор гороховлянина Федора Опарина; **29** – двор гороховлянина Михаила Скопина; № **23–29** даны по данным меновой грамоты 1721-го года (местоположение № **11–13** неизвестно)

пустыни²³, которая как раз в это время получает широкую известность и, судя по покровительству государя Феодора Алексеевича – экономическое процветание (ВГВ, 1865; РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 17).

К 1678-му году несколько увеличилось и число жилых дворов соборного причта, а у приходской церкви, наоборот, сократилось до одного (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2 об. – 3; 16). В большинстве своем, они отличались чрезвычайно сложным составом населения, что на объемно-пространственном уровне выражалось в скоплении многочисленных жилищ. Дворы зависимых социальных групп, прежде заполнявших церковные земли – бобылей и нищих, наоборот, полностью исчезли.

Облик самих церковных сооружений также эволюционировал. В следующие за принятием Новоторгового устава тридцать лет радением царя Алексея Михайловича и посадских людей, заботящихся о процветании храмов родного города, все они были вновь перестроены (14).

По сообщению писцовой книги 1676-го года у **городского собора** появилось несколько глав, а внутри переписной книгой 1678-го года и сотной грамотой 1687-го года у рубленного храма указан только один придел – Макария Желтоводского и Унженского чудотворца (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2; ВГВ, 1865). Зато рядом с ним к этому времени была поставлена теплая церковь во имя Усекновения Главы Иоанна Предтечи, в придел которой и был перенесен престол великомученицы Параскевы Пятницы из упраздненного соборного придела (Добронравов, Березин, 1898. С. 418; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1187–1187 об.; Там же, Кн. 15410, Л. 2; ВГВ, 1865).

Приходская **церковь Воскресения Христова** снова стала клетской, с более пышным завершением (упомянуто, что у нее было несколько глав). Между 1676 и 1678-м годами рядом, на средства посадских людей города Гороховца, была поставлена теплая клетская церковь, также с «главами», с единственным престолом – во имя Введение во Храм Пресвятой Богородицы (ВГВ, 1865; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410, Л. 2 об.).

---

²³ Основана в начале семнадцатого столетия старцем Мефодием. В 1654-м году сюда пришел инок Иларион (ставший потом митрополитом Суздальским), которого по просьбе старца Мефодия патриарх Никон посвятил в иеромонахи, а затем сделал его настоятелем. Именно при Иларионе Флорищева пустынь получила всеобщую известность, став одной из главных в России (Полное собрание исторических сведений..., 2000. С. 36; Топографические известия, 1771, С. 127; Косаткин, 1906. С. 128–130).

Рис. 13. План Гороховца 1667–1686 гг. Реконструкция схемы Л. Д. Мазур
A – посад; **B** – Торговая площадь; **C** – слобода Оголенки; **D** – слобода Королевка; **E** – слобода Верхняя; **F** – Троицкий Никольский монастырь; **G** – Сретенский монастырь
1 – соборная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, с приделом преподобного Макария Унженского и Желтоводского чудотворца и колокольной; **2** – теплая церковь во имя Усекновения Главы Иоанна Предтечи, с приделом великомученицы Параскевы Пятницы; **3** – приходская церковь во имя Воскресения Господа Иисуса Христа с колокольной; **4** – теплая церковь во имя Введения во Храм Пресвятой Богородицы; **5** – двор воеводы; **6** – приказная изба; **7** – земская изба; **8** – таможня и двор кабацкий; **9** – винокурня и поварня; **10** – подворье Троице-Сергиева монастыря; **11** – подворье Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (точное расположение не известно); **12** – церковь во имя Живоначальной Троицы, с приделом Николая чудотворца и колокольной; **13** – теплая церковь во имя Покрова Богородицы; **14** – монастырский скотный двор (точное расположение не известно); **15** – церковь во имя во имя Сретения Владимирской иконы Божьей Матери; **16** – теплая церковь во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца; **17** – колокольня (точное расположение не известно); **18** – Святые ворота

К 1687-му году оба церковных ансамбля получили еще и восьмигранные в плане колокольни – соборная с шестью колоколами, приходская – с восемью, «часы с перечасьем». У собора она была пристроенной к основному храму – «рублена на паперти», образуя вместе с ним единый объем, вытянутой по оси запад-восток (тип храма «кораблем»). Видимо, также примыкала к храму и Воскресенская колокольня²⁴.

²⁴ Исходя из последовательности описания комплекса церквей, приведенного в сотной 1687-го года (в которой колокольня указана сразу вслед за холодным храмом, а не после описания обеих церквей) (ВГВ, 1865; Добронравов, Березин, 1898. С. 423).

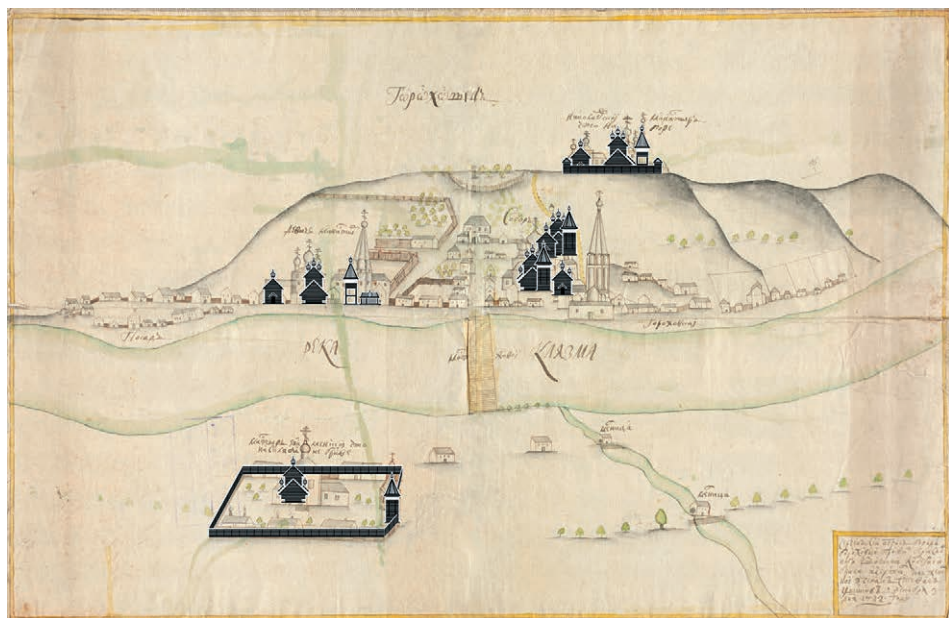

Рис. 14. Вид Гороховца 1667–1686 гг. Реконструкция схемы Л. Д. Мазур

Ансамбль соборных церквей довершала деревянная ограда, а приходских – надолбы, окружавшие храмы вместе с кладбищами (ВГВ, 1865).

Как и в случае с приходскими, перестроены были и монастырские храмы Гороховца, а рядом поставлены новые, из-за чего общий архитектурный облик обеих обителей усложнился.

Главный собор **Никольского монастыря** – во имя святой Живоначальной Троицы к 1676-му году из шатрового стал клетским, пятиглавым и двухэтажным. На первом этаже помещался престол Николая чудотворца, а сверху – главный, Святой Троицы. И без того крупный объем его был еще увеличен трапезной и колокольной с шестью колоколами при входе – «на двух столбах», пристроенными между 1678-м и 1687-м годами (ВГВ, 1865).

Рядом с внушительным холодным собором к 1678-му году была поставлена небольшая клетская церковь во имя Покрова Богородицы: значительно уступая собору по объему, она отапливалась, что и позволяло проводить в ней службу в зимний период (Косаткин, 1906. С. 117).

Хотя число келий к 1678-му году увеличилось лишь на одну, но проживало в них вдвое больше (десять старцев и черный священник), из чего можно сделать вывод, что и прежние кельи были перестроены.

Ограда монастыря была рубленая в замок – значительно более прочная, нежели обычное ограждение – острог стоячий или лежащий, она больше соответствовала укреплению крепости (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2). Для обеспечения столовых потребностей монашествующей братии к 1678-му году снаружи обители был поставлен скотный двор.

В **Срегенском монастыре** по благословию Московского патриарха Иосафа в 1671-м году была поставлена теплая деревянная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца (Добронравов, Березин, 1898. С. 421), а между 1678-м и 1687-м годами – колокольня с пятью колоколами (не рубленая, как в вышеперечисленных комплексах, а на столбах) (ВГВ, 1865).

Между 1678-м и 1687-м годами со стороны торговой площади посада были поставлены Святые ворота; ограда же ни в переписной книге, ни в сотной не упомянута. В 1687-м году монастырская территория была длиной 107 метров на 35,1 м по передней стороне, и 53,46 м сзади (в пересчете) (ВГВ, 1865). Количество жилых монастырских построек постепенно росло (в ответ на рост числа насельниц): с 1678-го по 1687-й годы число келий увеличилось с 20-ти до 22-х, а проживавших в них стариц с 44-х – до 50-ти (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 2 об.; ВГВ, 1865).

Уже в 1687-м году гороховецкое купечество стало настолько состоятельным, чтобы начать каменное строительство, продолжавшееся и всю первую половину следующего столетия. При этом, выделяясь на фоне массовой деревянной застройки, оно содействовало дальнейшему выявлению уже сложившейся целостной композиции нового купеческого города, с единым объемно-пространственным центром на торговой площади объединившейся открытой территории, участвуя в панорамном раскрытии градостроительного комплекса со стороны судоходной Клязьмы.

Таким образом, привлечение к работе широкого круга изобразительных и письменных источников, в том числе – впервые введенных в научный оборот, позволило не только рассмотреть изменения в размещении и архитектурном облике крупных составляющих деревянного ансамбля города (фортификационных, церковно-монастырских, общественных административных сооружений, а также государевых заведений), но и выявить эволюцию рядовой застройки города на протяжении XVII столетия, под влиянием таких процессов, как: изменение социального состава, перераспределение селитебной земли и внутригородская миграция населения, повлекшие изменение плотности застройки и смену типа дворов на посаде. Рассмотрение всех этих аспектов комплексно и во временной последовательности помогает сегодня представить эволюцию градостроительной композиции «деревянного» Гороховца вплоть до появления первых его каменных зданий

Список литературы и источников

- Андреев Н.И.* Гороховецкая историческая хроника. Сборник краеведческих очерков. Владимир, 1991.
- Андреев Н.И., Скворцов А.И.* Гороховец. Историко-краеведческий очерк. Ярославль, 1988. Выпись из писцовых и межевых книг 1627/28 года Захария Васильевича Быкова и подьячего Пятого Колобова архимандриту Троице-Сергиева монастыря Викентию с братьею на приписную Георгиевскую гороховецкую пустынь, слободу около нее и монастырские владения деревни Лужки и Мануйлово с пожнями и рыбными

- ловлями в Куспенской волости Гороховецкого уезда и дворы в городе Гороховце. Фрагмент копийной книги Поместного приказа актов Троице-Сергиева монастыря на владения в Гороховецком уезде. 1684/85 год. РГАДА. Ф. 281. Грамоты архива Коллегии Экономии (коллекция). Дело № 9/3614.
- Выпись писцов Захария Васильевича Быкова и подьячего Пятого Колобова с их же писцовой книги 1628-го года. 1628 г. // ВГВ. 1865. № 29. С. 187–188.
- Выпись приказа Большого дворца из писцовых и межевых книг 1627/28 года Захария Быкова и подьячего Пятого Колобова протопопу Благовещенской гороховецкой соборной церкви Симеону на церковные владения: кладбище и дворы в городе Гороховце и деревне Бздиха с санными покосами в Гороховецком уезде. 7192/1683 год. РГАДА. Ф. 281. Грамоты архива Коллегии Экономии (коллекция). Дело № 9/3614.
- Десятня гороховская денежной раздачи боярина и воевод князя Андрея Васильевича Голицына, да князя Андрея Васильевича Хилкова, да Григория Григорьевича Пушкина, да головы Богдана Глебова, да дьяка Сыдавнаго-Васильева, списана с десятии верстанья князя Михаила Григорьевича Темкина-Ростовскакого да дьяка Филимона Озерова 114 г. 7115/1607 г. РГАДА. Ф. 210. Документы Разрядного приказа. Оп. 4. Дела десятиен. № 14. Л. 1–6.
- Добронравов В.Г., Березин Е.Д.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. Владимир, 1898.
- Закладная кабала соборного благовещенского попа Алексея Иванова архимандриту Троице-Сергиева монастыря Дионисию с братьею на купленный им у Федора Дмитриевича Челюстинина двор на посаде в городе Гороховце в 80 рублях сроком на год. 1632 год РГАДА. Ф. 281. Грамоты архива Коллегии Экономии (коллекция). Дело № 6/3611.
- Козлов М.В.* Российская картографическая культура XVIII в. // Историческая антропология. Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы научной конференции. М., 1998. С. 127–129.
- Косаткин В.В.* Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX в. // ТВУАК. Кн. 8. Владимир, 1906.
- Крестоприводная книга Гороховца. 7184/1676 год. РГАДА. Ф. 210. Документы Разрядного приказа. Оп. 4. Дела десятиен. № 291. Крестоприводные книги городов. Л. 384–401.
- Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. М., 1989.
- Кусов В.С.* Чертежи земли русской XVI–XVII вв. М., 1993.
- Ларин С., Никитин С.* Меж лесных берегов. Ярославль, 1969.
- Литвинов И.* По городам Залесья. М., 1974.
- Мазур Л.Д.* Анализ описи города Владимира 1625–26 гг. // Вестник архивиста, 1 (49). М., 1999. С. 65–70.
- Мазур Л.Д.* Архитектура городских усадеб центра России XVII в. // Международный электронный журнал АМІТ 2011. № 4 (17). Статья № 2 <http://www.marhi.ru/AMIT/2011/4kvart11/mazur/abstract.php>.
- Мазур Л.Д.* Архитектурный облик городских дворов XVII в. на примере Владимира, Суздаля, Шуи и Юрьев-Польского // «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ». М., МАКС Пресс. 2010. Секция 4. История архитектуры и градостроительства. С. 184–185.
- Мазур Л.Д.* Архитектурный облик усадеб горожан центральной России XVII века в контексте социальной иерархии // АCADEMIA. М., 2013. № 1. С. 31–40.
- Мазур Л.Д.* Городские укрепления Владимира в XVII в. // АН.М., URSS, 2011. № 54. С. 80–87.
- Мазур Л.Д.* Городские укрепления Суздаля в XVII в. // АН.М., URSS, 2011. № 55. С. 94–101.

- Мазур Л.Д.* Застройка крепости Шуи XVII в. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. Вып. 1. Сборник трудов памяти Т.Ф. Саваренской. М., URSS, 2007. С. 88–95.
- Мазур Л.Д.* Изобразительные источники по истории города до периода его регулярных преобразований эпохи классицизма. (Владимир, Суздаль, Шуя, Юрьев-Польский) // Международный электронный журнал АМІТ 2011. № 3 (16). Статья № 5 <http://www.marhi.ru/AMIT/2011/3kvart11/mazur/abstract.php>.
- Мазур Л.Д.* К вопросу о принципах размещения городских владений служилой аристократии в первой трети XVII в. (по данным дозорных и писцовых книг Владимира, Суздаля и Шуи) // «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ». М., МАКС Пресс. 2009. Секция 4. История архитектуры и градостроительства. С. 18–20.
- Мазур Л.Д.* К вопросу о принципах размещения городских владений служилой аристократии в первой трети XVII в. (по данным дозорных и писцовых книг Владимира, Суздаля и Шуи) // «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ». Архитектура-С. М., 2009. С. 141–142.
- Мазур Л.Д.* К вопросу об архитектурном облике казенных общественно-административных сооружений Владимира, Суздаля, Шуи и Юрьев-Польского XVII в. // Искусствознание. М., 2011. № 3–4. С. 247–275.
- Мазур Л.Д.* Осадные дворы в XVII столетии (по материалам Владимира, Суздаля, Шуи) // АН. М., URSS, 2015. № 62. С. 67–86.
- Мазур Л.Д.* Осадные дворы Владимира, Суздаля, Шуи и Переславля Залесского в XVII столетии // «Археология Владимиро-Суздальской земли». Вып. 6. М., 2016. С. 92–125.
- Мазур Л.Д.* Подворные владения на территории г. Владимира нач.XVII в. (Авторская реконструкция) // 250 лет Московской архитектурной школы. Материалы научной конференции. М., «Ладья», 2002. С. 83–86.
- Мазур Л.Д.* Русский город XI–XVIII веков. Тула, 2006.
- Мазур Л.Д.* Укрепления кремля и посада Владимира в XVII в. // Академический вестник. УралНИИпроект РААСН. Екатеринбург, 2012. № 2. С. 44–49.
- Мазур Л.Д.* Церковь и ее владения в Шуге в течение XVII в. // АН. М., URSS, 2005. № 46. С. 87–95.
- Меновая грамота посадского Василия Матвеева сына Канунникова строителю приписного в Троице-Сергиеву монастырю Георгиевского гороховецкого монастыря Иосифу Ястребову на двор на Большой Проезжей улице за другой двор в городе Гороховце. 7140/1721 год. РГАДА. Ф. 281. Грамоты архива Коллегии Экономии (коллекция). Дело № 25/3630.
- Мировая запись-обязательство посадских Федора Алексея сына Опарина и Сидора Андреева сына Воронова архимандриту Троице-Сергиева монастыря Дионисию с братьею о ежегодной выплате оброка за троицкое дворовое место на посаде в городе Гороховце. 7135/1627 год. РГАДА. Ф. 281. Грамоты архива Коллегии Экономии (коллекция). Дело № 3/3608.
- Наказ из Новгородской чети Захарью Васильевичу Быкову и подьячему Пятому Колобову для описания посада Гороховца. 1627 г. 22 июля. В кн.: Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Под ред. С.Б. Веселовского. Т. 1. М., 1913, С. 567–581.
- Памятники истории и культуры Владимирской области. Владимир, 1996.
- Переписная книга Гороховца писцов Поместного приказа Афанасия Семеновича Отяева и подьячего Казарина Немирова. 1646 г. Подлинник РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 953. Л. 1184–1219.

- Переписная книга Гороховца писцов Поместного приказа Семена Ивановича Кольчева и подьячего Харлама Юрлова. 1678 год. Подлинник. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 15410. Л. 1–19.
- План города Гороховца (проектировочный). РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания городов. Оп. 1/1. Ед. хр. 266.
- План города Гороховца с поселенными при нем слободами. РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания городов. Оп. 1/1. Ед. хр. 257.
- Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. Сост. А. Ратшин. М., 2000.
- Проектный план города Гороховца, утвержден в 1788 г. РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания городов. Оп. 1/1. Ед. хр. 259.
- Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII–XVII вв. В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
- Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков. Под ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1993.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Ч. 2. М., 2009.
- Седова М. В.* Древнерусские города низовья реки Клязьмы. Автореферат диссертации. М., 1972.
- Скворцов А.* Народное зодчество Гороховца // Декоративное искусство СССР, 1975, № 10. С. 36–39, 43.
- Скворцов А.* Палаты гороховецкого посада // Памятники отечества. М., 1982, № 5. С. 94–99.
- Скворцов А., Строгова Л.* Гороховец. Фотоальбом. М., 1985.
- Соболев Н.* Никольский монастырь в городе Гороховце Владимирской губернии. Древности. Т. IV. М., 1912.
- Сотная грамота писцов Захария Васильевича Быкова и подьячего Пятого Колобова с их же писцовой книги 1628-го года. 1628 г. // ВГВ. 1865. № 29. С. 187.
- Сотная грамота писцов Петра Ивановича Протопопова и подьячего Макара Протопопова с писцовой книги 1676-го года писцов Петра Ивановича Протопопова и подьячего Бориса Батманова. 1687 г. // ВГВ. 1865. № 29. С. 188–189; № 30. С. 193–194; № 31. С. 201–202.
- Столетов А. В.* Памятники архитектуры Владимирской области. Владимир, 1958.
- Тиц А. А.* Каменное посадское жилище на Руси в XVII в. // Жилищное строительство, 1969. № 7. С. 23–25.
- Тиц А. А.* Каменные жилые дома XVII – начала XVIII века в Гороховце // Памятники культуры. Вып. 4. М. –Л., 1963. С. 44–55.
- Тиц А. А.* По окраинным землям Владимирским. серия «Дороги к прекрасному». М., 1969.
- Тиц А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1966.
- Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Под ред. Л. Бакмейстера. Т. 1. Ч. 1. Спб., 1771.
- Увеличенный план города Гороховца. Части 1–6. РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания городов. Оп. 1/1. Ед. хр. 260–265.
- Ушаков Н. Н.* Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913.
- Чертеж монастыря. Гороховец. 1722 г. РГВИА. Ф. 349. Главное военно-техническое управление. Оп. 12. № 1269.

Каменная архитектура Гороховца XVII века: типологический анализ и вопросы стиля

Архитектурный ансамбль Гороховца представляет собой исключительный художественно-градостроительный памятник в силу своей хорошей и полной сохранности, что позволяет представить себе эстетическую сторону жизни позднесредневекового города во всем ее многообразии, оценить особенности его культурной ситуации в целом. Ядро комплекса гороховецких каменных сооружений появилось в очень короткий период – за 10–15 лет конца XVII – первое десятилетие XVIII в. В благоприятной экономической обстановке частное и городское строительство приобрело характер строительного бума, и это в полной мере отразилось на его художественных особенностях.

Типологический каталог каменных зданий Гороховца содержит практически все известные архитектуре XVII столетия позиции: несколько типов каменных палат, бесстолпные церкви, ярусные шатровые колокольни и столпные соборы. За последние годы XVII и первое десятилетие XVIII в. в небольшом, деревянном до тех пор, городе было возведено столько жилых каменных строений, что городу мог бы позавидовать любой куда более крупный древнерусский центр. Среди гороховецких палат есть дома «глаголем», т. е. построенные в виде буквы Г, однокамерные палаты, напрямую связанные с русской деревянной избой, и дома с новой для конца XVII в. планировкой – многокомнатные с коридорной системой и внутренней лестницей (Андреев Н. И., Скворцов А. И., 1988. С. 68–81; Памятники истории и культуры Владимирской области, 1996; Скворцов А. И., 2004. С. 231–235). Больших результатов в изучении древнерусской жилой архитектуры и, в том числе, гражданской архитектуры Гороховца, достиг Алексей Алексеевич Тиц (Тиц А. А., 1963; Тиц А. А., 1966; Тиц А. А., 1969. Каменное...; Тиц А. А., 1969. По окраинным...). Исследователю принадлежат атрибуция и первичные датировки гороховецких каменных палат. В основном дома были датированы широким промежутком между 70–80-ми годами XVII в. и началом XVIII в. Пока не найдено новых архивных материалов, документировано уточнить время строительства невозможно, но можно внести небольшие коррективы благодаря особенностям стиля декорации наличников.

К типу трехчастных палат принадлежит двухэтажный так называемый «дом Сапожникова–Ершова». Принадлежность дома фамилии Сапожниковых установлена по поздним документам XVII в. По данным исследователей, дом строил «гостиной сотни человек Семен Ершов» (Потапов А. А., 1903. С. 177; Тиц А. А., 1963. С. 47–49), который выступил инициатором строительства многих каменных зданий Гороховца. А. А. Тиц датирует постройку по ее конструктивным особенностям 70–80-ми годами XVII в. (Тиц А. А., 1963. С. 47; Скворцов А. И., 2004. С. 231). Фасады палат украшены наличниками, стиль которых может подтвердить эту датировку с небольшой корректировкой. На фасадах

представлены как наличники из каталога форм зрелого узорочья с килевидными перспективными навершиями, так и наличники стиля последней четверти столетия – нарышкинского. Наличники дома Сапожникова–Ершова являются в стилевом плане переходными, что соответствует 70–80-м годам XVII в., но они не могли появиться здесь ранее самого конца 1680-х гг. Такие формы впервые появляются в московских памятниках в середине 1680-х гг., поэтому необходимо заложить некоторое время для того, чтобы они стали воспроизводиться в провинции.

К переходному этапу относится и «Дом Шумилиной», названный также по поздним сведениям (Тиц А. А., 1963. С. 52–53). По своему типу он принадлежит к жилым постройкам Нового времени с последовательным, анфиладным расположением комнат. Использование здесь подобного типа жилого дома может быть связано с тем, что палаты встроены в корпуса монастырских келий и занимают небольшую их часть. Однако в светском жилом строительстве последовательное расположение комнат характерно уже для периода классической архитектуры. Возведение дома в XVII в. связано с именем купцов Ширяевых, которые, по архивным сведениям, продолжали владеть палатами до 1823 г. (Андреев Н. И., Скворцов А. И., 1988. С. 74). На фасадах дома размещены наличники как узорочья, так и нарышкинского стиля, что опять же датирует палаты не ранее самого конца 1680-х гг.

Палаты Судоплатова на главной площади города имеют трехчастную структуру плана и сводчатые перекрытия (Тиц А. А., 1963. С. 45–46). Декорация наличников упрощена по сравнению с домами Сапожникова–Ершова и Шумилиной.

Двухэтажные палаты Серина также имеют трехчастную схему плана с пристроенной лестницей и светелкой, появившимся позднее постройки самого дома – к самому концу XVII в. (Тиц А. А., 1963. С. 49–51). В декорации фасадов палат использованы только нарышкинские формы, причем в развитом варианте. Это может говорить о более поздней дате строительства палат, либо о замене наличников на их стенах на более современные формы.

Дом Канунникова – многокомнатный двухэтажный дом со встроенной лестницей и сводчатыми перекрытиями, практически лишен стилевой декорации. А. А. Тиц датировал его самым концом XVII – началом XVIII в. по особенностям планировки и конструктивных решений (Тиц А. А., 1963. С. 51–52).

Анализируя стиль фасадной декорации гороховецких палат, нельзя не отметить закономерность, которая помогает в определении места этой архитектуры в общероссийском художественном процессе. Строительный бум Гороховца пришелся на время, когда отходил в прошлое стиль узорочья, господствующий почти полвека в столице и с небольшим запаздыванием в провинциях. Ему на смену нарождались новые стилевые направления, связанные с западноевропейскими влияниями последней четверти XVII в. Все формы узорочья на фасадах гороховецких палат и качество их исполнения говорят о том, что мастер был знаком с лучшими московскими образцами этого направления. Чего нельзя сказать о первых нарышкинских формах в Гороховце. Наличники с разорванным фронтоном, являющиеся отличительным знаком нарышкинской

архитектуры, здесь исполнены так, что можно предположить, что декоратор знал эти формы только по рассказам и изготавливал их, руководствуясь устным описанием, не видя лучших образцов нарышкинских наличников. Но уже на фасадах палат Серина форма наличников приобретает первоклассный, вполне столичный характер. Эти стилевые атрибуты могут служить дополнительными аргументами в датировке гороховецких памятников.

Наравне с палатным строением в Гороховце в конце XVII столетия серьезными темпами идет церковное строительство. Посадская пятиглавая бесстолпная церковь Воскресения (Андреев Н. И., Скворцов А. И., 1988. С. 56–59) строится в последней четверти XVII в. – с парадным северным крыльцом, гигантской западной папертью и наличниками из каталога форм зрелого узора, выполненными высокопрофессиональным мастером. Разворачивается широкое монастырское строительство (Андреев Н. И., Скворцов А. И., 1988. С. 53–68; Скворцов А. И., 2004. С. 235–238). В короткий срок, за два последних десятилетия XVII в., сразу четыре городских и пригородных монастыря получают законченные ансамбли: Никольский, Сретенский, Знаменский и Флорищева пустынь.

Наивысшей ступенью в иерархии русской средневековой церковной архитектуры является столпный собор, возведение которого связано с определенными трудностями, и было доступно только очень состоятельным заказчикам. В Гороховце и в недалеком пригородном монастыре в конце столетия было сооружено два четырехстолпных собора.

Флорищева пустынь, небольшая и совсем не древняя обитель, была основана на границе Владимирских и Нижегородских земель, недалеко от Гороховца, на высоком берегу реки Лух, на так называемых Флорищевых горах «в половине XVII в.» (Георгиевский В., 1896; Орлов С. А., 2002; Православные монастыри. Путешествие по святым местам, 2011). Как и некоторые другие монастыри, основанные в XVII в., Флорищева пустынь имеет собственную летопись, сохранившуюся и литературно обработанную историками XIX в. Благодаря монастырскому архиву мы получили подробно документированную начальную историю обители.

Грамоты царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа, благословляющие монахов строить первую деревянную церковь Успения с пределом Ефрема Сирина датированы 1651 годом (Георгиевский В., 1896. С. 305–307). В 1653 г. в обители появляется человек, с именем которого связан последовавший расцвет монастыря, в частности, и возведение каменного собора. Во Флорищеву пустынь, прослышав о ее уединенном расположении, пришел 22-летний инок Иларион, человек, обладавший многими талантами и волей для претворения в жизнь своих идей, молодой подвижник, впоследствии сделавшийся Суздальским митрополитом (Георгиевский В., 1896. С. 27; Орлов С. А., 2002. С. 23).

До 1677 г. Флорищева пустынь вела довольно скромную жизнь, но в январе этого года состоялось знакомство Илариона и юного царя Федора Алексеевича, после которого начались многочисленные и весомые царские пожертвования на монастырь (Георгиевский В., 1896. С. 59–65). Благословенная грамота на постройку собора от патриарха Иоакима датирована январем 1678 г., к тому же году

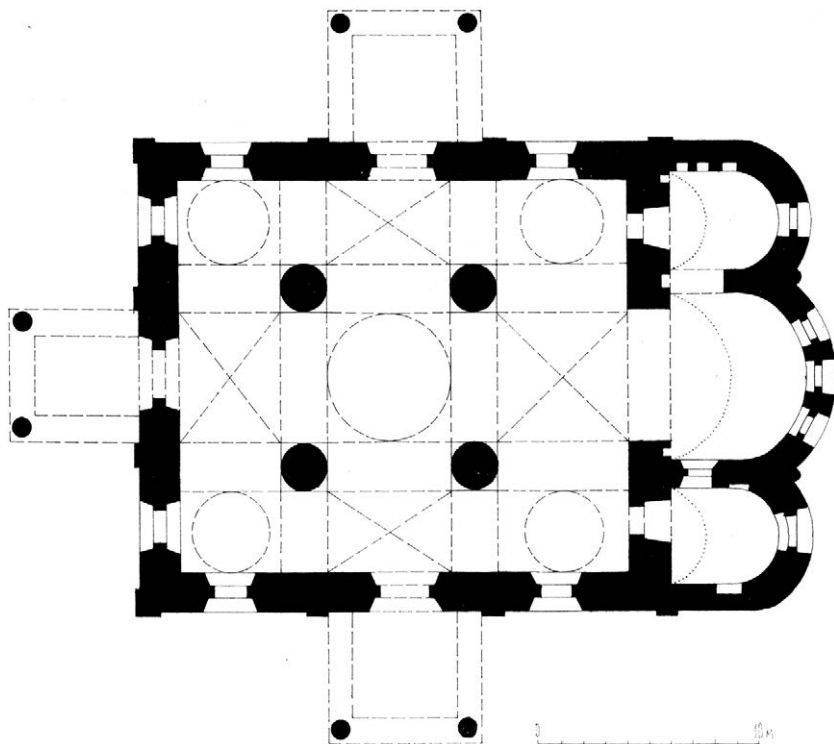

Рис. 1. Успенский собор Флорищевой пустыни. План

относятся грамоты царя Федора Алексеевича о предоставлении необходимых строительных материалов во Флорищеву пустынь и грамоты, повелевающие все уже заготовленные строительные материалы в ближайшей округе свозить туда на постройку каменного собора. Закладка собора осуществилась осенью 1680 г., а через год, 30 сентября 1681 г., произошло торжественное освящение храма, в котором участвовал царь Федор Алексеевич и смоленский митрополит Симеон, еще один приближенный молодого царя.

В описании Флорищевой пустыни XIX в. как об известном факте говорится о том, что образцом для первого каменного собора монастыря послужил Покровский собор дворцового села Измайлова (Георгиевский В., 1896. С. 65). Правда, ни в одной грамоте, содержащей какие-либо указания на Успенскую церковь, нет ни слова о Покровском измайловском храме. Как легенду автор XIX в. рассказывает, что Илариону было предоставлено самому выбрать образец, и он остановился на недавно построенном Покровском соборе. Действительно, архитектура монастырского собора сильно ориентирована на царский памятник, но в чем-то была от него отлична, потому что использовала и другие образцы.

Измайловский собор был заложен и почти завершен при царе Алексее Михайловиче, но освящен уже после его смерти, в 1679 г. При Федоре Алексеевиче, который продолжал строительство в Измайлове, комплекс развивался

Рис. 2. Успенский собор Флорищевой пустыни. Вид с юго-запада. Фото В.М. Рудченко, 1996 г.

и стал приобретать всё более парадный, репрезентативный, дворцовый характер. Центр ансамбля, Покровский собор – программный памятник, его архитектура – своеобразный манифест нового соборного сооружения, идеального четырехстолпного храма второй половины XVII столетия. В его композиции присутствуют абсолютные новшества, происходящие, как представляется автору данной статьи, из заявленной заказчиком ориентации на абстрактный греческий храм. Им мог быть обобщенный средневизантийский храм типа вписанного креста с присутствующими ему основными признаками построения внутреннего пространства. Есть в соборе черты, отсылающие к соборному образу первой половины XVII в., ключевому памятнику этого времени – Новоспасскому собору, и, наконец, черты, об-

щие для соборных сооружений домонгольского времени.

Узловыми чертами композиционной формулы памятника являются: 1) последовательная центричность внутреннего пространства с четырьмя интерьерными столбами, с выходящими в него пятью световыми барабанами и иконостасом у восточной стены; 2) нерасчлененность уровня сводов, когда подпружные арки не выявлены и слиты со сводами, как в византийских памятниках и как были устроены своды в московском Успенском соборе до их перекладки в 1620-х годах; 3) крупное тесное пятиглавие; 4) гигантские парные окна, объединенные на фасадах в единую арочную нишу; 5) первоначальное устройство трех входных сводчатых палаток; 6) характерный белокаменный и изразцовый декор, принадлежащий к лучшим образцам московского узорочья.

Подчеркнем, что перечисленный сложный комплекс черт здания-первопамятника, «исправленного» по византийским и древним отечественным образцам; здания, через архитектуру которого транслировались важнейшие идеологические взгляды своего времени, этот комплекс черт должен был считываться в первую очередь государственно-церковными заказчиками – архиереями, наместниками крупных монастырей и игуменами небольших обителей, сталкивающимися в повседневной жизни с последствиями религиозного раскола середины века. Государственная заинтересованность в повторении утвердившейся композиционной схемы четырехстолпного храма выразилась в текстах храмозданных грамот, во множестве выданных во второй половине столетия. В них, как и в грамоте на строительство собора во Флорищевой пустыни,

наказывается верх делать нешатровым, алтарь – круглым тройным и в храм устраивать три входа. В такой, до предела обобщенной, формуле отсутствует регламентация многих существенных сторон архитектурной композиции храма, выбор которых оставался за заказчиком.

Важнейшим свойством, воплощенным в соборе Флорищевой пустыни с прямой ориентацией на Измайлово, является его центричное пространство с иконостасом у восточной стены, пятью выходящими в наос световыми барабанами и четырьмя внутренними опорами. Всего соборов подобного типа во второй половине XVII в. пятнадцать штук. Собор Флорищевой пустыни можно назвать наиболее последовательным повторением измайловского, несмотря на многочисленные отступления от созданной в царском памятнике композиции.

Его четверик меньше по габаритам и не квадратный в плане, то есть пропорции его плана смещаются в сторону привычных древнерусских: четверик вытягивается по оси запад-восток. Из-за этого растягиваются внутренние ячейки, причем очевидно, что более всего хотели увеличить ширину ячеек восточной части наоса – для устройства широкой солеи, видимо сразу предполагая возможность ведения в соборе небольшой обители пышных и многолюдных богослужений. Из-за большей растянутости восточных ячеек восточные световые барабаны пришлось опирать на вспомогательные элементы – своеобразное сочетание парусов и тромпов, приводящих прямоугольник к квадрату и кругу.

В отличие от Измайлова своды здесь опираются на выраженные пониженные подпружные арки, более привычные в древнерусском столпном сооружении. Все некупольные ячейки флорищевского собора перекрыты крестовыми сводами с горизонтальными щельгами, расположенными на одном уровне между собой и с опорными кольцами световых барабанов. Использование крестовых сводов и стремление соблюсти так называемую «зальность» (расположение сводов без высотных перепадов, на одном уровне) всегда может служить указанием на московский кремлевский кафедрал – собор Фиораванти, и на присутствие царской заинтересованности в обстоятельствах заказа сооружения. Этот же след угадывается и в использовании круглых столбов с кубовидными капителями.

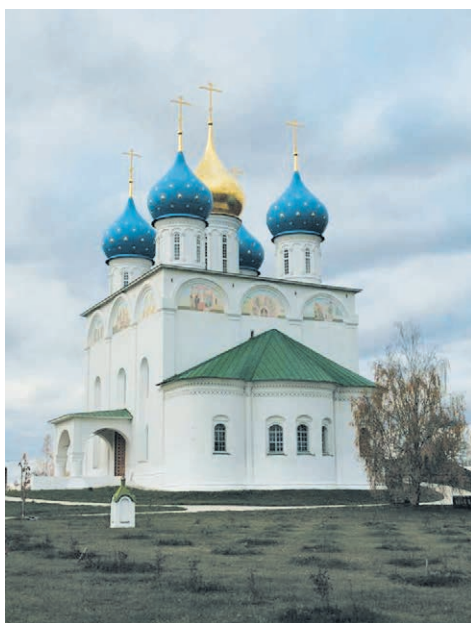

Рис. 3. Успенский собор Флорищевой пустыни. Вид с юго-востока. Фото автора, 2013 г.

Присутствие круглых столбов в интерьерах XVII в. – всегда знак исключительности – встречается он каждый раз в постройках, связанных с царским заказом. Отсутствие круглых столбов в измайловском соборе может свидетельствовать лишь о том, что в нем программно воплощался качественно иной образ, опирающийся на другие образцы, что было инициировано царским заказом. Круглые опоры придают интерьеру храма дополнительную пространственность и воздушность: и, хотя круглые опоры в русской архитектуре XVII в. очень далеки от византийских мраморных почти маньеристических колонок, но они и не сопоставимы с инертными прямоугольными столбами, затесняющими пространство древнерусского столпного храма с иерархичным разноуровневым интерьером. Пространственный образ, рождаемый ими – рациональный, светлый, по своему смыслу приближается к интерьерным образам столичных средневизантийских храмов.

Круглые столбы внутри храма «измайловского типа» впервые появились не в соборе Флорищевой пустыни. Соединение двух образцов – кремлевского Успенского и измайловского, произошло чуть раньше – в коломенском Успенском соборе, начатом в 1672 г. и освященным в 1682 г. Правда, столбы коломенского храма немного отличаются от столбов флорищенского – в их основании устроены круглые базы, а опоры флорищенского храма поставлены на квадратные постаменты. Весь интерьер коломенского собора отличен от флорищенского более интенсивным освещением, что объясняется иным расположением окон на фасадах. В соборе Коломны, хотя по своему типу храм и является последователем Измайлова, были использованы и другие образцы, отсылающие нас к более ранним памятникам XVII в. Квадратные же постаменты у круглых столбов впервые стали появляться с конца 60-х годов XVII в. и связаны они, по мнению исследователей, с появившимися примерно в это время в московском Успенском соборе пристолпными киотами для икон, загораживающими круглые базы и превращающими их зрительно в квадратные постаменты (Седов В. В., 1998). Так что флорищенские столбы сделаны под непосредственным влиянием интерьера Успенского собора Фиораванти 1660-х гг.

Вернемся к системе освещения собора Флорищевой пустыни. Уровень сводов в нем действительно освещен значительно хуже, чем можно предположить, глядя на большие окна постройки. Устройство окон здесь почти дословно скопировано с измайловского храма и те особенности, которые присутствуют в нем, перенесены дословно во Флорищи. Верхние окна в интерьере расположены низко, а света из барабанов не хватает на некупольные компартименты. На фасадах пары окон объединены одной арочной нишей, причем, если в Измайлове окна действительно громадные, то во Флорищах они значительно уменьшены, но все равно не превратились в щелевидные – это очень крупные арочные проемы, расположенные ниже обычного расположения окон в соборных сооружениях. Из-за различия в высоте проемов – в Измайлове ниша доходит почти до нижней горизонтали закомар, во Флорищах же она помещена значительно ниже – естественно, что света в верхнем уровне храма не хватает.

Прием объединения окон в нише считался, по-видимому, важным, так как был повторен строителями на фасадах церкви при трапезной монастыря,

возведенной уже в самом конце XVII в. Здесь в одну нишу с окном на северном фасаде попала и дверь.

Еще один значительный, говорящий элемент, перешедший из объемной композиции Измайлова также с изменениями, это палатки над тремя входами в храм. В измайловском соборе палатки были устроены в виде открытого, с крестовыми сводами, крыльца на двух столбах, перекрытого пышной, репрезентативной бочкой. Сохранившееся западное измайловское крыльцо украшено белокаменными деталями, сдвоенными колонками, обводами, дверной проем обрамлен наборными белокаменными элементами из арсенала узорочья – палатка в целом является сильным декоративным акцентом, притягивающим внимание при подходе к храму. Генеральное решение открытого сводчатого крыльца с висячими гирьками появилось здесь опять же из Успенского собора Фиораванти. Однако тема оформления всех трех входных порталов объемными сооружениями была введена в XVII в. патриархом Никоном в соборе Валдайского монастыря, где ее происхождение можно искать в греческих образцах (Вдовиченко М. В., 2000). Входная палатка флорищенского собора взяла лишь общее решение из Измайлова – тип открытого крыльца на двух колонках; драгоценных белокаменных деталей здесь нет, но их места занимают упрощенные элементы – круглые столбы с кубовидными капителями, карнизы-тяги и плоские угловые пилястры. Важным здесь является отказ от сводчатого перекрытия объема и замена его плоским деревянным настилом с невысокой скатной кровлей – прием, распространившийся во второй половине столетия в каменной архитектуре. Там, где нужно было упростить и удешевить проект, при этом сохранив значимый элемент композиции, зодчие шли на такое решение.

Пятиглавие флорищенского собора также отличается от плотного тесного пятиглавия Измайлова. В обоих храмах использован один образец, интерпретированный по-разному в царском и монастырском соборах – это собор Новоспасского монастыря, пятиглавие которого стало эталонным для всей соборной архитектуры XVII столетия (Вдовиченко М. В., 2014; 2016). В Измайлове пятиглавие было еще укрупнено и доведено до крайней степени монументальности, во Флорищах пропорции были приспособлены для меньшего по размерам сооружения. Декоративное же решение барабанов практически одинаково, только в Измайлове добавлен изразцовый фриз, а во Флорищах исчез пояс кокошников в основании. Пояс ширинок, аркатурно-колончатые фризы, заключающие в себе окна, и валиковые тяги присутствуют на обоих пятиглавиях – причем, выполнены с одинаково высоким рельефом отдельных элементов. Подобная декорация пятиглавия является традиционной и, за исключением особых случаев, не служит стилистическим маркером.

В современной композиции флорищенского храма характерных декоративных элементов, позволивших бы нам сделать выводы о стилистической принадлежности памятника, очень мало. Возможно, отдельные элементы исчезли во время ремонтов и поновлений, бывших во множестве за время существования храма (о советском периоде см.: Галай Ю. Г., 2009).

Через 20 лет после строительства собора во Флорищевой пустыни в Гороховце, на средства местного богатейшего купца, члена гостиной сотни, Семена

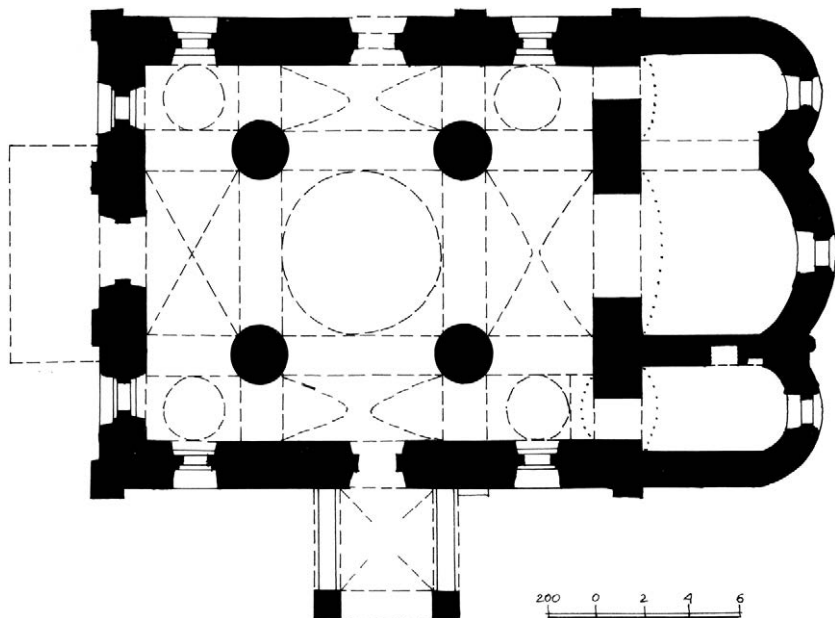

Рис. 4. Благовещенский собор в Гороховце. План

Ершова был построен городской каменный Благовещенский собор, сменивший на этом месте деревянное сооружение. Храм был освящен в 1700 г.¹ (Ушаков Н. Н., 1913. С. 427–429). Историки представляют обстоятельства его постройки как результат соперничества главнейших купеческих кланов Гороховца – Ширяевых, Ершовых и Опариных (Тиц А. А., 1969. С. 134–135). Сначала, как мы видели, соперничество шло в плоскости строительства каменных палат, а потом перекинулось на церковные сооружения. Флорищева пустынь могла быть подшефным объектом семьи Опариных, так как в ее ризнице отмечено несколько весомых вкладов от их семьи, хотя и вклады Ершовых также присутствуют в описи ризницы. Строительство Ершовыми каменного городского собора вполне укладывается в рамки архитектурного «ответа» на «вызов» ближайших соседей.

Правда, именно флорищенский собор был выбран в качестве образца для нового городского собора, а в более далекой перспективе образцом рассматривался измайловский собор. Храм еще уменьшился, сохранив при этом немного вытянутые по оси запад-восток пропорции, но изменив высотные пропорции и пропорции внутренних ячеек: средний неф заметно расширился, боковые, соответственно, сузились; компартименты, соответствующие солее, не выделялись, в то время как алтарные полукружия сильно расширились. Высота

¹ Эта дата приведена практически во всех исторических работах. Только в рукописной метрике Благовещенского собора 1887 г. датой основания храма назван 1709 г. (ОР НА ИИМК РАН).

гороховецкого собора тоже уменьшилась, поэтому его четверик выглядит более приземистым. Но все компоненты объемной композиции храма во Флорищах перенесены в новый собор – три входные палатки, из которых дошла до нас только южная, более разреженное пятиглавие, тройной алтарь, и парные окна в вертикальной арочной нише. Дословно зодчие повторили декорацию алтарных полуциркульных, разделенных между собой трехчетвертными колонками.

На абсидах размещен специфический фриз из пояса городков, частично утраченного, и ажурного ж-образного пояса, встречающегося в других зданиях Гороховца и характерного для региональной верхневолжской архитектуры периода узорочья. Аркатурно-колончатые фризы на барабанах и украшение абсид составляют всю небогатую декорацию двух памятников. Можно предположить, что в монастырском соборе скудость декорации была предусмотрена сразу по каким-либо причинам – монастырским строгим правилам или специальным распоряжением властей не повторять пышность белокаменного декора измайловского храма. Отсутствие декорации в соборе, выстроенного на средства одного из богатейших гостей, можно объяснить лишь условиями последовательного копирования образца.

В интерьере гороховецкого памятника изменения заметны больше и связаны они с уже отмеченной иной организацией внутреннего пространства – выделением среднего нефа и сужением боковых, из-за чего центральный барабан значительно увеличивается в диаметре по сравнению с боковыми. Эти приемы могли бы поставить гороховецкий храм в один ряд с крестово-купольными сооружениями традиционной иерархической структуры, но этого не происходит. Причина заключается в тех новшествах, которые были почерпнуты из интерьерной композиции образца – центричности пространства, крестовых сводов, расположенных в одном уровне, и, конечно, круглых опорах, которые придают интерьеру дополнительную степень свободы.

Хотя круглые столбы гороховецкого собора тонкими назвать невозможно, они больше в диаметре столбов флорищенского храма и собора Фиораванти, но даже такие гиганты не затесняют пространство. В гороховецком соборе вольно или невольно даже исправили ошибки монастырского храма: его верхние окна подняты выше и, соответственно, лучше освещают верхнюю зону

Рис. 5. Благовещенский собор в Гороховце. Вид с юго-востока. Фото автора, 2013 г.

сооружения. Несмотря на то, что в городском соборе произошло некоторое отталкивание от чистоты образа монастырского храма в сторону большей традиционности, памятник сохранил значительную степень новизны, и однозначно определяется как дистанцированная копия измайловского собора.

Во флорищенском соборе, где ориентация на Измайлово была заявлена первоначально и воплощалась последовательно, мы имеем качественную, тонкую и умную реплику царского храма, отличающуюся от него лишь большей скромностью в деталях, а в отдельных приемах даже пытающуюся его улучшить. В случае собора в Гороховце, новаторские черты образца сглаживаются и приспособляются к привычным строительным приемам, заметно отступая от свойств первопамятника. Однако новаторского импульса Измайлова достаточно, чтобы в соборе воплотились все основные черты столичного образца.

В дополнение к сказанному о наземных частях сооружений необходимо констатировать, что и подземные конструктивные части построек Гороховца и Москвы очень схожи между собой. Фундаменты Благовещенского и измайловского Покровского соборов устроены с использованием одних и тех же приемов: они неглубокие по залеганию, в их кладке использованы небольшие по размерам валуны (в среднем 15×20–25 см), составляющие 3–5 рядов фундаментного основания (в основаниях Благовещенского собора использованы наравне с валунами квадры белого камня). Нижние, немного большие валуны положены в прямоугольный в сечении фундаментный ров и пролиты известковым раствором, замешанным с битым кирпичом. Аналогичные неглубокие фундаменты из рваного туфа были раскрыты и под Воскресенской церковью и под корпусами келий Сретенского монастыря в Гороховце.

На примере двух храмов, находящихся на одной из высших ступеней типологической иерархии русской средневековой архитектуры, – четырехстолпных соборов, и целого комплекса гражданских зданий можно заключить, что каменная архитектура Гороховца последней четверти XVII в. демонстрирует энергичную включенность в общерусский художественный процесс. В наиболее важных церковных объектах используется новейший тип храма, рожденный в царском измайловском соборе московскими архитекторами. Он мастерски воплощается – даже с некоторыми усовершенствованиями – в первом монастырском храме и делает шаг к традиционности в городском соборе. При этом оба собора не являются стилистически ярко окрашенными объектами. Стиль проявляется на фасадах жилых домов, где в начале отражает тенденции уходящего узорочья, а затем примеры совершенно нового, также столично-придворного, нарышкинского стиля.

Таким образом, и в жилой и в церковной архитектуре Гороховца последняя четверть XVII в. отмечена, по меркам позднесредневекового города, настоящим строительным бумом. Одновременно в короткий промежуток времени возводится множество каменных строений различного назначения. Это говорит о том, что в городе работало множество мастеров различных строительных специальностей, за которыми должны были приходиться мастера-иконники, художники стенового письма и мастера, связанные с украшением интерьеров. Все они являлись носителями определенного творческого опыта,

который воплощался в местных памятниках. Художественная жизнь Гороховца в конце XVII в. была исключительно насыщенной и богатой – это время можно считать наивысшим взлетом местной художественной культуры, черпающей вдохновение в столичных образцах.

Список литературы и источников

- Андреев Н.И., Скворцов А.И.* Гороховец. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1988. 109 с.
- Вдовиченко М.В.* Собор Валдайского Иверского монастыря // Новгородские древности / Архив архитектуры. Вып. XI. М., 2000. С. 256–288.
- Вдовиченко М.В.* Архитектура и образ собора Новоспасского монастыря // Архитектурное наследие. Вып. 61. М., 2014. С. 22–37.
- Вдовиченко М.В.* Влияние архитектуры собора Новоспасского монастыря на соборные храмы середины – третьей четверти XVII века // Архитектурное наследие. Вып. 65. М. – СПб., 2016. С. 16–33.
- Галай Ю.Г.* Флорищева пустынь в послевоенное время // Нижегородская старина: Краеведческо-историческое издание. Вып. 19–20. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского Вознесенского Печерского мужского монастыря, 2009. С. 68–76.
- Георгиевский В.* Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896. 416 с.
- Косаткин В.В.* Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX в. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 8. Владимир, 1906.
- Орлов С.А.* Флорищева пустынь. Нижний Новгород: Издательство Братства св. Александра Невского, 2002. 320 с.
- Памятники истории и культуры Владимирской области. Каталог. Владимир: Издательство «Покров», 1996. 520 с.
- Отдел рукописей научного архива Института истории материальной культуры РАН. Р–III, № 397. Метрика. Холодный Благовещенский собор.
- Потапов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры. Вып. 2. Б. м. Б. и., 1903. Православные монастыри. Путешествие по святым местам. № 107. Свято-Успенская Флорищева пустынь. М., 2011. 31 с.
- Седов Вл.В.* Влияние интерьера Успенского собора Московского Кремля на памятники XVII в. // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город. М., 1998. С. 107–109.
- Скворцов А.И.* Народное зодчество // Традиционная культура Гороховецкого края. Т. 1. М., 2004. С. 223–247.
- Тиц А.А.* Каменные жилые дома XVII – начала XVIII века в Гороховце // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 4. М. – Л., 1963. С. 44–55.
- Тиц А.А.* Русское каменное жилое зодчество XVII века. М.: Наука, 1966. 355 с.
- Тиц А.А.* Каменное посадское жилище на Руси в XVII в. // Жилищное строительство. № 7. М., 1969. С. 23–25.
- Тиц А.А.* По окраинным землям Владимирским. М.: Искусство, 1969. 143 с.
- Ушаков Н.Н.* Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир: Б. и., 1913. 497 с.

Из недавних архивных находок: новые и повторно выявленные документы по истории Гороховца и его округи в XVII – начале XVIII в.

К числу наиболее серьезных трудностей, с которыми сталкиваются исследователи, занимающиеся изучением средневековых актов, относятся такие аспекты камеральной археографии как поиск новых источников и повторное выявление тех из них, что сейчас известны лишь по дореволюционным публикациям. Дело в том, что в XIX – начале XX в. значительная часть документов по-прежнему продолжала храниться не в специализированных архивных и музейных собраниях, а непосредственно в стенах соответствующих светских и духовных учреждений и в частных коллекциях. С приходом Советской власти подавляющее большинство таких материалов было взято на государственный учет в ходе проводившейся большевиками национализации материальных и культурных ценностей у представителей «эксплуататорских классов». Тем не менее насильственный, а порой и вовсе стихийный характер политики «экспроприации экспроприаторов», зачастую помноженный на непрофессионализм осуществлявших ее лиц, конечно, не могли не сказаться самым печальным образом на результатах этого процесса, приведя к безвозвратной утрате (вместе с разоренными дворянскими усадьбами, церквями и монастырями) и рассеянию среди разного рода «любителей старины» многих памятников письменности.

Наконец, социально-политические пертурбации первых послереволюционных лет привели к появлению еще одной категории рукописей. Речь идет о материалах, изъятых государством у прежних владельцев, но по тем или иным причинам надлежащим образом не описанных и потому на долгое время оставшихся недоступными для исследователей. Классическим примером тут может служить судьба архива Тихвинского Большого Успенского монастыря. Его научную обработку в 20-е годы XX в. пытались предпринять Б. Д. Греков и А. И. Андреев, но довести до конца свое начинание им не удалось; лишь в наши дни эта задача, наконец, была решена усилиями целого коллектива преподавателей, аспирантов и студентов СПбГУ и сотрудников Санкт-Петербургского Института истории РАН во главе с А. В. Сиреновым.

Именно к последней группе источников относятся недавние находки, сделанные в Государственном архиве Владимирской области (далее – ГАВО). В 2011–2015 гг. в архивохранилище по адресу г. Владимир, ул. Урицкого, д. 55 сотрудниками ГАВО было выявлено значительное число ранее неучтенных материалов середины XV – начала XX в. (в общей сложности 23 вязки, а также еще около двух десятков разрозненных документов); научным описанием наиболее ранних из них (то есть созданных не позднее середины XIX в.) автор этих строк

занимался в 2013–2016 гг. По итогам проведенной работы нам удалось установить принадлежность вновь обнаруженных бумаг всего более чем 20 различным фондообразователям; само же появление столь крупного по объему и сложного по наполнению «собрания» следует относить к периоду первых месяцев (если не недель) Великой Отечественной войны, когда Владимирскому филиалу Ивановского областного архива (чьим правопреемником является ГАВО) пришлось спешно завершать процесс комплектования коллекции Суздальского Покровского девичьего монастыря, причем основная масса уже обработанных к тому моменту источников была взята на государственный учет в состоянии «как есть» (к примеру, многие рукописи тогда оказались сшитыми в конволюты – чисто механически и бессистемно, порой даже с нарушением принципа фондовой принадлежности), а неразобранные и частично описанные документы оставлены в вязках «до лучших времен»¹. Кстати, в одной из них мы нашли краткую памятку с рекомендациями по упорядочиванию этих материалов, подготовленную

---

¹ Обозначенные выводы базируются на следующих соображениях. Имевшиеся на всех вязках архивные ярлыки фиксировали принадлежность этих документов только одному фондообразователю – Суздальскому Покровскому девичьему монастырю. И действительно, среди обнаруженных материалов бумаги оногo количественно преобладают – 1282 вновь сформированные единицы хранения, или почти 71% от совокупного объема рассматриваемого комплекса. Для ответа на вопрос о причинах подобного «доминирования» нужно обратиться к уже доступной исследователям ранее части коллекции рукописей данной обители (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 1–1868). Случайным образом мы отобрали из ее состава 60 дел; все они согласно листам-заверителям оформлялись непосредственно перед и в самом начале Великой Отечественной войны, причем – мы считаем это особенно показательным, – те из них, что описывались в мае – середине июня 1941 г. (это за крайне редким исключением материалы XVIII–XIX вв.), организованы по тематическому принципу и имеют индивидуальные содержательные заголовки; и напротив, сшивавшиеся в первой декаде июля 1941 г. пухлые конволюты (в них преобладают расклеенные столбцы XVI–XVII вв., порой «разбавленные» листовой россыпью и целыми тетрадами более позднего времени) характеризуются совершенно хаотичной внутренней структурой и столь же неопределенными заголовками. И так, теперь становится понятно, почему основу содержимого вязок составили преимущественно покровские документы – архивистам попросту далеко не все из них удалось надлежащим образом обработать летом 1941 г. В свете сказанного неясными остаются обстоятельства попадания в вязки рукописей иных духовных корпораций (вроде разбираемых подробнее чуть ниже источников из собраний Флорищевой пустыни и Гороховецкого Никольского монастыря), а также нескольких дворянских фамилий (Бутурлиных, Новиковых, Самсоновых и т. д.). Однако, принимая во внимание, во-первых, существование в ГАВО отдельных собраний примерно у половины определенных нами фондообразователей (а их, напомним, в общей сложности более 20), и во-вторых, присутствие подобных «посторонних» материалов не только в вязках, но и в ряде дел Описи 1 фонда Покровской обители (в качестве примера укажем источники, принадлежащие Суздальскому Василе-Кесарийскому и Спасо-Кукоцкому монастырям: ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 1. Л. 86–97; № 204. Л. 4–10; № 438; № 646. Л. 1–25, 28, 39–65, 71–101, 104–113 и т. д.), полагаем, что «примешиванию» документов прочих фондообразователей к покровским бумагам опять-таки могло поспособствовать спешное завершение процесса обработки последних в начальный период Великой Отечественной войны.

в 1981 г. Л. Владимировой². Почему данное предложение не получило дальнейшего развития (хотя бы в плане постановки содержимого вязок на государственный учет как неописанных единиц хранения), остается неясным.

Результаты проведенных нами изысканий представлены в предварительных пофондовых описях вновь выявленных документов, проходящих в настоящее время техническую выверку и окончательное оформление в отделе обеспечения сохранности документов и фондов ГАВО перед их последующим утверждением экспертно-проверочной комиссией архивного департамента администрации Владимирской области. Ниже в своем сообщении мы несколько подробнее остановимся на характеристике тех материалов, что непосредственно связаны с историей Гороховецкого края.

К их числу прежде всего необходимо отнести весьма объемную подборку актов из архива Флорищевой пустыни (вместе с приписным к ней Знаменским Красногривским монастырем)³. В них с достаточной полнотой отражены взаимоотношения властей обители с государственными и церковными структурами, преимущественно по следующим вопросам: внутреннее обустройство монастыря; предоставление и обеспечение его иммунитетных и владельческих прав на владения в Балахне, Москве, Владимирском, Гороховецком и Нижегородском уездах; уплата разного рода налогов и сборов и т. п. Все эти документы не просто дополняют доступный специалистам прежде комплекс известий, освещающих раннюю историю данной духовной корпорации⁴, но также имеют исключительную археографическую ценность, ведь почти две трети из них представлены подлинниками. Среди последних особо выделим 10 храмозданных грамот за период 1651–1703 гг., послание 1678 г. царя Федора Алексеевича строителю Флорищевой пустыни Илариону с просьбой молиться о победе русского оружия над вторгшимися в пределы страны турками и крымскими татарами, знаменитый наказ 1694 г. все того же Илариона (к указанному времени возведенного в сан митрополита Суздальского и Юрьевского) своему ученику и преемнику на посту настоятеля Иринарху о порядке управления вверенной ему обителью и, наконец, челобитные и сказки монастырских властей, повествующие о состоянии и нуждах пустыни в конце XVII – начале XVIII столетия. Попутно заметим, что по меньшей мере 20 флорищевских

---

² Скорее всего составителем рассматриваемой памятки являлась научный сотрудник Института русского языка АН СССР Л. А. Владимирова, которая как раз тогда вместе с коллегами по институту Л. Ю. Астахиной и Н. П. Панкратовой занималась выявлением и археографической обработкой большой группы документов из фондов ГАВО в рамках издательского проекта «Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край» (М., 1984).

³ Предварительный архивный шифр: ГАВО. Ф. 586. Оп. 2. № 1–80. Хронологические рамки дел: 1651–1738 гг.

⁴ После закрытия пустыни в 1923 г. имевшиеся в ней рукописи были вывезены во Владимир. В настоящее время основной массив документов обители находится в ГАВО (ГАВО. Ф. 586. Оп. 1. № 1–695); в Государственном Владимиро-Суздальском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (далее – ГВСМЗ) хранятся несколько подлинных актов третьей четверти XVII – середины XVIII в. (Собрание ГВСМЗ. № В-4088, В-4089, В-4091, В-4092, В-4108, В-4381, В-36204) и обширная монастырская библиотека.

актов были изданы в XIX в. (причем некоторые даже дважды)⁵, то есть их можно признать выявленными повторно.

Еще два обнаруженных нами источника принадлежат архиву Гороховецкого Никольского (ныне – Троице-Никольского) монастыря. Это указная грамота 1661 г. царя Алексея Михайловича нижегородскому воеводе Семену Артемьевичу Измайлову и дьяку Никите Наумову о даче тамошним инокам свечного воска и храмозданная грамота 1686 г. патриарха Иоакима гороховлянину Семену Ершову на постройку в обители Троицкой церкви с приделом во имя св. Николая Чудотворца⁶. Оба эти документа также представлены подлинниками и в свое время опять-таки уже публиковались⁷.

По завершении технической выверки, окончательного оформления и утверждения соответствующих пофондовых описей (ориентировочно это должно произойти в течение 2017 г.) рассмотренные выше документы станут доступны для заказа в читальном зале ГАВО. Мы выражаем надежду, что содержащиеся в них известия по истории Гороховца и его округа заинтересуют как профессиональных ученых, так и краеведов и будут активно использоваться ими в исследовательской работе.

Список литературы и источников

- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. IV. № 227, № 311.
- Владимирские губернские ведомости. 1847. № 30, 32. Часть неофициальная.
- Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 575. Оп. 1. № 1–1868.
- ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 1. Л. 86–97; № 204. Л. 4–10; № 438; № 646. Л. 1–25, 28, 39–65, 71–101, 104–113.
- ГАВО. Ф. 586. Оп. 2. № 1–80.
- ГАВО. Ф. 573. Оп. 2. № 22, 23.
- ГАВО. Ф. 586. Оп. 1. № 1–695
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. IX. № 26. С. 80; № 48. С. 121, 122;
- Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. М., 1984.
- Собрание Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее – ГВСМЗ). № В-4088, В-4089, В-4091, В-4092, В-4108, В-4381, В-36204.
- Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками / Сост. В. [Т.] Георгиевский. Вязники, 1896.

⁵ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. IV. № 227. С. 313, 314; № 311. С. 460–463; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. IX. № 26. С. 80; № 48. С. 121, 122; Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками / Сост. В. [Т.] Георгиевский. Вязники, 1896. С. 305–311, 316–333, 336–350.

⁶ Предварительный архивный шифр: ГАВО. Ф. 573. Оп. 2. № 22, 23. Хронологические рамки дел: 1661, 1686 гг.

⁷ Владимирские губернские ведомости. 1847. № 30, 32. Часть неофициальная.

Ремесла и промыслы села Павлово XVII века

Село Павлово находится на высоком берегу Оки. Первое упоминание о селе в источниках относилось к 1561 г. (Малышев, 2016. С. 84.). Центром села была крепость, существовавшая до 1640-х гг. Однако основной вектор развития Павлова связан с ремеслом и торговлей.

На достаточно высоком уровне ремесла и промыслы были развиты в Павлове уже в начале XVII в. Дозорная книга Павлова 1614 г. зафиксировала 6 мастеров-ремесленников, что составляло 2% от общего населения села (РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 525. Л. 2об.–7). Переписная книга 1621–1623 гг. показала 22-х мастеров. Ремеслом занимались и крестьяне (7 чел.), и бобыли (14 чел.), и один беломестец (РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17 Л. 2–21).

Данные отказной книги Павлова 1642 г. существенно отличаются от данных всех известных нам описаний села. Если, опираясь на другие источники, мы с уверенностью можем говорить, что непосредственно ремесленным производством занималось около 20% населения, то этот источник к числу ремесленников-мастеров относит 60% населения (Выпись с отказных книг..., 1930. С. 35–61). Источник был нацелен на доскональную фиксацию всех мастеров как основных налогоплательщиков. Следующее описание 1646 г. показало 121 мастера, что составило 19% от общего населения.

Жители Павлова освоили самые разнообразные ремесленные специальности. Если в дозорной книге Павлова 1614 г. было упомянуто всего 4 специальности, то в 1621–1623 гг. – уже 20, в 1642 г. – 45, в 1646 г. – 36. Динамика очевидна. В первой четверти века развивались металлообработка, деревообработка, кожевенно-скоряжное производство, медленнее развивается керамическое и кирпичное производство, прядение и обработка холста и шерсти, производство съестных припасов, что говорит о том, что многие крестьянские хозяйства производили все предметы первой необходимости самостоятельно. В середине XVII столетия развитие всех основных отраслей производства пришло в некое равновесие. На первое место вышли производство съестных припасов и кожевенно-скоряжное дело. Эти товары реализовывались здесь же на местном торге. Кузнечное, деревообрабатывающее и гончарно-кирпичное производства достигли своего наивысшего развития: в дальнейшем они развивались в основном за счет увеличения числа внутренних специальностей.

Отличительной особенностью развития ремесла в Павлове было сосредоточение производства в руках владельцев дворов, упоминания о соседях или захребетниках-мастерах единичны.

В конце 1660-х годов в Павлове число лиц, занятых в ремесленном производстве, сократилось по сравнению с серединой века, однако увеличилось число ремесленных специальностей. Если в 1646 г. их было 36, то в 1668 г. – 44. Именно во второй половине XVII в. в сфере металлообработки появились узкопрофессиональные специальности, такие как котельник, оловянщик;

а в 1678 г. были зафиксированы и специальности, связанные с изготовлением непосредственно оружия: пицальник, сабельник. С этими обстоятельствами было связано и появление бердника.

В Павлове значительное число мастеров было занято в сфере кожеобработки. Количество специальностей в этой области варьировалось от 5-ти до 9-ти, количество мастеров, занятых в данном производстве достигало 28% от общего числа лиц, занятых в ремесленном производстве. Наиболее востребованными были специальности: сапожник, сырмятник и кожевник. По мнению М. Я. Волкова, по численности работников кожевенное производство села Павлова превосходило многие города (Волков, 1973. С. 225).

Князь Я. К. Черкасский видел, что в его вотчине развивалось именно это направление производства, приказывает выстроить кожевенной двор. Точной даты постройки нам не известно. Единственное, что можно сказать с уверенностью, что он был построен после переписи Дм. Лодыгина 1620-х гг. В отказной книге 1642 г. говорится, что кожевенной двор уже не работал, а на его месте стоял двор вотчинника, в котором жил дворник (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6035. Л. 430об.). В росписном списке 1677 г. имелось описание самого завода и перечень инвентаря, относящегося к кожевенному производству: «*В селе Павлове на берегу Оки реки... двор государя нашего, что был кожевенной, намощен весь брусьем струговым, на нем строения: горница на подклети... изба двойная... у той же избы приделанная комната..., амбар двойной на подклетьях, у амбара у подклетьев 5 окошек красных, амбар крыт тесом, у амбара сени да крыльцо, в сенях чулан крыт тесом...*». В амбарах, избах и в подклетьях, под горницей находился следующий инвентарь: «*4 котла больших железных ветхих, крюк железный длиной аршин, на нем котел висел, над печью 9 чанов кожевенных, 8 пестов с железом, что на мельнице дуб толкли, 3 багра железных*» (ГИМ ОПИ. Ф. 450. Д. 95. Л. 285–287) и др.

Несмотря на то, что централизованное кожевенное производство в Павлове не сохранилось, до конца столетия число ремесленников, чья профессиональная деятельность была связана с обработкой кож, колебалось от 17 до 23% от общего числа мастеров. В конце 1680-х гг. кожевенное производство было переведено из Павлова в принадлежавшее М. Я. Черкасскому село Богородское, из которого в Павлово переселили на постоянное жительство кузнецов.

Металлообработка занимает особое место в развитии промышленного производства села Павлово по той причине, что именно они получили дальнейшее развитие как в XVIII в., так и в XIX в. (Изделия кустарной промышленности..., 1902. С. 15–16).

Исследователи полагают, что павловский кузнечный промысел вырос из занятий стрельцов. Они постоянно имели дело с металлом, к тому же имели право беспопытной торговли на сумму до трех рублей. К тому же толчок к развитию кузнечного промысла был дан необходимостью обслуживать проезжающих и проплывающих через Павлово многочисленных торговых, служилых и иных государевых людей (Лаппо-Данилевский, 1890. С. 71–72).

Развитие металлообработки в Павлово в первой половине XVII в. слабо отличалось от развития других ремесел: к 1646 г. распространение здесь

получили всего три специальности, связанные с обработкой металла: кузнец, бронник и серебряник (Сербина, 1978. С. 99, 127).

На примере села Павлово, можно отчетливо видеть, что развитие металлообработки шло по линии специализации – сужения круга операций, выполняемых в одной мастерской, что, в свою очередь, позволяло повысить производительность труда, и было особенно важно при переходе от работы на заказ к работе на рынок (Рабинович, 1978. С. 37).

Необходимо отметить, что среди перечня специальностей, постоянно упоминаемыми являются две: кузнец и серебряник, для всех же остальных характерно появление и исчезновение с течением времени.

Ремесленники, занятые в металлообработке, занимали значительное место среди общего числа мастеров. В Павлове металлисты составляли 15–20% от общего числа ремесленников, в то время как, например, в Москве в 1638 г. металлисты составляли лишь 6,8% (Колчин, 1949. С. 202).

Владелец села Павлова старался способствовать развитию металлообработки в своей вотчине. Он перевозил в свои владения мастеров из разных уголков России, что зафиксировано в описании 1642 г. Об увеличении объемов производства свидетельствуют исследования К. Н. Сербиной: к 1677 г. повышается доля кузниц с двумя и более горнами, что способствовало интенсификации производства. В это же время в одних руках будут сконцентрированы по две, а то и три кузницы, что говорит об использовании наемной рабочей силы (Сербина, 1978. С. 77–78). Об ее использовании говорят и другие источники: например, в челобитной 1699 г. вдовы кузнеца Игната Иванова сына Никонова, сообщалось, что ее муж ушел на поков в Алексинский уезд вместе с товарищем и наемными работниками, причем указывалось, что наемные были крестьянами из вотчины Л. К. Нарышкина – села Погоста (ГИМ ОПИ. Ф. 450. Д. 115. Л. 6).

После перевода в Павлов Острог основного состава кузнецов из села Богородского, здесь оказалось уже 38 кузниц. В некоторых имелось по несколько горнов, и их владельцы становились крупными промышленниками, работавшими не только на боярина, но и на рынок. Но главным все же оставались заказы вотчинной конторы Черкасских. Так, в начале 1688 г. в село Павлово прибыл из Москвы оружейных дел кузнец Мишка Андреев, а с ним *«к переделке девять наковален больших и меньших»*. Приказчику местной вотчинной конторы Ивану Панову предписывалось: велеть павловским кузнецам эти наковальни переделать, а после завершения работы незамедлительно отправить их назад в Москву (СПб. ИИ РАН. Ф. 141. Д. 17. Л. 1).

Спорным и по сей день остается вопрос о сырьевой базе павловских металлистов. Одни исследователи считали, что сырье было местное – так называемая болотная руда, но из-за низкого качества оно не могло использоваться для всех видов работ. Поэтому павловские кузнецы могли получать руду из Выксунских и Муромских месторождений, и переплавлять ее уже в Павлово. Так же использовали в качестве сырья железный лом (обломки гвоздей, подков, ободов) (Ротштейн, Шилова, 1930. С. 30; Глинка, 1936. С. 11; Миронов, 1982. С. 37). Основным же источником железа и стали была Макарьевская ярмарка (Сербина, 1978. С. 99).

Одним из самых важных вопросов при анализе развития металлообрабатывающей отрасли производства является вопрос обеспеченности самих металлостов кузницами. Можно констатировать, что их число изменялось пропорционально изменению общего числа мастеров. При этом в среднем 65–70% мастеров имели собственные кузницы, а оставшиеся 30%, по предположению К. Н. Сербиной, использовались в качестве наемных рабочих (Сербина, 1978. С. 135). Об этом же свидетельствует факт отсутствия у многих мастеров взрослых детей, братьев и других родственников.

Число кузниц в Павлово-на-Оке в XVII в. постепенно увеличивалось: в 1621 г. – 11 (РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 18), в 1642 г. – 21 (Выпись с отказных книг..., 1930. С. 54), в 1692 г. – 23 (СПб. ИИ РАН. Ф. 141. Д. 23. Л. 1–2).

При изучении источников, замечено, что перечисление ремесленников, связанных с металлообработкой выделяется из общего ряда, они сгруппированы в тексте, следовательно, жили они приблизительно в одном месте, поэтому можно говорить о формировании кузнечной слободы.

К тому же, необходимость близости проживания была вызвана особенностью технологического процесса – опасностью возникновения пожара. Неслучайно в 1692 г. М. Я. Черкасский приказал перевести все кузницы Павлова подальше от жилых построек – на место ликвидированного к тому времени кожевенного двора (СПб. ИИ РАН. Ф. 141. Д. 23. Л. 1–2).

Опираясь на вышеизложенные факты можно сделать следующие выводы. На протяжении всего XVII в. в селе Павлово происходил процесс специализации внутри металлообработки, особенно этому способствовала политика, проводимая владельцами селений князьями Черкасскими.

Другая отрасль производства, получившая заметное развитие в XVII в. в селе Павлово – мукомольное дело.

В это время близ Павлова на реках Тарке и Кузومه было 9 мельниц (РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 19–19об.), причем те, что были расположены на реке Тарке принадлежали собственно павловчанам: Стенке Абрамову, Спирке Горянину, Петрунке Воронову, совместно одной из мельниц владели Иван Ефимов и Мишка Шупов (РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 19–19об.). Оброки за мельницы они выплачивали непосредственно вотчиннику (РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 20). В переписной книге суммы оброков не указаны, но мы можем узнать их из платежниц. Оброк с мельниц колебался от 1 рубля и 10 денег до 8 рублей 13 алтын и 2 денег, общая сумма достигала 36 рублей 3 алтын и 4 денег (Нижняго Новгорода список..., 1909. С. 599–602).

К 1642 г. количество мельниц увеличилось до 12 (Выпись с отказных книг..., 1930. С. 57). К этому времени отчетливо проявилась тенденция сосредоточения промысла в руках ограниченной группы лиц. Если ранее в одних руках было не более одной мельницы, то теперь крестьянину Ивану Ефимову сыну Лапы принадлежало две мельницы на реке Тарке и одна на реке Кузومه; Стенке Абрамову – две мельницы; троим принадлежало по одной мельнице. Иван Ефимов и Стенка Абрамов известны как мельники с начала 1620-х годов. В платежнице 1619/20 г. говорится, что Стенка Абрамов унаследовал дело от отца (Нижняго Новгорода список..., 1909. С. 601). Самый низкий оброк

в 5 рублей выплачивался за новую мельницу, отданную крестьянину села Павлова Варламке Сбинину на льготе (1640/1–1645/6 гг.) (Выпись с отказных книг..., 1930. С. 57), максимальный оброк – 23 рубля 12 алтын 3 денги. Общая сумма выплат равнялась 171 рублю 31 алтыну в год. Таким образом, сумма выплат за 20 лет выросла почти в 5 раз, можно предположить, что увеличились и объемы производства.

Следующее описание села Павлово (1646 г.) не содержит сведений о мельницах. К концу 1660-х годов количество мельниц близ Павлова уменьшилось до 9-ти: не названы как действующие Давыдовская мельница на реке Тарке, Левушкина и Новая мельницы на реке Кузومه (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6035. Л. 518об.–519). Имена владельцев мельниц не указаны в источнике, поэтому проследить преемственность не представляется возможным.

На базе развитого мукомольного промысла в Павлове получили развитие и другие промышленные заведения: винокуренные и пивоваренные заводы, поставлявшие свою продукцию не только в местные кабаки и кружечные дворы, но и по другим городам Поволжья.

Среди крестьян и бобылей Павлова неоднократно встречается упоминание о мельниках. На примере Павлова мы видим одну семью, которая владела мельницами, занималась мельничным промыслом и торговлей: семья Степана Абрамова. Первые мельницы были приобретены еще его отцом, он увеличил обороты отцовского дела, а в середине XVII в. занимался и сбытом (РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 19; Нижняго Новгорода список..., 1909. С. 601; Выпись с отказных книг..., 1930. С. 42, 57).

Для развития мукомольного промысла в Павлове характерно стремление к его сосредоточению в одних руках (некоторой монополизацией). Данный факт объясняется тем, что мельницы работали в основном не на местном, а на привозном сырье, таким образом, владение несколькими мельницами сокращало расходы на перевозки сырья. Именно поэтому мелкие владельцы постепенно отказывались от мельничных откупов.

Для настоящего исследования важно определить не только общий уровень развития ремесла, но и его характер: было ли данное производство нацелено сугубо на удовлетворение внутренних потребностей, или же жители Павлова обеспечивали своими товарами и жителей близлежащих регионов.

На основе имеющихся данных, можно с уверенностью сказать, что в большинстве случаев, торговля воспринималась ремесленниками как средство дополнительного дохода, никак не связанного с ремеслом. Так как во многих случаях ремесленники владели лавками в рядах, где торговали продукцией, не связанной с их сферой деятельности. В нашем распоряжении имеются данные о павловчанах-ремесленниках – владеющих лавками за 1614, 1621–1623, 1642 гг. На их основании можно сделать следующий вывод: сбыт на торге в самом Павлове в основном находила продукция щепетильников, калачников, хлебников, мясников и красильщиков, остальные либо сбывали свой товар через скупщиков, либо продавали его сами, но в другом месте (например, на Макарьевской ярмарке или в Нижнем Новгороде). Эти же данные подтверждали и показания самих павловских мастеров: они работали *«собой на продажу»*,

и на подряд и по указу в казну великого государя, в Оружейную палату» (Заозерская, 1970. С. 314).

Динамика развития производства в селе Павлово соответствовала общим показателям развития ремесел в Нижнем Новгороде. Среди общих тенденций в развитии ремесленного производства можно выделить следующие: постепенное увеличение числа лиц, занятых в производстве; овладение новыми ремесленными специальностями и выделение среди них наиболее востребованных. Наиболее востребованной группой специальностей в Нижнем Новгороде было производство и приготовление продуктов питания – численность ремесленников, занятых в этой сфере достигала 22,5% от общей численности мастеров (в 1620-х гг.) и снизилась до 14,65% (к 1665 г.). В Павлове аналогичным производством занималось 13,7–34,5% мастеров в разное время. При этом в сфере металлообработки было занято от 10 до 22%, а в Нижнем Новгороде не более 5%, кожевенным делом в торгово-промышленных селах занималось от 17 до 28%, в Нижнем Новгороде – не более 13% (Филатов, 1989. С. 37).

Таким образом, опираясь на полученные данные можно с уверенностью говорить о том, что на территории города концентрируется производство товаров ежедневного потребления (например, продуктов питания). Тогда как производство торгово-промышленных сел, имеющее товарный характер, было нацелено не только на удовлетворение нужд местных жителей, но и на поставку своей продукции на отдаленные торжища.

Ремесленное развитие Павлова XVII в. характеризовалось поиском наиболее прибыльной сферы производства. Относительно первой половины столетия сложно выявить какую-либо преобладающую отрасль, в дальнейшем выделяются металлообработка и обработка холста, кожи и прядение шерсти, хотя и другие направления получили дальнейшее развитие.

Список литературы и источников

- Волков М.Я. Ремесленное мелкотоварное производство юфти в России во второй половине XVI – первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1973. Т. 32. С. 225.
- Выпись с отказных книг на село Павлово с деревнями 151-го году // *Ротштейн О.В., Шилова Н.И.* Павлово в XVII веке. М., 1930.
- Глинка Г. Павлово-на-Оке. Горький, 1936.
- Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее – ГИМ ОПИ). Ф. 450. Д. 95. Л. 285–287.
- ГИМ ОПИ. Ф. 450. Д. 115. Л. 6.
- Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970. 476 с.
- Изделия кустарной промышленности Нижегородской губернии / Сост. С.А. Жевайкин. СПб., 1902.
- Колчин Б.А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. Т. 2. № 12.
- Латто-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. 579 с.

- Мальшев А. В.* К ранней истории сел Богородское и Павлово и о дорогах, определивших их судьбу // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Н. Новгород, 2016. Вып. 14.
- Миронов Н. К.* Павловский металлообрабатывающий район. Горький, 1982.
- Нижнего Новгорода список с приходных книг доходам и сборам денежным и посопному хлебу 7128 году // Действия НГУАК. Нижний Новгород, 1909. Т. 7., отд. 3. С. 599–602.
- Нижнего Новгорода список с приходных книг доходам и сборам денежным и посопному хлебу 7128 году // Действия НГУАК. Нижний Новгород, 1909. Т. 7, отд. 3. С. 601.
- Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. 328 с..
- Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6035. Л. 430об.
- РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6035. Л. 518об.–519.
- Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1088. Оп. 10. Д. 525. Л. 2об.–7.
- РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17 Л. 2–21.
- РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 18.
- РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 19.
- РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 19–19об.
- РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 20.
- Санкт-Петербургский Институт Истории Российской академии наук (далее – СПб. ИИ РАН). Ф. 141. Д. 17. Л. 1.
- СПб. ИИ РАН. Ф. 141. Д. 23. Л. 1–2.
- Сербина К. Н.* Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. 190 с.
- Филатов Н. Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История. Архитектура. Горький, 1989. 176 с.

Из начальной истории нижегородской епархии

В марте 1672 г. церковный собор, созданный по инициативе царя Алексея Михайловича, принял решение об учреждении в «нижегородских пределах» епархии, территория которой выделялась из Патриаршей области (Покровский, 1897. С. 287; Соловьева, 1991. С. 40). Новоучрежденная епархия была сравнительно небольшой и включала в себя территории, ранее входившие в состав Патриаршей области: г. Нижнего Новгорода, Алатыря, Курмыша и Ядрина «с сопредельными селениями» (Нижегородский летописец, 1886. С. 77.; Покровский, 1897. С. 289). Однако даже учреждая новую епархию, церковный собор принял решение сохранить за Патриаршей областью ряд богатых монастырей – Благовещенский в Нижнем Новгороде, Амвросиев Дудин.

24 марта 1672 г. в нижегородские митрополиты был посвящен архимандрит Рождественского монастыря во Владимире Филарет. Выбор этого человека, надо полагать, был обусловлен тем обстоятельством, что Филарет, видимо, был нижегородцем по происхождению, затем принял постриг в Макарьевском Желтоводском монастыре, откуда вышло большинство известных церковных деятелей середины – второй половины XVII в.¹ До 1658 г. он был игуменом Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологде, затем в 1658 г. Филарет был переведен настоятелем Вознесенского Печерского монастыря в Нижний Новгород, а в ноябре следующего, 1659 г., стал архимандритом Рождественского монастыря во Владимире (Строев, 1869. С. 11–12). Соответственно, митрополит был хорошо знаком с территорией, на которой была учреждена епархия. Кроме того, Филарет, видимо, зарекомендовал себя человеком, проявлявшем заметную активность в церковных делах. Неслучайно архиепископ Коломенский Иосиф свидетельствовал, что «на соборе только и говорят нижегородский митрополит да я...» (Богданов, 1990. С. 331). Проявил Филарет и лояльность к власти во время дела патриарха Никона. В 1667 г. вселенские патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский посетив Владимир, пожаловали Филарету право носить на мантии скрижали и употреблять в служении архиерейский посох. Именно Филарет и вручал 30 ноября 1667 г. грамоту Никону (Тихонравов, 1869. С. 11–12).

Основная причина учреждения епархии в Нижегородском Поволжье как раз и заключалась в широком распространении в регионе «раскола». Уже

---

¹ В пользу этого утверждения говорят и записи рода Филарета в синодиках Макарьевского Желтоводского монастыря второй половины XVII – начала XVIII вв. См.: Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Коллекция рукописей, собрание Государственного Областного Музея. КР–212 (ГОМ № 14042). Л. 38–38 об.; КР–104 (ГОМ № 137 48) Лл. 74 об., 75 об. Кроме того, известен и значительный вклад Филарета «деньгами и книгами, всего 450 рублей», в монастырь. См.: ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 829. Л. 1 об.

в настольной грамоте, выданной митрополиту Филарету 2 июня 1672 г., отмечалось: «в настоящее убо время жителства нашего зрящим всем нам велие волнение во благочестии быти, и непрестанное колебание в догматах восточных церкве... Таковым убо прелестником и развратником умножившимся, наипаче в Великом княжении Низовския земли, в преименитом и начальнейшем тоя страны граде, именуемом в Нижнем Новеграде, с окрестными его грады и весми» (Древняя Российская Вивлиофика, 1791. С. 111–113; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 12А. Л. 1). Соответственно, главной задачей новопоставленного нижегородского митрополита являлась борьба со старообрядчеством.

Уже в конце июня 1672 г. Филарет отправился в новоучрежденную епархию в сопровождении образа Иверской Божьей Матери (НГВ, 1848. № 44, 45.; 1849. № 24). Прибыв в Нижний Новгород, митрополит Филарет сразу же взялся выполнять поставленные перед ним задачи. В связи с тем, что следственных дел у митрополита возникло немало, уже в сентябре 1672 г. он «бил челом» царю с просьбой о том, чтобы воеводы не отказывались от розыска и суда над «раскольниками» (Барсов, 1882. С. 13–14; Он же, 1890. С. 14). Митрополит начинает активно применять и такое наказание для старообрядцев, как их заключение в монастырские и другие тюрьмы Нижнего Новгорода. Так, источники сообщают сведения о том, что «раскольники» содержались в Нижнем Новгороде в «земляной тюрьме под городской стеной». Примечательно, что содержали сторонников старой веры отдельно от других арестантов. Это отдельное содержание объяснялось властями тем, что «им таким раскольникам в большой городской тюрьме с прочими христианами и для приходящих людей быть невозможно, потому что такие раскольщики церковные этих православных христиан своим злым учением прелщают и от святых Божия церкве развращают» (ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 238. Л. 7–9). В 1682 г. старообрядец Савва Романов свидетельствовал, что «в Нижнем под Ивановскою башнею выкопана яма сажен с десять и тут сидят и доныне три человека за крест и молитву», которых в «ту яму велел бросить» митрополит Филарет (Романов, 1863. С. 129). В том же 1682 г. в Печерский Вознесенский монастырь «под начал» был отправлен старовер А. Мартемьянов (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 423. Л. 1). В 1688 г. в эту же тюрьму был заключен еще один «раскольник» – Митька Сапожник, которого «велено держать в чеши и в железах, и смотреть того накрепко, чтоб он с монастыря не ушел» (Нижний Новгород в XVII веке..., 1961. С. 252).

Можно предположить, что начало массовых самосожжений старообрядцев было связано с началом их активных преследований со стороны епархиальной власти. Неслучайно «Нижегородский летописец» зафиксировал их под 1672 годом – годом учреждения в регионе митрополии (Нижегородский летописец, 1886. С. 72). Известна грамота царя Алексея Михайловича владыке, датированная августом 1673 г., из которой явствует, что митрополит Филарет сообщал царю о самосожжениях старообрядцев и связывал их с пропагандой «раскола» от неких «чернцов», которые «с собою носят книги и тайно их простолюдинов прелщают воровски». Царская грамота предписывала нижегородскому митрополиту разослать по епархии «памяти» поповским старостам «чтоб

они по вся дни детей своих духовных и всех православных христиан... поучали от божественного писания», а распространителей учения о самосожжении «в дома свои не пускали и ничего у них не слушали», ловили их и отдавали в руки к священникам официальной церкви. Самому митрополиту Филарету царь также указывал «всячески подщится» искоренять учение старообрядцев и усилить контроль над духовенством, «чтоб и они... о тех делех радели прилежно ж». В документе говорится и о некоем «крестьянине Васке», бывшем старовере, перешедшем затем в официальную церковь, который был отправлен митрополитом в Москву, а затем отпущен в Нижний Новгород с приказом «чтоб он, будучи в тамошних местех простолюдинах от тех потаенных ворах розыскивал» и выступал с контрпропагандой самосожжений (Сироткин, Морохин, 2015. С. 381–389).

Участвовал нижегородский митрополит и в распространении православия среди народов Поволжья. Со времен учреждения митрополии эта политика становится более заметной, хотя попытки христианизации нерусских народов региона предпринимались начиная с XV в. (Макарий, арх., 1848. С. 98). Известна грамота митрополита Филарета от 29 сентября 1686 г., адресованная архимандриту Вознесенского Печерского монастыря в Нижнем Новгороде Нилу о принятии в Архиерейский Духовный Приказ 58 принявших православие жителей мордовской Терюшевской волости для утверждения их в вере, так как новоявленные христиане оказались в вере «не тверды», «к церкви Божии не приходят и отцов духовных у себя не имеют» (Грамота Филарета митрополита..., 1848. С. 481–482). В том же 1686 г. новокрещенов поселили в деревне Ардатове, «что была деревня Пичевели (5 дворов), а нежелавших креститься переселили в другое место». Сюда же перевезли из сел Порецкого и Семеновского 10 русских семей во главе с Кирюшкой Степановым, построили церковь во имя Живоначальныя Троицы, перевели из Алатыря дворцовую и приказную избу. Так образовалась Новотроицкая дворцовая волость, объединившая свыше 80 мордовских деревень, ставшая одновременно организационной структурой уезда, где жили охраняемые от притеснений новокрещены, которые должны были стать примером для своих соплеменников в деле принятия христианской веры (Кочетков, 2012. С. 92–93).

Будучи митрополитом, Филарет значительную часть времени проводил в Москве при патриархе. Так, даже после своего поставления митрополитом Филарет некоторое время оставался в Москве, где, в частности, присутствовал сначала на «родильном», а затем и на «крестильном» столах по случаю появления на свет царевича Петра. После этого, в июле 1672 г., он участвовал в церемонии наречения патриархом Питирима (Дворцовые разряды..., 1857. С. 215). Затем, приехав в столицу в самом начале 1675 г., нижегородский митрополит уже 6 января участвовал в церемонии «хода со кресты на воду», и с тех пор продолжал находиться в Москве в течение всего 1675 г. (Дворцовые разряды..., 1857. Стб. 1167, 1173, 1175, 1202, 1214–1215, 1222, 1223, 1225, 1228, 1234, 1239, 1241, 1251 и далее). В следующем, 1676 г., Филарет вновь пребывал в столице, где, в частности, принимал активное участие в церемонии коронации Федора Алексеевича 16 июня 1676 г. (Древняя Российская Вивлиофика, 1774. С. 117).

В 1678 и 1681 гг. нижегородский митрополит присутствовал на церковных соборах (Древняя Российская Вивлиофика, 1774. С. 336, 346). В 1682 г. Филарет принял участие во всех значимых политических событиях: похоронах царя Федора Алексеевича, коронации Ивана и Петра Алексеевичей, прениях о вере со старообрядцами в кремлевской Грановитой палате (Соловьев, 1991. С. 301, 304, 307, 310; Древняя Российская Вивлиофика, 1788. С. 413; Дополнения к Актам Историческим, 1867. С. 39). Эти частые и длительные отсутствия митрополита приводили к отсутствию полномасштабного контроля над церковной жизнью региона.

К середине 1680-х гг., видимо, из-за ухудшения здоровья Филарет все больше времени стал проводить вне пределов Нижнего Новгорода. Он часто жил в своей загородной резиденции селе Ельни (Дополнения к Актам Историческим, 1869. С. 117). В декабре 1685 г. он уже проживал в Макарьеве Желтоводском монастыре, куда и просил казначея Павла «прислать... пенные денги что взято с Курмышского попа Иосифа дватцат рублей» (ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 223. Л. 2).

В декабре 1686 г. Филарет просил патриарха Иоакима из-за своего плохого самочувствия «от священноцерковнослужения и всякого архиерейского управления быти свободну, а быти по обещанию в том Макарьевском монастыре», где он и собирался «до кончины своей пребывати», мотивируя свой выбор обители тем, что «всяк взыскует своего духовного отечества, где кто породился» (Пискарев, 1791. С. 123). Уйдя на покой, Филарет стал проживать в Макарьевском Желтоводском монастыре. Известно письмо бывшего владыки к казанскому митрополиту Адриану, датируемое апрелем 1688 г., в котором Филарет, благодаря за присланные «рыб две лососи» и «зернистой икры лукошко», сообщал: «аз во обители Пресвятыя Троицы и чудотворца Макария» (ЦАНО. Ф. 570. Оп. 2. Д. 14. Л. 1).

В итоге следует констатировать, что в начальный период истории нижегородской епархии при митрополите Филарете были заложены основные направления деятельности церковной власти, которые оставались актуальными и в последующие годы.

Список литературы и источников

- Барсов Е.* Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII вв. М., 1890.
- Барсов Е.* Челобитная нижегородского митрополита Филарета об указе воеводам принимать к розыску и градскому суду раскольников // ЧОИДР, 1882. Кн. 3. Смесь. С. 13–14.
- Богданов А. П.* Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. 480 с.
- Грамота Филарета митрополита Нижегородского и Алатырского, архимандриту Печерского монастыря Нилу о принятии в Архиерейский Духовный Приказ Терюшевской Волости новокрещенов для утверждения их в христианской вере. 1686 сентября 29 // Нижегородские губернские ведомости (далее – НГВ), часть неофициальная, 1848. № 46. С. 481–482.
- Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852.
- Дополнения к Актам Историческим. Т. 6. СПб., 1857. № 58.

- Дополнения к Актам Историческим. Т. 10. СПб., 1867. № 15.
Дополнения к Актам Историческим. Т. 11. СПб., 1869. № 33.
Дополнения к Актам Историческим. Т. 11. СПб., 1869. № 33.
Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 6. СПб., 1774.
Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 7. М., 1788.
Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 16. М., 1791.
Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 18. М., 1791.
Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре: очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Чебоксары, 2012. 409 с..
Макарий, арх. Крещение черемис и чуваш в Нижегородской епархии и оставшиеся у них после крещения священные обряды // НГВ, часть неофициальная, 1848. № 25. С. 98.
НГВ, 1848. № 44, 45; 1849. № 24.
Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Коллекция рукописей, собрание Государственного Областного Музея. КР–212 (ГОМ № 14042) Л. 38–38 об.; КР–104 (ГОМ № 137 48) Лл. 74 об., 75 об.
Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.
Нижний Новгород в XVII веке. Сборник документов и материалов к истории Нижнего Новгорода и его округи. Горький, 1961. 463 с.
Пискарев П. Описание Троицкого Макарьева Желтоводского второклассного мужского монастыря. Нижний Новгород, 1846. С. 18.;
Покровский И.М. Русские епархии в XVII–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 1. Казань, 1897. 534 с.
Романов С. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. М., 1863. С. 129.
Сироткин С.В., Морохин А.В. Новый источник о самосожжениях нижегородских старообрядцев 1670-х годов // Очерки феодальной России. Вып. 18. М., СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 381–389.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Т. 13. Дополнения. М., 1991.
Соловьева Т.Б. Церковное управление в России и государственные проекты его реорганизации. 1681–1682 гг. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991.
Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. 574 с.
Тихонравов К. Владимирский Рождествен монастырь XII века, где почивали св. мощи Великого Князя Александра Невского, до перенесения в С.-Петербург. Владимир, 1869.
Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.
ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 423. Л. 1.
ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 238. Лл. 7–9.
ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 829. Л. 1 об.
ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 223. Л. 2.
ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 12А. Л. 1.

Научное издание

**Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья
в XII – XVII вв.: история и археология**
Материалы научной конференции

Редактор *А. Е. Улыбина*
Обложка *Н. С. Сафроновой*
Художник *Н. А. Красильникова*
Оригинал-макет: *В. Б. Степанов*

Подписано в печать 11.12. 2017. Формат 70×100¹/₁₆
Усл. печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 200 экз.

Институт археологии РАН
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-225-4

9 785943 752254